

2024 | Том 16 | № 3

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2024
Т. 16
№ 3

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ:
БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

ОБЩЕСТВО

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2024 || Том 16 || № 3

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2024

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2024
Том 16
№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2024.
190 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>
© БФУ им. И. Канта, 2024

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 09.10.2024 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стратегия пространственного развития России: Балтийский вектор

<i>Лексин В. Н.</i> Развитие как ключевое оценочное понятие трансформации пространственных систем	4
<i>Колосов В. А., Себенцов А. Б., Морачевская К. А.</i> Формальные границы и трансграничные взаимодействия: страна — регион — муниципалитет	21
<i>Нефедова Т. Г.</i> Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части	42
<i>Гресь Р. А., Жихаревич Б. С.</i> Балтийский вектор в стратегиях регионов и муниципалитетов российской Балтики	62

Политика и экономика

<i>Худолей К. К., Колотаев Ю. Ю.</i> Разделительные линии в вопросах общей внешней политики в Европейском союзе: Россия как фактор поляризации	87
<i>Сморodinская Н. В., Катуков Д. Д.</i> Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика	108

Общество

<i>Чижо Э., Богданова Н., Миетуле И., Кокаревича А., Кудиньи Я.</i> Неравенство среди жителей и предприятий в латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга	136
<i>Житин Д. В.</i> Пространственные особенности локализации этнических групп в Санкт-Петербурге	163

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР

РАЗВИТИЕ КАК КЛЮЧЕВОЕ ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИСТЕМ

В. Н. Лексин

Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» Российской академии наук,
117312, Россия, Москва, просп. 60-летия Октября, 9

Поступила в редакцию 18.05.2024 г.
Принята к публикации 07.08.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-1
© Лексин В. Н., 2024

Статья посвящена актуализированной в последние годы в России проблематике пространственного социально-экономического развития. Рассмотрен феномен широкого вхождения понятия «развитие» в лексикон российских политиков, исследователей и СМИ. Приведены авторитетные научные суждения о развитии как о процессе изменений объектов и явлений без обязательной позитивной коннотации этой дефиниции. На примере внешнего регулирования антропогенных пространственных систем показано, что развитие должно прежде всего способствовать устойчивости функционирования этих систем с учетом потенциала их самоорганизации (саморазвития) и эквивалентности. Изложены соображения о генетической связи понятия «пространственное развитие» с достижениями мировой научной мысли в сфере экономической географии. Рассмотрены особенности пространственного развития и регионального развития как предметов стратегического планирования. Изложены соображения о возможностях корректной оценки результатов Стратегии пространственного развития по количественному выражению достижения ее целей (целевым показателям). Акцентировано внимание на том, что эти результаты в части региональных диспропорций и расселения необходимо сравнивать по сопоставимым группам регионов и макрорегионов (северные, центральные и южные регионы европейской части России, регионы Сибири, регионы Дальнего Востока, регионы Арктической зоны, республики Северного Кавказа), а демографических процессов — по группам населения (дети, молодежь, трудоспособное население, пенсионеры, мигранты). Соответствующие целевым показателям конкретные изменения в размещении производительных сил целесообразно дополнять и верифицировать оценками населения на основе ежегодно проводимых социологических опросов.

Ключевые слова:

пространственные системы, пространственное развитие, региональное развитие, стратегическое планирование

Постановка проблемы

Понятие «развитие» было распространено в российских так называемых официальных выступлениях и документах, в научных и околонаучных публикациях наших обществоведов (в первую очередь экономистов, социологов, регионалистов,

Для цитирования: Лексин В. Н. Развитие как ключевое оценочное понятие трансформации пространственных систем // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 4–20. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-1

политологов), а также в СМИ, когда этим словом обозначали какие-то улучшения, не перечисляя их причины и не вдаваясь в оценку их прямых и сопряженных последствий¹. Это считалось оправданным, поскольку среди более чем сорока наиболее часто встречающихся синонимов слова «развитие» (от «анагенеза»² до «эволюции») каждое второе имеет положительную коннотацию; таковы, например, обновление, подъем, поступательное движение, прогресс, продвижение, процветание, расширение, рост, совершенствование, созревание, становление, улучшение и др. Это и сделало слово «развитие» столь популярным в федеральных и региональных стратегиях, планах, программах и проектах³.

Сегодня понятие «развитие» стало привычным, но оно и связанные с ним словосочетания вошли в наш язык относительно недавно. Академик В. В. Виноградов в известнейшей «Истории слов» писал: «Глаголы *развивать* — *развить* и возвратный *развиваться* — *развиться* в русском литературном языке до самого конца XVIII в. выражали лишь конкретные значения (иногда с профессиональным оттенком), прямо вытекающие из их морфологического состава (*развить веревку, развить венок, развить косу*). В последней четверти XVIII в. глагол *развивать* воспринимает отвлеченные значения французского *développer* (*развитие* — *développement*). В словаре 1847 г. указано новое переносное значение *развивать*: раскрывать умственные способности — и новое отвлеченное значение глагола *развиваться*: приходить в большее действие; приумножаться, увеличиваться, раскрываться. В. С. Соловьев в своем сочинении “Философские начала цельного знания” писал: *развитие* определяется как такой ряд имманентных изменений, который идет от известного начала и направляется к известной определенной цели... На изменение значений слова *развитие* повлияло синонимическое сближение его с научным термином *эволюция*, происшедшее в русском литературном языке в 20—40-х годах XIX в.»⁴. В последние десятилетия словарь русского обществоведения пополнился словосочетаниями «региональное развитие» и «пространственное развитие», которые вошли не только в научные труды и публицистику, но и в государственные акты.

Актуальность тематики данной статьи предопределена потенциальной (и часто реализуемой) возможностью не всегда корректного обозначения понятиями «развитие», «пространственное развитие» и «региональное развитие» сложнейших многоаспектных сдвигов в реальных общественно-политической и социально-экономической средах. Принято считать, что в «деталях прячется дьявол», и действительно, «в деталях» таких сдвигов, традиционно именуемых «развитием», часто скрываются явления, способные ослабить, а иногда и разрушить внешне позитивный результат. Цель статьи — показать возможности и ограничения использования

¹ При этом слово «развитие» редко используется в обиходной речи, где его употребление обычно дополнительно разъясняется (например, «задержка в развитии ребенка»).

² Анагенез — тип эволюционного процесса, который характеризуется усложнением органов, совершенствованием их деятельности и естественностью саморазвития.

³ Типичный пример: государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» включает 12 федеральных проектов, и название каждого начинается со слова «развитие»; это — федеральные проекты развития сельскохозяйственного машиностроения, специализированного машиностроения, машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности, производства новых материалов, автомобилестроения и транспортного машиностроения, производства средств производства, металлургии, промышленности редких и редкоземельных металлов, отрасли и предприятий лесопромышленного комплекса, промышленности социально значимых товаров, промышленной инфраструктуры и производственной кооперации в субъектах Российской Федерации, системы технического регулирования, стандартизации и обеспечения единства измерений.

⁴ Виноградов, В. В. 1999, *История слов*, М., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, с. 588—590.

вышеуказанных дефиниций в оценке трансформаций пространственных систем — антропогенной среды нашего бытия¹. Для этого в первую очередь излагаются научные представления о развитии как об одной из важнейших и сложнейших дефиниций познания изменчивости материальных и идеальных явлений и объектов. Обосновывается положение об устойчивости функционирования пространственных систем и роли потенциала их самоорганизации (саморазвития) и эквифинальности в достижении позитивного результата их трансформаций. Рассмотрен зарубежный генезис понятий «пространственное развитие» и «региональное развитие», проанализирована их специфика как предметов государственного регулирования в форме стратегического планирования и предпринята попытка сводной оценки его результативности. При подготовке текста были частично использованы материалы собственных публикаций, ссылки на которые приведены в третьем разделе статьи.

Развитие как констатация изменений

Декарт в «Правилах для руководства ума» (правило XIII) полагал: «Если бы среди философов установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены»². Не уверен, что это возможно (особенно «среди философов»), но определять «значение слов» рано или поздно приходится всем, и попытки определить понятие «развитие» тому подтверждение. Замечательный философ, методолог науки и один из основоположников российских системных исследований Э. Г. Юдин предлагал считать развитием «необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов... Способность развития составляет одно из всеобщих свойств материи и сознания. В результате развития возникает новое качественное состояние объекта, которое выступает как изменение его состава или структуры (то есть возникновение, трансформация или исчезновение его элементов или связей)... Одна из важнейших методологических задач — составление представлений о структуре и механизмах процессов развития, об их взаимосвязи с процессами функционирования»³. С этим согласны авторы соответствующих статей в «Новой философской энциклопедии». Так, философ, социолог, методолог исторических и социологических исследований Б. А. Грушин называет развитием «высший тип движения и изменения в природе и обществе, связанный с переходом от одного качества, состояния к другому, от старого к новому... Процесс развития — далеко не всякое изменение объекта, а лишь то, которое связано с преобразованиями во внутреннем строении объекта, в его структуре, представляющей собой совокупность функционально связанных друг с другом элементов, отношений и зависимостей... Возникновение или исчезновение в его структуре какого-либо составляющего никогда не равно только количественному изменению, простому прибавлению или вычитанию «одного», но ведет к возникновению множества новых связей и зависимостей, к преобразованию старых и т. д., то есть сопровождается более или менее серьезным субстанциональным и/или функциональным преобразованием всей массы составляющих внутри системы в целом»⁴. В том же издании Л. А. Маркова — известный специалист в области методологии историко-научных исследований, эпистемологии и философии науки,

¹ Специфика пространственных систем рассматривалась в ряде наших прежних публикаций [1—4].

² Декарт, Р. 1950, Правила для руководства ума, Декарт Р., *Избранные произведения*, М., Госполитиздат, с. 139.

³ Юдин, Э. Г. 1975, Развитие, *Большая советская энциклопедия*, М., Изд. Советская энциклопедия, т. 21, с. 409—410.

⁴ Грушин, Б. А. 2010, Развитие, *Новая философская энциклопедия*, М., Мысль, т. 3, с. 397—398.

дополняя дефиниционные изыскания Б. А. Грушина, писала: «Развитие — необратимое, поступательное изменение предметов духовного и материального мира во времени, понимаемое как линейное и однонаправленное. В древней философии не существовало понятия развития как такового, и прежде всего это было связано с циклическим пониманием времени... В Новое время понятие линейного времени и, соответственно, понятие развития стали доминирующими»¹.

Примечательно, что никто из вышеуказанных авторов не отождествляет развитие с улучшением, но все говорят только об изменениях как таковых. То, что такие изменения обязательно ведут к позитивному результату (улучшению чего бы то ни было), утверждает не само понятие «развитие», а лишь значительная часть его ранее отмеченных синонимов. При этом философские определения развития при всей их отточенности, попадая в современный мир множества сложнейших обособленных и системно связанных, внутренне противоречивых и даже противостоящих друг другу реалий, предстают в самых различных формах, а само понятие «развитие» начинает получать все новые интерпретации и становится предметом не только когнитивного, но и регулятивно-политического свойства (пример — «устойчивое развитие»).

Зарубежные и отечественные гуманитарии с университетской скамьи усвоили идеи развития, штудировав, например, труды Г. Ф. Гегеля о поступательном и необратимом движении научного знания, каждое достижение которого включает предыдущее в «снятом» виде, и сочинения позитивистов (О. Конта, Дж. С. Милля, Г. Спенсера), не сомневавшихся вслед за А. Тюрго, М. Кондорсе и К. Сен-Симоном в прогрессивности развития человеческой мысли и общества. В трудах адептов экзистенциализма, феноменализма и постпозитивизма наши современники читали о том, что на смену понимания времени как линейного и поступательного приходит представление о нем как о синтезе прошлого и будущего в сверхзначимом «теперь», затем стали популярными идеи бифуркаций, перехода равновесных систем в неравновесные, самоорганизации и «порядка из хаоса» и того, что даже «небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы» [5, с. 56]. Начинаются поиски и утверждение новых представлений о самой идее развития как прогресса, о его вероятностном характере (И. Валлерстайн, А. Этциони, У. Бакли и др.).

На суждения о последствиях развития (прогресса, эволюции и т. п.) влияют и системные оценки устоявшихся и новых явлений и объектов. Так, однозначно позитивное восприятие развития как направления к благой цели все чаще сосуществует с представлениями о кризисогенной природе таких его процессов как, например, глобализация, урбанизация и цифровизация, а убежденность в линейном характере развития — с его эмпирически подтверждаемыми явлениями новых форм цикличности, возвратности и т. п. Это во многом объясняет и нескончаемое обращение в научной среде к тематике идеи (теории) развития [6; 7], к теории познания и практике функционирования общественно-политических систем и институтов [8], хозяйственных и образовательных организаций [9] и т. д. Замечательное исследование причин актуализации проблематики развития представлено в работе известного советского и российского историка и политолога М. А. Чешкова [10]. Эти взгляды на суть развития нельзя не учитывать, анализируя возможности и ограничения использования понятия «развитие» применительно к трансформациям таких сложных объектов, как пространственные системы.

¹ Маркова, Л. А. 2010, Развитие, *Новая философская энциклопедия*, М., Мысль, т. 3, с. 398—400.

Генезис понятия «пространственное развитие»

В отечественный лексикон словосочетание «пространственное развитие» вошло относительно недавно, и его появление принято связывать с распространением понятия «пространственная экономика», дополнившим уже устоявшийся термин «региональная экономика» и ставшим поводом для дискуссий об их различиях и соподчиненности. Уместно предположить, однако, что это понятие перешло в российское обществоведение из зарубежной науки о связи пространства и экономики (в широком значении этого слова) и, как все заимствованное, было выборочным и, главное, использованным в иной (постперестроечной) реальности. До этого в СССР был накоплен уникальный опыт научного осмысления и практической реализации пространственного развития. Советские географы, экономисты и социологи¹ создали научный фундамент пространственной организации уникального социалистического государства с его тотальным административно-партийным руководством, преимущественно общенародной собственностью и плановой системой планирования и управления всем и вся. Именно для условий такого государства они разработали теоретические положения размещения производства, упорядоченной системы расселения и территориальной организации общества. Им были хорошо известны достижения ученых «капиталистического лагеря», но могли быть использованы только их некоторые методические практики, например экономико-математические.

С конца 1980-х гг. в России кардинально изменился общественно-политический строй, экономика стала рыночной и открытой всему миру, резко сузились плановые начала государственного управления, прекратили существование многие объективно неконкурентные предприятия, резко возросла трудовая мобильность населения, активизировался процесс концентрации экономического и демографического потенциала в крупных городах. В исторически кратчайший период сформировалась новая страна, которую аналитики отнесли к группе «догоняющих». Но то же самое произошло и с «догоняющим» российским обществоведением: для него задачей стало скорейшее освоение упущенных за годы советской власти новейших мировых достижений в познании и регулировании общественно-политических и социально-экономических процессов, и объем соответствующих заимствований расширился от конституционного права до ипотечного кредитования. Особенно много для формирования стратегии и практики российского пространственного развития дали труды западных географов и экономистов, что в самом сжатом изложении можно охарактеризовать следующими произвольно выбранными примерами.

Из зарубежных работ XIX в. современные российские ученые наиболее часто ссылаются на «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» И.Г. Тюнена [11], где были на конкретном примере рассмотрены базовые положения пространственной экономики, и на «Принципы экономической науки» А. Маршалла [12], корректно охарактеризовавшего причины концентрации экономики в городах. В XX в. оформились связанные с именем В. Кристаллера [13] научные представления о «системе центральных мест» — геометрических закономерностях расположения городов разного размера². Еще в СССР стали доступны идеи А. Леша 1949-х гг. об экономическом ландшафте и о

¹ А. Г. Аганбегян, Г. А. Агранат, А. Д. Арманд, М. К. Бандман, П. Я. Бакланов, Н. Н. Баранский, А. Г. Гранберг, Н. Н. Колосовский, И. М. Майергойз, В. П. Максаковский, П. А. Минакир, Г. М. Лаппо, О. П. Литовка, В. Я. Любовный, Е. Н. Перцик, А. Е. Пробст, О. С. Пчелинцев, Б. Б. Родоман, Ю. Г. Саушкин, Б. С. Хорев, Р. И. Шнипер и др.

² Попытки «геометризации» экономического пространства делались и ранее; так, еще в 1882 г. В. Лаунхардом [14] была описана модель оптимального размещения производства в виде «локационного треугольника».

возможностях согласования интересов властных, рыночных и транспортных структур [15]. Особый интерес российских исследователей, осознающих как данность растущую в последнее тридцатилетие пространственную неравномерность экономической активности, привлекли теоретические представления о полюсах и центрах роста, вызывающих позитивные перемены в экономике хинтерланда, что в значительной степени сформировало идеологию и язык будущих разработок политики регионального развития и стратегии пространственного развития. По основателю этой гипотезы Ф. Перру [16], производства делятся на угасающие («старые», с уменьшением доли в структуре экономики), быстро развивающиеся, но мало связанные с остальными и быстро развивающиеся и порождающие «центры роста», стимулирующие развитие всей экономики. Другой теоретик полюсов роста Ж. Будвиль [17] расширил представления о них, показав правомерность формирования региональных полюсов роста — концентрации развивающихся (и развивающих округу) объектов на территории (а) небольших городов с их влиянием на ближайшее окружение, (б) среднегородских поселений, нуждающихся в трансфертах и внешних инвестициях, (в) крупногородских агломераций и, наконец, (г) систем таких полюсов. П. Потье [18] выдвинул весьма заинтересовавшую наших регионалистов идею осей развития — транспортных сетей, передающих энергию развития от одного полюса роста к другому и формирующих тем самым его пространственную структуру. К сожалению, остались почти незамеченными положения еще одного теоретика полюсов роста — Х.Р. Ласуэна [19] — о том, что они, действительно, отражают реалии связи пространства и экономики, но (и это весьма существенно) рост последней не обязательно является следствием поляризации.

В науке существенный импульс коррекции представлений о пространственном развитии придали положения так называемой новой экономической географии. История становления этих положений и следствия их теоретического и практического использования хорошо исследованы, причем показано, что главной их мотивацией стали стремительная интенсификация международной конкуренции и обоснование циклов национального технологического лидерства [20], а также переосмысление моделей экономической географии в контексте более серьезного отношения к географии и истории [21]. Новую экономическую географию как самостоятельное научное направление принято связывать с именами нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана и его соавторов. Они изначально выступали как исследователи феномена растущей доходности в условиях монополистической конкуренции и международной торговли [22], торговой политики и функционирования мегаполисов третьего мира [23] и даже связи глобализации и национального неравенства [24]. Идеи собственно новой экономической географии были заявлены П. Кругманом еще при изучении результатов «экономики за счет масштаба, дифференциации продукции и структуры торговли» [25], и в России эти идеи были более чем позитивно оценены и практически использованы в государственных документах о пространственном развитии. То же произошло и с восприятием замечательной статьи П. Кругмана «Растущая отдача и экономическая география» [26]: ссылки на нее стали появляться в российских публикациях с конца 1990-х гг. Сейчас каждый серьезный регионалист России может ответить на вопрос П. Кругмана: «Где в мире находится новая экономическая география?» [27].

Учение П. Кругмана и его сподвижников выросло не только из анализа причин и мотивов изменения размещения экономической деятельности в конце XX в. [28; 29], но и из ранее накопленного знания о пространственном развитии капиталистической экономики от И. Тюнена до Дж.В. Хендерсона [30]. В этом учении сконцентрированы положения о силах пространственных перемещений экономической активности и ее ресурсов, о том, как самоорганизующаяся экономика «выбирает»

нужное ей пространство, и в тех случаях, когда расходы на перемещение продукции незначительны, а расходы на ее приобретение велики, формируется пространственная структура «центр — периферия». В [28] была представлена умозрительная модель «circular esopomtu» с распределенным по окружности населением и случайным размещением производства, что приводит к появлению центров, масштаб которых обратно пропорционален транспортным расходам. Российские регионалисты и политики, стремясь соединить принципы рыночной экономики и пространственного развития, стали широко использовать понятия П. Кругмана о конкурентности (и конкурентных преимуществах) территорий. Следует отметить, что идеи «новой экономической географии» менее всего были плодами теоретиков, оторванных от реалий мировой экономики. Напротив, эти идеи базировались на анализе конкретных (и в значительной степени универсальных) ситуаций и стали их своеобразной фотографией. Г. Хэнсон на анализе статистики за 1970—1990 гг. по трем тысячам административных округов США показал фактическую связь размеров рынка, миграции населения и концентрации экономики в модели «ядро — периферия» [31]. С. Брекман, Г. Гарретсен и М. Скрамма подтвердили то же на примере экономики Германии [32], а Т. Аго, И. Исоно и Т. Табучи на основе положений новой экономической географии попытались объяснить перераспределение численности населения между многими странами за несколько столетий [33].

К числу наиболее широко используемых в России понятий, сформированных на Западе исходя из практики пространственного развития экономически развитых стран, относятся «кластеры» и «агломерации», неоднократно упоминаемые в отечественных публикациях, диссертациях и официальных документах федерального и регионального уровня. «Кластеры по-русски» прижились быстро и основательно, в том числе и потому, что они чем-то напоминали советские территориально-производственные комплексы. Но именно — напоминали, поскольку последние теоретически обосновывались и создавались как планомерно организованные структуры, а западные исследователи имели в виду территориально-экономические комплексы, естественно складывающиеся под воздействием самоорганизации пространственных систем. Считается, что понятие «экономический кластер» ввел в 1990-х гг. М. Портер, увидевший прямую связь конкурентоспособности компаний и их пространственного окружения [34]. Факторы и результаты такой кластеризации изучались и популяризировались десятками западных ученых, среди которых назову лишь П. Маскелла и А. Малберга [35], С. Розенфельда [36], А. Скотта [37], С. Кетлеса [38], К. Веннберга и Г. Линдквиста [39]. В России идея кластеризации (и главное — возможность назвать по-западному территориальные комплексы), как уже отмечалось, стала одним из символов развития, и в большинстве регионов кроме промышленных и инновационных кластеров появились кластеры культурные и культурно-образовательные, туристические и туристическо-рекреационные, винный («Долина Дона»), креативные, северного дизайна и др. Административное поощрение крупногородских, а затем и среднегородских и даже сельских агломераций стало таким же символом пространственного развития и негласным показателем «прогрессивности» региональных и муниципальных властей. Анализ взглядов известных российских ученых на системные последствия такого агломерирования представлен в моей недавней работе [40].

Вышеназванные и другие достижения мировой научной мысли при несопоставимости общественно-политической, экономической и собственно пространственной среды в странах Запада и России были восприняты многими нашими регионалистами без какой-либо критической оценки. Но главное отличие состояло в том, что представленное на Западе как результаты научных изысканий (своеобразной

фиксации действительности) и их теоретического обобщения в России обрело императивный характер и превращалось в предмет государственного стратегического планирования.

Пространственное развитие как предмет стратегического планирования

В ст. 3 федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (далее — 172-ФЗ) было указано, что «стратегия пространственного развития... документ... направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации», но в опубликованном через год постановлении Правительства РФ (от 20 августа 2015 г. № 870) «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» к этому добавлено «снятие инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий» и пришедшее из времен СССР «приоритетное размещение производительных сил».

С таким образом понимаемым пространственным развитием сосуществует более определенное региональное развитие, о котором в п. 8. «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждены Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13) сказано, что оно ничто иное, как: «а) сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан России, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности, б) сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов, в) достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий страны, г) дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках и д) повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления». Немаловажно, что в п. 6 тех же «Основ» цели регионального развития фактически отождествляются с общими целями развития страны, что начинает присутствовать и в других официальных документах, например в «Концепции стратегии пространственного развития РФ», утвержденной заместителем председателя Правительства РФ (22.05.2017, № ДК-П16-3247), и это размывает грань между пространственным, региональным и социально-экономическим.

В разделе 1 утвержденной распоряжением Правительства РФ 13 февраля 2019 г. № 207-р Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. (далее — Стратегия) среди понятий, используемых в Стратегии, названо пространственное развитие — «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития». Симптоматично указание на то, что все это осуществляется не только за счет реализации Стратегии, и это подтверждает Отчет Центра стратегических разработок (март 2024 г.) о промежуточных результатах реализации Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Там сказано: «Достижение показателей, проанализированных в Отчете, не всегда напрямую обусловлено реализацией Стратегии — на результаты повлиял комплекс решений и мероприятий Правительства РФ». И это действительно так, поскольку

ку на результаты трансформаций пространственных систем всегда воздействуют как весь комплекс принимаемых регулятивных решений, так и естественные (в том числе самоорганизация и саморазвитие) воздействия.

Государственная политика России в отношении пространственного развития соединила ряд неизменных положений (обеспечение целостности территории страны, недопустимость аномально больших различий социально-экономического положения отдельных регионов, доминирование федерального центра с частичным перераспределением централизованных ресурсов между дотационными регионами и др.) и конкретных действий в форме выделения территорий с особыми, обычно преференциальными, режимами (территориальная фрагментация единого правового пространства, особые экономические зоны, территории опережающего развития и др.), в большинстве случаев не оправдавших представлений об их однозначно положительном влиянии на состояние регионов и страны в целом. То же относится и к результатам изменения административно-политического устройства государства. Квинтэссенцией такой государственной политики и должна была стать Стратегия пространственного развития Российской Федерации, обязательность создания и доминирующее положение которой среди других «документов стратегического планирования» были предписаны уже упоминавшимся законом 172-ФЗ.

Не требует доказательств, что направляемая государством трансформация всех параметров пространственного устройства страны — сложнейшая задача, которую за исключением СССР никто и никогда в мировой практике не ставил и не пытался решить. Процессы такой трансформации в разных странах генетически естественны и идут под воздействием меняющихся интересов групп населения в различных населенных пунктах и частях страны, динамики внешних и внутренних факторов функционирования бизнеса, появления новых зон хозяйственной деятельности и исчерпания природных ресурсов, природно-климатических изменений, политических амбиций элит и т.п. В современной же России проблема реструктуризации российского пространства, возникшая в связи с качественными переменами во всех основаниях нашего общественного устройства и во многом определяющая его острейшие противоречия, принципиально иная. Ее саморазрешение возможно, но на это уйдут десятилетия перманентно кризисного существования десятков тысяч населенных пунктов и миллионов их жителей, социальной сферы и экономики всей страны. Поэтому намерения государства позитивно повлиять на реально идущие перемены в пространственном бытии страны вполне понятны.

Однако до сих пор остается ощущение невыполнимости поставленных задач, сформулированных в ранее упомянутом постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 840 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации»; нужно признать, что для их решения в современной России нет ни опыта, ни информационных и институциональных ресурсов. Напомню, что в число таких задач входили, например, «анализ особенностей и проблем пространственного развития РФ, содержащий оценку факторов, условий и рисков пространственного развития... в том числе существующей системы расселения на территории РФ, природно-ресурсного и производственного потенциалов, транспортного и энергетического каркасов, пространственных аспектов межрегионального, приграничного и международного сотрудничества, а также иные оценки, связанные с пространственными аспектами экономического и социального развития Российской Федерации», а также формирование приоритетов совершенствования системы расселения на территории РФ и механизмов стимулирования расселения в соответствии с этими приоритетами; создание направлений изменения структуры экономики РФ в региональном аспекте; перспективных кон-

курентных преимуществ и экономической специализации субъектов РФ в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающих принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития; прогноз (оценка) потребности субъектов РФ в трудовых ресурсах с учетом перспективной экономической специализации и прогнозов социально-экономического развития соответствующих территорий; прогноз (оценка) потребности в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации соответствующих территорий; создание перечня потенциальных территорий опережающего социально-экономического развития, основанного на комплексной оценке и анализе условий и потенциалов пространственного развития РФ; разработка вариантов территориального размещения национальных технологических платформ; направления интеграции РФ и т.д. Решение подобных задач, бесспорно, необходимо для разработки полноценной Стратегии, но проблема в том, что до настоящего времени нет ни одного (а их требуется около сотни) развернутого исследования (прогноза, проекта, расчета), обеспечивающего выполнение каждого из вышеперечисленных требований и тем более прошедшего широкое общественное обсуждение. В кулуарных экспертных обсуждениях новой концепции Стратегии пространственного развития начинают звучать сомнения в том, возможно ли вообще оценить ее результаты.

О показателях реализации Стратегии пространственного развития

Системная оценка реализации Стратегии никогда не проводилась. Около сотни мер, предусмотренных планом ее реализации (распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 3227-р), должны были обеспечить «эффективную организацию экономического пространства в России за счет формирования и развития перспективных центров экономического роста, раскрытия экономического потенциала различных типов территорий, развития человеческого капитала». Эти меры были сформулированы как «подготовка предложений», «разработка рекомендаций», «разработка стратегий», «подготовка правил». «внесение изменений в ранее принятые нормативные акты», «разработка механизмов», «подготовка прогнозов», «разработка интегрального индекса городского развития» и «формирование центра пространственного анализа». Отчитаться о выполнении плана, в котором не было показателей пространственного развития как такового, было несложно. Не удивительно, что в отчетах о реализации заявленных целей Стратегии не указывалось: (1) как повлияет, например, введение преференциальных режимов на территориях «опережающего развития» или курса на крупногородские агломерации на экономические, социальные, демографические, расселенческие и иные параметры других территорий и населенных пунктов и (2) что в массиве планируемых или прогнозируемых изменений пространственных систем есть результат только достижения целей Стратегии. Возможна ли вообще корректная оценка достижения этих целей? Да, возможна, если исходить из следующих положений.

1. Результаты Стратегии должны оцениваться не по выполнению рассмотренного выше «плана ее реализации», а по количественному выражению достижения ее целей, то есть по целевым показателям (ЦП). Они должны основываться на статистических данных и показателях других стратегий, планов их реализации и нормативных документов, призванных воздействовать на решение задач пространственного развития. Методическое обеспечение расчета ЦП, представление их в

виде ежегодно публикуемого специального раздела федеральной и региональной статистической отчетности и ответственность за своевременность и обоснованность такой отчетности уместно возложить на Росстат.

2. ЦП целесообразно представлять в табличной форме с указанием для каждого показателя исходного значения на начало действия Стратегии и отчетного года, значения на конец отчетного года и количественно оцененных мер, повлиявших на достигнутые результаты. В перечень указанных мер должны отдельно входить: а) конкретные целевые решения, предусмотренные Стратегией; б) финансовая поддержка регионов в рамках межбюджетных отношений; в) установление преференциальных режимов на конкретных территориях; г) специальные меры налогового регулирования; д) конкретные меры реализуемых в регионах национальных проектов, федеральных и государственных программ, государственных решений о сооружении хозяйственных и инфраструктурных объектов.

3. ЦП, характеризующие снижение региональных диспропорций, в связи с их российской спецификой корректнее сравнивать по сопоставимым группам регионов и макрорегионов (северные, центральные и южные регионы Европейской части России, регионы Сибири, регионы Дальнего Востока, регионы Арктической зоны РФ, республики Северного Кавказа). Показателями могут служить параметры численности постоянного и трудоспособного населения, параметры собственных бюджетных ресурсов и бюджетная обеспеченность населения, соотношение размера всех видов федеральной поддержки (см. п. 2) и собственных бюджетных ресурсов, ВРП на душу трудоспособного населения, в том числе полученный за счет реализуемых в регионах национальных проектов, федеральных и государственных программ, государственных решений о сооружении хозяйственных и инфраструктурных объектов.

4. ЦП, характеризующие совершенствование системы расселения, уместно предоставлять по тем же группам регионов, что и в п. 3: это показатели урбанизации, число малых сельских населенных пунктов, число средних и крупных городов, параметры концентрации численности населения и экономического потенциала территорий в крупнейших городах, административных центрах регионов (отдельно по городским агломерациям), параметры распространения экономического и инновационного потенциала агломераций за их пределами.

5. ЦП, характеризующие демографическую ситуацию по указанным в п. 2 группам регионов и макрорегионов, рекомендуется сравнивать по группам населения (дети, молодежь, трудоспособное население, пенсионеры, мигранты), по кругу показателей рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, занятости трудоспособного населения в собственном регионе, доли мигрантов в трудовом потенциале региона, наличия социальной инфраструктуры в сельских населенных пунктах, административных центрах и крупных городах.

6. ЦП, характеризующие влияние на параметры пространственного развития изменений в размещении производительных сил, целесообразно представлять по тем же указанным в п. 2 группам регионов и макрорегионов, выделяя конкретные изменения в размещении производительных за счет реализации (раздельно) факторов, перечисленных в п. 2, и их воздействия на параметры изменения региональных диспропорций, системы расселения и демографической ситуации, перечисленные в п. 3—5.

Эти параметры полезно дополнить оценками населением достигнутых целевых показателей Стратегии на основе ежегодно и раздельно проводимых социологических опросов по северным, центральным и южным регионам Европейской части России, регионам Сибири, Дальнего Востока и Арктической зоны РФ, республикам Северного Кавказа. При этом опросы полезно начинать с того, известна ли респон-

денту Стратегия пространственного развития страны и региона его постоянного местожительства. Вышеизложенные соображения, разработанные совместно с профессором А. Н. Швецовым для передачи в профильный комитет Совета Федерации, основываются на представлении о том, что обновленная Стратегия станет неформальным предметом государственного управления. В то же время мы учитывали возможности такого управления в обстановке санкционного давления, неуверенности инвесторов и т. д., когда может стать в какой-то степени оправданной разработанная Ч. Линдбломом и скорректированная Дж. Б. Куинном инкременталистская логика принятия решений, в соответствии с которой реализация любой стратегии в значительной степени зависит от способности адекватно действовать в непредвиденных условиях и разумно перераспределять ресурсы в случае появления новых ограничений [41; 42]. И. И. Климова выделяет несколько базовых положений инкрементализма, ориентирующих на «бесконечно малое приращение», что применительно к предмету этой статьи отвечает задаче обеспечения устойчивости властно трансформируемых пространственных систем. Так, обобщая постулаты Ч. Линдблома, она пишет: «Необходимо двигаться умеренно, малыми шагами, разбивая крупные проблемы на более мелкие, используя при этом метод проб и ошибок... вследствие постоянного дефицита знаний, информации, ресурсов и времени, недостаточных возможностей человеческого интеллекта, а также состояния неопределенности и слабой контролируемости внешней среды нужно добиваться не столько эффективных, сколько решений, обеспечивающих не радикальные изменения, а некоторое приближение к улучшению политической ситуации и состояния проблемы» [43, с. 69]. Не исключено, что практика управляемых трансформаций пространственных систем в реальных условиях третьего десятилетия XXI в. будет вынуждена осуществляться и в формате инкрементализма.

Список литературы

1. Лексин, В. Н. 2018, Антропогенные пространственные системы: особенности функционирования и трансформации, *Труды Института системного анализа РАН*, т. 68, № 1, с. 74—86. EDN: YUZTQQ
2. Лексин, В. Н. 2021, Реалии функционирования пространственных систем и государственные стратегии, воздействующие на их трансформации, *Труды II Гранберговской конференции*, Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, с. 14—25, https://doi.org/10.53954/9785604607893_14
3. Лексин, В. Н. 2022, Неопределенность, риски и устойчивость систем, *Труды Института системного анализа РАН*, т. 72, № 1, с. 3—14, <https://doi.org/10.14357/20790279220101>
4. Лексин, В. Н., Швецов, А. Н. 2024, Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России, *Федерализм*, т. 29, № 2, с. 5—31, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-5-31>
5. Пригожин, И., Стенгерс, И. 1986, *Порядок из хаоса*, М., Прогресс.
6. Косолапов, Н. А. 2013, Идея развития: запрос на теорию, *Восток. Афроазиатские общества: история и современность*, № 4, с. 30—37. EDN: RESGAT
7. Моисеев, Н. Н. 1987, *Алгоритмы развития*, М., Наука, 232 с.
8. Елфимова, О. С. 2013, Идея развития в парадигме национальной безопасности России, *Международный научно-исследовательский журнал*, № 10-4, с. 66—67. EDN: ROQNNH
9. Ольшанникова, Н. А. 2017, Идея развития российского университета, *Идеи и идеалы*, № 4, ч. 1, с. 105—112. EDN: ZWSVNP
10. Чешков, М. А. 2004, Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 130—140. EDN: OWPJFF
11. Тюнен, И. Г. 1926, *Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике*, пер. с нем., т. 1, М., Экономическая жизнь.
12. Marshall, A. 1980, *Principles of Economics*, L., Macmillan, 754 p.

13. Cristaller, W. 1966, *The Central Places of Southern Germany*, Englewood Cliffs, N.J., Prentice-Hill, 119 p.
14. Launhardt, W. 1882, Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage, *Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure*, vol. 26, p. 106—115.
15. Лёш, А. 1959, *Географическое размещение производств*, М., Изд. иностр. лит., 456 с.
16. Perroux, F.L. 1961, *L'Economie du XX siècle*, P.U.F., 814 p.
17. Boudeville, J. 1966, *Problems of regional economic planning*, Edinburg, Edinburg U.P., 192 p.
18. Pottier, P. 1964, Axes de communication et développement économique, *Revue économique*, № 14, p. 58—132.
19. Lasuén, J.R. 1969, On growth poles, *Urban Studies*, № 6, p. 137—152.
20. Brezis, E., Krugman, P., Tsiddon, D. 1993, Leapfrogging in International Competition: A Theory of Cycles in National Technological Leadership, *American Economic Review*, vol. 83, № 5, p. 1211—1219.
21. Garretsen, H., Martin, R. 2010, Rethinking (new) economic geography models: taking geography and history more seriously, *Spatial Economic Analysis*, № 5, p. 2, <https://doi.org/10.1080/17421771003730729>
22. Krugman, P. 1979, Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade, *Journal of International Economics*, vol. 9, № 4, p. 469—479.
23. Krugman, P., Elizondo, R. 1996, Trade Policy and the Third World Metropolis, *Journal of Development Economics*, vol. 49, p. 137—150.
24. Krugman, P., Venables, A. 1995, Globalization and the Inequality of Nations, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, № 4, p. 857—880.
25. Krugman, P. 1980, Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade, *American Economic Review*, vol. 70, № 5, p. 950—959.
26. Krugman, P. 1991, Increasing Returns and Economic Geography, *Journal of Political Economy*, vol. 99, № 3, p. 483—499.
27. Krugman, P. 2000, Where in the World is the «New Economic Geography?», in: Clark, L., Feldman, M.P., Gertler, M.S. (eds.), *The Oxford Handbook of Economic Geography*, Oxford University Press, p. 49—60.
28. Fujita, M., Krugman, P., Venables, A.J. 1999, *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*, Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 367 p.
29. Fujita, M., Krugman, P. 2004, The New Economic Geography: Past, Present and the Future, *Papers in Regional Science*. Wiley-Blackwell, vol. 83, p. 139—164, <https://doi.org/10.1007/s10110-003-0180-0>
30. Henderson, J.V. 1974, The Sizes and Types of Cities, *American Economic Review*, vol. 64, № 4, p. 640—656.
31. Hanson, G.H. 1998, *Market Potential, Returns, and Geographic Concentration*, *Journal of International Economics*, vol. 67, № 1, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2004.09.008>
32. Brakman, S., Garretsen, H., Schramm, M. 2002, *New Economic Geography in Germany: Testing the Helpman-Hanson Model*, HWW, Discussion Paper 172.
33. Ago, T., Isono, I., Tabuchi, T. 2006, Locational Disadvantage of the Hub, *The Annals of Regional Science*, vol. 40, p. 819—848, <https://doi.org/10.1007/s00168-005-0030-x>
34. Porter, M.E. 1990, *The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction*, N.Y., The Free Press, Palgrave Tenth Edition, 855 p.
35. Maskell, P., Malberg, A. 1999, Localized Learning and Industrial Competitiveness, *Cambridge Journal of Economics*, vol. 23, № 2, p. 167—185, <https://doi.org/10.1093/cje/23.2.167>
36. Rosenfeld, S.A. 1997, Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development, *European Planning Studies*, vol. 5, № 1, p. 3—23, <https://doi.org/10.1080/09654319708720381>
37. Scott, A., Storper, M. 2003, Regions, Globalization, Development, *Regional Studies*, vol. 37, № 6-7, p. 579—593, <https://doi.org/10.1080/0034340032000108697a>

38. Ketels, C. 2013, Recent research on competitiveness and clusters: What are the implications for regional policy?, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 6, iss. 12, p. 269—284, <https://doi.org/10.1093/cjres/rst008>

39. Wennberg, K., Lindqvist, G. 2010, The effect of clusters on the survival and performance of new firms. *Small Business, Economics*, vol. 34, iss. 3, p. 221—241, <https://doi.org/10.1007/s11187-008-9123-0>

40. Лексин, В. Н. 2024, «Другая страна» и ее региональная политика, *Регион: экономика и социология*, № 1 (121), с. 115—149. EDN: IFBVKD

41. Кузьмин, С. С. 2015, Инкрементализм как стратегический ответ на неопределенность внешней среды, *Вопросы экономики и права*, № 3, с. 73—77. EDN: ULPPFD

42. Горбунова, А. Ю. 2016, Логический инкрементализм как метод управления современными организациями, *Дискуссия*, № 4 (67), с. 19—23. EDN: VUVZGL

43. Климова, И. И. 2011, Концепция инкрементализма и его эволюция, *Финансовый журнал*, № 4, с. 63—72. EDN: OHELZX

Об авторе

Владимир Николаевич Лексин, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

E-mail: leksinvn@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8974-5444>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

DEVELOPMENT AS A KEY EVALUATIVE CONCEPT OF SPATIAL SYSTEM TRANSFORMATION

V. N. Leksin

Federal Research Centre Computer Science
and Control of the Russian Academy of Sciences,
9, 60-letiya Oktyabrya av., Moscow, 117312, Russia

Received 18 May 2024
Accepted 07 August 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-1
© Leksin, V. N., 2024

This article examines the spatial socioeconomic development problems that have emerged prominently in Russia in recent years. A special focus is the notion of 'razvitiye' (development) gaining mainstream traction in the vocabulary of Russian politicians, researchers and media professionals. Authoritative scholarly opinions are cited, describing development as a process of changes in objects and phenomena without implying a positive connotation. Using the example of external regulation of anthropogenic spatial systems, it is shown that development should enhance the stability of the systems' functioning, considering their equifinality and potential for self-organisation (self-development). A genetic connection is established between the concept of 'spatial development' and the global advances in economic geography. Attention is paid to the features of spatial and regional development as strategic planning objects. The article also examines the feasibility of accurately assessing the outcomes of a

To cite this article: Leksin, V. N. 2024, Development as a key evaluative concept of spatial system transformation, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 4—20. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-1

spatial development strategy by quantifying the achievement of its goals and targets. It is emphasised that results highlighting regional disparities and settlement patterns should be compared within groups of similar regions and macro-regions, such as northern, central and southern provinces of European Russia, Siberian territories, the Far East, the Arctic Zone and the republics of the North Caucasus. For demographic processes, comparisons should be based on specific population groups: children, youth, the working-age population, pensioners and migrants. Specific changes in productive forces distribution that align with target indicators should be verified by population assessments based on annual surveys.

Keywords:

spatial systems, spatial development, regional development, strategic planning

References

1. Leksin, V.N. 2018, Anthropogenic spatial systems: peculiarities of function and transformation, *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences (ISA RAS)*, vol. 68, № 1, p. 74—86. EDN: YUQTQQ (in Russ.).
2. Leksin, V.N. 2021, The realities of territorial systems functioning and government strategies affecting their transformation, *Proceedings of the II Granberg Conference*, Novosibirsk, IEIE SB RAS, p. 14—25, https://doi.org/10.53954/9785604607893_14 (in Russ.).
3. Leksin, V.N. 2022, Uncertainty, risks and sustainability of systems, *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences (ISA RAS)*, vol. 72, № 1, p. 3—14, <https://doi.org/10.14357/20790279220101> (in Russ.).
4. Leksin, V.N., Shvetsov, A. N. 2024, Natural and Regulative-Imperative in the Spatial Development of Russia, *Federalism*, vol. 29, № 2, p. 5—31, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-5-31> (in Russ.).
5. Prigozhin, I., Stengers, I. 1986, *Porjadok iz haosa* [Order out of Chaos], M., Progress, p. 56 (in Russ.).
6. Kosolapov, N. A. 2013, The idea of development: a theory claim, *Oriens*, № 4, p. 30—37. EDN: RESGAT (in Russ.).
7. Moiseev, N. N. 1987, *Algoritmy razvitiya* [Development algorithms], M., Nauka, 232 p. (in Russ.).
8. Elfimova, O. S. 2013, The idea of development in the paradigm of national security of Russia, *International Research Journal*, № 10-4, p. 66—67. EDN: ROQHNH (in Russ.).
9. Olshannikova, N. A. 2017, The idea of development of a Russian university, *Ideas and Ideals*, № 4, part 1, p. 105—112. EDN: ZWSVNP (in Russ.).
10. Cheshkov, M. A. 2004, The idea of development: necessity and possibility of reinterpretation, *Social Sciences and Contemporary World*, № 5, p. 130—140. EDN: OWPJFF (in Russ.).
11. Thuenen, J. G. 1826, *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*, Hamburg, Perthes.
12. Marshall, A. 1980, *Principles of Economics*, L., Macmillan, 754 p.
13. Cristaller, W. 1966, *The Central Places of Southern Germany*, Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hill, 119 p.
14. Launhardt, W. 1882, Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage, *Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure*, vol. 26, p. 106—115.
15. Loesch, A. 1940, *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel*. Jena, Fischer.
16. Perroux, F. L. 1961, *L'Economie du XX siècle*, P.U.F., 814 p.
17. Boudeville, J. 1966, *Problems of regional economic planning*, Edinburg, Edinburg U. P., 192 p.
18. Pottier, P. 1964, Axes de communication et développement économique, *Revue économique*, № 14, p. 58—132.
19. Lasuén, J. R. 1969, On growth poles, *Urban Studies*, № 6, p. 137—152.

20. Brezis, E., Krugman, P., Tsiddon, D. 1993, Leapfrogging in International Competition: A Theory of Cycles in National Technological Leadership, *American Economic Review*, vol. 83, № 5, p. 1211 – 1219.
21. Garretsen, H., Martin, R. 2010, Rethinking (new) economic geography models: taking geography and history more seriously, *Spatial Economic Analysis*, № 5, p. 2, <https://doi.org/10.1080/17421771003730729>
22. Krugman, P. 1979, Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade, *Journal of International Economics*, vol. 9, № 4, p. 469 – 479.
23. Krugman, P., Elizondo, R. 1996, Trade Policy and the Third World Metropolis, *Journal of Development Economics*, vol. 49, p. 137 – 150.
24. Krugman, P., Venables, A. 1995, Globalization and the Inequality of Nations, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, № 4, p. 857 – 880.
25. Krugman, P. 1980, Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade, *American Economic Review*, vol. 70, № 5, p. 950 – 959.
26. Krugman, P. 1991, Increasing Returns and Economic Geography, *Journal of Political Economy*, vol. 99, № 3, p. 483 – 499.
27. Krugman, P. 2000, Where in the World is the “New Economic Geography?”, in: Clark, L., Feldman, M. P., Gertler, M. S. (eds.), *The Oxford Handbook of Economic Geography*, Oxford University Press, p. 49 – 60.
28. Fujita, M., Krugman, P., Venables, A. J. 1999, *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*, Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 367 p.
29. Fujita, M., Krugman, P. 2004, The New Economic Geography: Past, Present and the Future, *Papers in Regional Science*. Wiley-Blackwell, vol. 83, p. 139 – 164, <https://doi.org/10.1007/s10110-003-0180-0>
30. Henderson, J. V. 1974, The Sizes and Types of Cities, *American Economic Review*, vol. 64, № 4, p. 640 – 656.
31. Hanson, G. H. 1998, *Market Potential, Returns, and Geographic Concentration*, *Journal of International Economics*, vol. 67, № 1, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2004.09.008>
32. Brakman, S., Garretsen, H., Schramm, M. 2002, *New Economic Geography in Germany: Testing the Helpman-Hanson Model*, HWW, Discussion Paper 172.
33. Ago, T., Isono, I., Tabuchi, T. 2006, Locational Disadvantage of the Hub, *The Annals of Regional Science*, vol. 40, p. 819 – 848, <https://doi.org/10.1007/s00168-005-0030-x>
34. Porter, M. E. 1990, *The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction*, N. Y., The Free Press, Palgrave Tenth Edition, 855 p.
35. Maskell, P., Malberg, A. 1999, Localized Learning and Industrial Competitiveness, *Cambridge Journal of Economics*, vol. 23, № 2, p. 167 – 185, <https://doi.org/10.1093/cje/23.2.167>
36. Rosenfeld, S. A. 1997, Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development, *European Planning Studies*, vol. 5, № 1, p. 3 – 23, <https://doi.org/10.1080/09654319708720381>
37. Scott, A., Storper, M. 2003, Regions, Globalization, Development, *Regional Studies*, vol. 37, № 6-7, p. 579 – 593, <https://doi.org/10.1080/0034340032000108697a>
38. Ketels, C. 2013, Recent research on competitiveness and clusters: What are the implications for regional policy?, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 6, iss. 12, p. 269 – 284, <https://doi.org/10.1093/cjres/rst008>
39. Wennberg, K., Lindqvist, G. 2010, The effect of clusters on the survival and performance of new firms. Small Business, *Economics*, vol. 34, iss. 3, p. 221 – 241, <https://doi.org/10.1007/s11187-008-9123-0>
40. Leksin, V. N. 2024, “A different country” and its regional policy, *Region: Economics and Sociology*, № 1 (121), p. 115 – 149. EDN: IFBVKD (in Russ.).
41. Kuzmin, S. S. 2015, Incrementalism as a strategic response to environmental uncertainty, *Economic and law issues*, № 3, p. 73 – 77. EDN: ULFPD (in Russ.).
42. Gorbunova, A. Y. 2016, Logical incrementalism as a method of modern organizations’ management, *Discussion*, № 4 (67), p. 19 – 23. EDN: VUVZGL (in Russ.).
43. Klimova, I. I. 2011, Incrementalism concept and evolution thereof, *Financial Journal*, № 4, p. 63 – 72. EDN: OHELZX (in Russ.).

The author

Prof Vladimir N. Leksin, Chief Research Fellow, Computer Science And Control
Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: leksinvn@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8974-5444>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE
CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ФОРМАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: СТРАНА — РЕГИОН — МУНИЦИПАЛИТЕТ

В. А. Колосов¹

А. Б. Себенцов¹

К. А. Морачевская^{1, 2}

¹ Институт географии Российской академии наук,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4

² Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 15.05.2024 г.

Принята к публикации 25.07.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-2

© Колосов В. А., Себенцов А. Б.,
Морачевская К. А., 2024

Исследование основано на концепции изоморфизма формальных (установленных законодательными актами) границ, то есть подобия их функций, в разных сочетаниях выполняемых границами разного статуса. Цель работы — изучить сходство основных функций формальных границ и их воздействие на хозяйство и повседневные практики населения на материале нескольких регионов России. В основе исследования — экспертные интервью и личные наблюдения, а также анализ стратегий социально-экономического развития регионов и муниципальных образований. С одной стороны, благодаря барьерной и конституирующей функции границы способствуют выравниванию социально-экономического ландшафта в своих пределах. С другой — те же функции усиливают контрастность различий между соседними территориями. К общим свойствам границ относится также способность притягивать или отталкивать определенные виды деятельности, порождать или усиливать периферийность прилегающих ареалов. Противоречие между континуальностью физического и социального пространства и барьерной функцией границ определяет «трансграничные» практики населения, генерирует товарные потоки и другие сходные по форме взаимодействия между соседними территориями. В свою очередь, взаимодействия диктуют необходимость юридически закреплённого сотрудничества между такими территориями для решения широкого круга трансграничных по своей природе проблем. Однако, такое сотрудничество существует практически только на межгосударственном уровне. На региональном и муниципальном уровне потребность в нем или не осознается, или отсутствует, даже если оно предусмотрено в документах стратегического планирования.

Ключевые слова:

государственные границы, региональные границы, муниципальные границы, изоморфизм, функции, периферийность, трансграничность, сотрудничество, Россия

Введение и постановка проблемы

Происходящие ныне мощные геополитические сдвиги с новой силой высветили значимость границ в жизни общества и усилили внимание исследователей к изучению разделительных линий разного ранга и статуса. Начало специальной военной операции (СВО) на Украине и разрыв с Западом привели к резкому сокращению его

Для цитирования: Колосов В. А., Себенцов А. Б., Морачевская К. А. Формальные границы и трансграничные взаимодействия: страна — регион — муниципалитет // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 21—41. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-2

внешнеторговых связей с Россией, укрепили барьерные функции большей части ее западной границы, фактически превратили в тупики многие сухопутные коммуникации и в то же время породили острую потребность в повышении пропускной способности пограничных переходов на востоке. Не забыты шоковые эффекты недавней пандемии коронавирусной инфекции, которая привела к временному закрытию государственных и многих внутренних границ, их превращению в жесткие барьеры. Начало СВО отразилось в ужесточении риторики секьюритизации рубежей страны. Меняют отношения между территориями и социальные практики реформа муниципального деления и административные преобразования.

За рубежом активно протекают процессы перераспределения функций между границами разного уровня (*re-bordering* и *de-bordering*). С одной стороны, в результате распада государств и дальнейшей фрагментации политической карты мира некоторые административные границы обрели статус государственных. С другой — региональная интеграция ослабила барьерные функции других границ. Политические реформы трансформируют региональные границы в муниципальные и, наоборот, муниципальные рубежи возводятся в ранг региональных. Эти процессы стали основанием гипотезы о единстве системы границ разного уровня [1], а затем и выдвинутой нами концепции их изоморфизма [2; 3].

Изоморфизм — общенаучный термин, означающий взаимозаменяемость отдельных элементов системы при сохранении ее структуры и общих свойств. Мы предлагаем использовать этот термин для обозначения сходства функций формальных, то есть установленных правовыми актами, границ на всех уровнях, хотя и по-разному и в разном соотношении проявляющихся на каждом из них.

Хотя междисциплинарная область пограничных исследований (*border studies*) уже давно вполне сформировалась, о чем свидетельствует деятельность нескольких специализированных международных ассоциаций и академических журналов, в фокусе их внимания до настоящего времени остаются почти исключительно государственные границы. Их связь и соотношение с внутренними формальными границами изучены крайне слабо.

Понимание подобию функций границ разного уровня необходимо для оценки последствий муниципальной реформы на конкретных территориях и налаживания юридически закреплённого межрегионального и межмуниципального сотрудничества во избежание чрезмерного усиления барьерной функции внутренних рубежей. Это вызвало, в частности, беспокойство участников недавних парламентских слушаний в Государственной думе России, посвященных актуализации Стратегии пространственного развития страны.

Цель настоящей работы — изучить проявления изоморфизма границ на конкретном материале и проанализировать соотношение некоторых их функций на разных уровнях. Достижение этой цели предполагает решение трех взаимосвязанных исследовательских задач: во-первых, рассмотреть функции границ разного ранга, а затем на примере нескольких российских регионов их выраженность и эффекты, во-вторых, проанализировать типичные проблемы взаимодействия поверх границ, существующие институциональные инструменты их преодоления и отражение в региональных стратегиях социально-экономического развития.

Материалы и методы

Работа опирается на статистические данные Росстата на уровне муниципальных образований и результаты экспедиционных исследований авторов в Калининградской и Оренбургской областях, Краснодарском крае, федеральной территории «Сириус» и Республике Адыгея, а также в Абхазии, проведенных в 2022 и 2023 гг.

В ходе этих исследований была собрана детальная информация о мотивах трансграничных взаимодействий и существующих механизмах их институционализации путем экспертных интервью с представителями власти, бизнеса, общественных организаций, научного сообщества.

Кроме того, материалом исследования послужил анализ стратегий социально-экономического развития названных субъектов РФ. Стратегия социально-экономического развития Калининградской области принята в 2012 г. и откорректирована сначала в 2019 г., а затем в 2022 г. Стратегия Оренбургской области принята в 2010 г. и в 2023 г. подверглась значительным изменениям. Стратегия Краснодарского края утверждена в 2018 г. и откорректирована в 2019—2023 гг. Безусловно, такого рода документы часто являются декларативными, их содержание и качество зависят от разработчика, бюджета и прочих конъюнктурных обстоятельств. Тем не менее стратегии представляют собой комплексное видение территории и не имеют адекватных аналогов для ее оценки, поэтому анализ темы границ и сотрудничества поверх границ в них весьма показателен.

Проведены также интервью с разработчиками стратегий Краснодарского края и Адыгеи, в которых отражен проект «Пространство без границ», проанализированы протоколы совещаний советов экономических зон, созданных на территории края, документы стратегического планирования муниципального уровня.

Выбор регионов для исследования определен тем, что каждый из них — пограничный, но функции государственной границы в них разные. Граничащие с Калининградской областью Литва и Польша — недружественные государства, взаимодействия с которыми ныне отличаются высокой барьерностью, границы Оренбургской области с Казахстаном, наоборот, — часть внутренних границ ЕАЭС с преобладающими контактными функциями. Краснодарский край граничит с частично признанным государством — Абхазией, для которой связи с Россией имеют жизненно важное значение. Республика Адыгея до 1991 г. входила в состав Краснодарского края и граничит только с этим крупным регионом. При этом краевой центр уже довольно давно «выплеснулся» своими новыми кварталами на территорию Адыгеи, что определяет важность взаимодействий между этими регионами. Наконец, Краснодарский край соседствует с выделенной в 2020 г. из городского округа Сочи федеральной территорией «Сириус». Трансграничные отношения Сочи и «Сириуса» осложнены нерешенными инфраструктурными и земельными проблемами. Во всех четырех субъектах РФ прошли или продолжаются муниципальные преобразования, влияющие на внутрирегиональные системы управления, межэлитные отношения и повседневные практики населения.

Другим критерием отбора регионов стала экономическая контрастность. Краснодарский край значительно превосходит своих соседей по экономическому потенциалу и уровню жизни, Оренбургская и Калининградская области относятся к числу «средних», а Адыгея — «слабых» регионов.

Главный принцип работы — полимасштабность, означающая одновременное исследование на трех территориальных уровнях: страны, регионов и муниципалитетов (здесь и в дальнейшем термином «регион» обозначаются субъекты РФ и аналогичные им территории). Логика нашего исследования подразумевает, во-первых, сопоставление основных функций любых формальных границ. Во-вторых, на основе проведенных интервью и собственных наблюдений мы пытаемся систематизировать эффекты границ, трансграничные практики населения и проблемы, порождаемые границами разного ранга. Наконец, в-третьих, мы исследуем потребности приграничных территорий разного ранга во взаимодействии и отражение этих потребностей в деятельности существующих институтов и стратегиях социально-экономического развития.

Единство функций

Установление формальных границ — фундаментальная потребность общества. Формальные границы в той или иной степени совпадают с многочисленными неформальными, культурными, социальными, религиозными рубежами — вернакулярными, связанными с идентичностью людей, границами суточных и иных циклов их деятельности и т.д. Любая формальная граница, в том числе даже граница территории «закрытого сообщества», то есть тщательно охраняемый периметр жилого комплекса «для богатых», выполняет две главных функции — обеспечения безопасности социально-территориальной группы и сохранения (укрепления) ее идентичности, стремления жить в «своем» сообществе. Такой группой может быть небольшое сообщество, возникшее на основе сходного материального, социального или профессионального статуса, а может и крупное этническое или этнокультурное сообщество, насчитывающее миллионы членов. Эту мысль лаконично сформулировал крупный британский социолог Бенедикт Андерсон: любая граница направлена внутрь, чтобы отделить территорию социальной группы от соседей, и вовне, чтобы обеспечить ее единство (идентичность) [4]. Потребность в «жестких» линейных границах основывается также на заинтересованности политических элит в контроле и управлении территориями, вступающей в противоречие с континуальностью географического пространства — отсутствием, как правило, таких границ в природе и обществе.

Граница — это и правовой институт, и материальный феномен, и категория общественного сознания (элемент идентичности, комплекс социальных представлений), и символ территориального суверенитета, и социальная практика, и разделительная линия с прилегающим к ней пространством, на которое она влияет. Граница — это также важнейший элемент территориально-политической организации общества и инструмент ее адаптации к изменениям географического, в том числе геополитического положения территории, к перераспределению в пространстве политического влияния и мощи, ресурсов, расселения, хозяйства. Такая адаптация может происходить за счет как модификации функций и режима границ, так и их конфигурации: сокращение и уменьшение плотности населения вызывает укрупнение регионов или муниципалитетов, рост численности — создание новых административно-территориальных единиц. Начертание, функции и режим границ представляют собой отражение комплекса отношений между разными субъектами экономической и политической деятельности — не только политическими элитами, но и бизнесом, общественными ассоциациями, соседними государствами и другими политиями, международными организациями. В современных условиях, в том числе благодаря развитию телекоммуникаций, эти отношения, а соответственно, и набор функций границы могут быть «расщеплены», спроецированы на любую территорию или даже объект — например, территорию дипломатического представительства или аэропорт, а некоторые функции — на всю территорию страны [2]. Проницаемость (контактная функция), а иногда и сами линии границ различны для разных субъектов деятельности и социальных групп. Некоторые функции (отбор переселенцев и трудовых мигрантов) бывают вынесены в страны исхода, пограничный и таможенный контроль может осуществляться в глубине или по всей государственной территории. Таким образом, изоморфизм предполагает принципиальное сохранение функций границ при значительном разнообразии форм их реализации.

Система границ находится в постоянном движении. В конце 2000 — начале 2010-х гг. рядом авторов была разработана концепция непрерывного процесса разграничения территории на разных уровнях (*bordering*), то есть изменения режима и значимости функций границ под влиянием многообразных внутренних и внешних,

волатильных и сравнительно инерционных факторов — таких как международная обстановка и отношения между соседними странами, курсы валют, деятельность политических институтов и их реформирование, политика центральных и местных властей и др. [5—7].

Весьма динамично и соотношение формальных и неформальных границ, определяющих фрагментацию политического пространства в разных масштабах, сдвиги в территориальной идентичности и способы управления обществом [8]. Один из широко известных и наиболее изученных кейсов — несовпадение фиксированных административных и расширяющихся «реальных» границ города (агломерации), вызывающих необходимость адаптации к ним управления территорией. Формальные границы крайне редко бывают абсолютно непроницаемыми, их барьерная функция сочетается с контактной. Поверх границ складываются, как правило, формальные и почти всегда неформальные взаимодействия, поскольку установленных юридическими актами границ, полностью совпадающих с неформальными, не бывает. Это порождает между соседними территориями взаимодействия, связанные с общностью природной первоосновы их существования (трансграничными экосистемами — горными массивами, речными бассейнами и озерами, внутренними морями и т. п.), социальными практиками жителей и их потребностями и др. В свою очередь, эти взаимодействия влияют на функции границ.

Наряду с наиболее общими, «синтетическими» функциями любой формальной территориальной границы — контактной и барьерной [9], к которым иногда прибавляют транзитную [10], выделяют по разным основаниям множество более частных функций (см., например, [2; 7; 12—14]). Почти все они свойственны в разных сочетаниях формальным границам любого уровня.

Одна из главных функций формальных границ — конституирующая, то есть организация и управление территорией, обеспечение ее безопасности. Без однозначно определенных границ нет устойчивой национальной идентичности, нет экономически и политически стабильного государства. Как правило, муниципалитет, провинция или иной регион внутри государства имеют юридически четко делимитированные границы, которые очерчивают их налоговую базу, объекты управления, устанавливают потребности в общественных услугах, в том числе безопасности, обособляют нормативно-правовое пространство.

С конституирующей функцией тесно связан ряд других функций формальных границ. Они формируют географическое место — арену взаимодействия между естественными и социально-экономическими процессами, характеризующуюся специфическим географическим положением, особой историей, соотношением с другими местами в различных сетях, социальными практиками населения и факторами его социализации. Таким образом, формальные границы обладают крайне значимой когнитивно-символической функцией. Они не только позволяют ориентироваться в пространстве и познавать внешний мир, но и способствуют воспроизводству и эволюции идентичности, то есть самоидентификации человека с определенным сообществом, его ценностями и менталитетом.

Функция формальных границ — формирование пространственной структуры определяемой ими территории. Благодаря своей конституирующей функции и нормативной роли границы, с одной стороны, гомогенизируют социально-экономический ландшафт в своих пределах за счет сети коммуникаций, интегрирующих территорию, создания единого нормативно-правового пространства, а в государстве — общей системы социализации, введения единых технических норм и т. п. С другой стороны, по тем же причинам границы усиливают территориальное неравенство, поскольку каждая пространственная ячейка развивается относительно автономно и, следовательно, не синхронно со своими соседями. На границах госу-

дарств, провинций или муниципалитетов возникают и, как правило, со временем усиливаются градиенты — перепады в уровне экономического развития, благосостоянии и идентичности жителей.

Формальные границы устанавливают, изменяют, с течением времени закрепляют центр-периферийные различия. Хотя имеется мнение, что вследствие развития сетевых структур и телекоммуникаций управленческие функции ныне могут быть мобильными или рассредоточенными в пространстве, в большинстве политико- и административно-территориальных образований имеется ярко выраженный центр (одно из исключений — многие штаты США, в которых столицы расположены в специализированных малых городах). В конкретных географических и исторических условиях инфраструктура центра должна соответствовать рангу и потенциалу территориальной единицы, которую он возглавляет; от этого в числе других факторов зависит ее устойчивость. Столица крупного государства не может располагаться в селе или малом городе. Перекройка границ и особенно образование нового центра в результате укрупнения административно-территориального деления, как правило, означают формирование новой периферии.

Периферийность — понятие не только «географическое» (позиционное), но и социально-экономическое и политическое, связанное с отсталостью, низкими социально-демографическими характеристиками, повышенной зависимостью от управленческих решений центра. Таким образом, периферия может располагаться в непосредственной близости от центра. Вместе с тем положение вблизи границы и, в частности, удаленность и невысокая доступность от центра часто усиливают черты периферийности в развитии пограничных территорий [15]. Поэтому трансграничные коммуникации рассматриваются как одно из средств ее преодоления. Однако такие коммуникации во избежание «тоннельного эффекта» не должны быть чисто транзитными, обслуживающими только центры соседних территорий. Конфигурационные особенности транспортной сети обуславливают интенсивность и направления связей. Вопрос, что первично — зависимость делимитации от ключевых центров расселения или, напротив, влияние границы на запустение приграничных территорий, остается дискуссионным.

Единство эффектов

Изоморфизм функций границ разного уровня определяют общность эффектов, оказывающих существенное влияние на приграничье, и сходство проблем территорий, расположенных у границ любого ранга. Большая часть этих эффектов связана с соотношением контактной и барьерной функций.

Первая группа эффектов связана со *способностью границ притягивать или отталкивать определенные виды деятельности в приграничье*.

Наиболее ярко это проявляется в случае государственных границ, вдоль которых протягивается пограничная зона с регламентированным режимом доступа и ограничениями для ведения хозяйственной деятельности. Площадь этой зоны меняется: в советский период она в некоторых случаях охватывала пограничные регионы целиком, в постсоветское время в 1993 г. в России была введена пятикилометровая пограничная полоса, которая в 2004 г. снова была расширена в ряде регионов до 10—15 км и более.

В Калининградской области в состав расширенной погранзоны в 2005 г. попали 35 % городских поселений, в том числе Советск, Багратионовск, а также наиболее привлекательные для туристов приморские курортные города (Светлогорск, Янтарный и Зеленоградск). К 2013 г. площадь погранзоны сократилась почти на 60 %, однако в ее составе оказалась знаменитая Роминтенская (Ромницкая) пуца

на границе с Польшей, где в рамках программ приграничного сотрудничества были проложены велодорожки для туристов; Виштынецкое озеро на границе с Литвой, популярное и у российских туристов.

В Оренбургской области пятикилометровая пограничная зона появилась только в 2001 г. В 2006 г. она была значительно расширена, а в 2019 г. заметно сокращена в большинстве из 15 приграничных районов. В Краснодарском крае в силу его рекреационной специализации конфигурация границ погранзоны неоднократно пересматривалась (в 2006, 2007, 2013, 2014, 2020 и 2023 гг.). Ее площадь в основном постепенно сокращалась, в том числе за счет исключения из ее состава побережья Азовского моря после вхождения Крыма в состав России.

С одной стороны, режим погранзоны заметно ограничивает бизнес, работа которого связана с привлечением большого числа людей из-за пределов погранзоны (туризм, трудоемкие производства), с промысловой деятельностью, капитальным строительством, добычей полезных ископаемых. Крупные компании, которые имеют поддержку на уровне центральных властей, порой могут преодолевать строгости пограничного режима. Так, в 2018 г. на линии российско-казахстанской границы в Домбаровском районе Оренбургской области началась реализация проекта Русской медной компании и Актюбинской медной компании по разработке Весенне-Аралчинского месторождения медных руд с последующей переработкой сырья в Орске и Актобе. Однако такие проекты все же являются исключением. Наши предыдущие исследования фиксировали заметное сокращение экономической активности в приграничных районах России и общее отталкивание экономической активности от приграничья [16].

С другой стороны, приграничье притягивает бизнес, деятельность которого связана с обслуживанием трансграничных потоков. Многие объекты придорожной инфраструктуры (автозаправки, мотели, охраняемые автостоянки, точки общепита, магазины, пункты обмена валюты, агентства по страхованию автотранспортных средств и др.) размещаются в непосредственной близости от мест пересечения границы.

На границе с Польшей особую роль играли автозаправочные станции, рассчитанные на польских «бензинщиков», на краснодарско-абхазской границе — продуктовые и вещевые рынки (в том числе знаменитый «Казачий рынок» в Адлерском районе). Деятельность среднего и крупного бизнеса в приграничье обычно связана с оказанием транспортно-логистических услуг. В 2008 г. Федеральной таможенной службой была разработана концепция таможенного оформления и таможенного контроля в местах, приближенных к государственной границе РФ. Ее реализация потребовала массового строительства новых транспортно-логистических терминалов (ТЛТ) в приграничных районах. Появление новых ТЛТ продолжается на перспективных направлениях и сейчас. Так, строительство крупного ТЛТ запланировано в Оренбургской области, где проходит международный маршрут «Европа — Западный Китай».

Число и разнообразие объектов приграничной инфраструктуры напрямую зависят от масштаба трансграничного грузо- и пассажиропотока, а также от степени барьерности границы. Так, в Оренбургской области представители местных администраций приграничных районов с ностальгией вспоминают период более жесткого пограничного режима: таможня обеспечивала местных жителей престижной и денежной работой на госслужбе, и время ожидания таможенного контроля на границе было дольше, что положительно сказывалось на местной сфере обслуживания.

Эффект притяжения наблюдается вдоль границ между регионами и муниципалитетами, разделяющих плотно населенные агломерационные территории, когда бизнесом используются налоговые градиенты и различия в ценах на землю для

массового жилищного строительства, размещения крупных складских объектов, производственных площадей и пр. Классический пример — бурное развитие Краснодарской агломерации в сопредельных районах Адыгеи. Хорошая транспортная доступность до центра Краснодара, более низкая стоимость земли, двух-трехкратная разница в ставке земельного налога и пониженные тарифы на электроэнергию привели к активному жилищному строительству в Яблоновском, Козете, а также в Новой Адыгее, где разместился и ориентированный на жителей Краснодара ТРЦ «Мега». Поскольку большая часть жителей этих населенных пунктов работает и платит НДФЛ в Краснодарском крае, местные и региональные власти жалуются на недостаток средств для строительства школ, поликлиник и детских садов. Власти и коренные жители Краснодара, в свою очередь, недовольны перегруженностью городской инфраструктуры, не рассчитанной на такой большой поток жителей соседней Адыгеи.

Эффект отталкивания хозяйственной деятельности от внутригосударственных границ выражен, как правило, меньше, поскольку контактные функции границ преобладают, а вопросы безопасности обычно не стоят столь остро. Эффект отталкивания часто проявляется в условиях неопределенной границы или же «пограничных споров». Так, в Отрадненском районе Краснодарского края вдоль отдельных участков границы с Карачаево-Черкесией в 2004—2018 гг. возникали трудности с обработкой земли: фермеры, налоговые и контролирующие органы просто не знали, какому региону точно принадлежит земля. В 2018 г., согласно данным ЕГРН, в России было оформлено по всем правилам чуть менее 20 % межрегиональных границ, в 2022 г. — свыше 70 % (без учета новых территорий)¹.

Еще одна группа эффектов связана со свойством границ вызывать или усиливать *периферизацию прилежащих к ним районов*. Как бы ни было сложно однозначно ответить на вопрос, как связаны между собой приграничность и периферийность, очевидно, что в общем случае граница способствует появлению периферии. В то же время границу нередко проводят именно по наиболее удаленным от центров периферийным ареалам. Проявление свойств периферийности в приграничье зависит от особенностей территориальной организации общества на сопредельных территориях — конфигурации транспортных путей, близости крупных центров и др. Так, в российско-казахстанском приграничье эксцентриситет казахстанских региональных центров к государственной границе с Россией способствовал лучшему удержанию населения в приграничной полосе. Российские приграничные районы на границе с Казахстаном теряли население в среднем гораздо быстрее. Вдоль транспортных магистралей государственная граница приобретает некоторые черты «центра» и притягивает к себе определенные виды деятельности (см. выше) и периферизация сдерживается или разворачивается вспять.

Степень барьерности границы не всегда играет решающую роль в динамике процесса периферизации [17]. Во-первых, как показывает опыт ЕС и ЕАЭС, периферийность зачастую развивается и в условиях открытых границ. Во-вторых, при уже сложившейся сильной периферийности открытые границы оказывают мало влияния на социально-экономическое развитие территории, которая играет роль своего рода «пассивного коридора» [18].

На внутригосударственных границах свойства периферийности ярко проявляются в приграничье между регионами. В Калининградской области, как и во многих других регионах России, периодически обсуждается вопрос о необходимости укрупнения существующей сетки муниципальных районов. Так, например, Со-

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 г. М., Росреестр, 2023. 185 с.

ветск (в 2023 г. — 38,6 тыс. жителей), не имеющий вокруг себя обширных сельских территорий, часто рассматривается как потенциальный центр более крупного муниципального образования в составе современного Неманского городского округа (15,4 тыс.) и Славского муниципального района (15,7 тыс.). Обсуждалась идея укрупнения Багратионовского муниципального округа (32,9 тыс.) за счет присоединения к нему Мамоновского (8,5 тыс.) и Ладушкинского (3,7 тыс.) городских округов. Аналогичные дискуссии о создании укрупненных муниципальных образований с центрами в наиболее значительных городах и, соответственно, об изменении границ как способе активизации экономики и борьбы с периферизацией идут и в других регионах, в том числе в Оренбургской области и в меньшей степени в Краснодарском крае. Однако укрупнение регионов и муниципалитетов, как правило, способствует новому витку периферизации бывших районных центров и их окрестностей [19; 20].

Еще одна группа эффектов связана со *значительными транзакционными издержками (временными, финансовыми, организационными), которые возникают при сотрудничестве властей поверх границ*. Проведенные нами интервью убедительно доказывают, что невозможность тратить средства на сопредельной территории, потребность в дополнительных согласованиях, необходимость синхронизации бюджетного цикла — вопросы, которые возникают и перед центральными, и перед региональными и муниципальными органами власти и создают дополнительные риски при реализации проектов, использовании и охране природных и антропогенных трансграничных объектов.

Общие природные трансграничные объекты (реки, озера, земельные угодья и др.) либо никому не принадлежат, либо эксплуатируются одной стороной в ущерб другой. На региональных и муниципальных границах только крупные трансграничные объекты обслуживаются специальными бюджетными учреждениями. Так, ФГБВУ «Центррегионводхоз» обслуживает Краснодарское водохранилище на стороне и Краснодарского края, и Адыгеи. В то же время берегоукрепление и чистка дна и поймы реки Лабы проводится несогласованно. Например, мероприятия, проводившиеся в окрестностях адыгейского аула Кошехабль, привели к подмыву берега Курганинского района Краснодарского края. В городском округе Сочи неконтролируемая застройка верховий рек в предгорных и горных районах одних муниципалитетов приводит к усилению паводков в других. Конфликт интересов стал настолько серьезным, что подготавливаемая Стратегия «Сочи-2035» предусматривает коренную реформу муниципального деления и выстраивание новых границ районов по «бассейновому принципу».

В российско-казахстанском пограничье в 2020—2021 гг. острые противоречия вызывало строительство переливной плотины в районе Оренбурга: казахстанские власти опасались сокращения стока реки Урал.

Похожие сложности наблюдаются на всех типах границ и при обустройстве пунктов пересечения границы, строительстве дорог, мостов, организации маршрутов общественного транспорта. На государственных границах решение этих вопросов идет особенно непросто, поскольку требуются согласованные действия национальных и региональных властей двух суверенных государств. Ярko иллюстрирует этот тезис строительство важной трансграничной магистрали «Европа — Западный Китай» в Оренбургской области, которое шло с существенным отставанием, что ставило под угрозу реализацию проекта. Разрешение ситуации потребовало вмешательства на высшем уровне.

Порой сооружение крупных инфраструктурных объектов страдает от изменений геополитической конъюнктуры, что ведет к продолжительным срокам строительства или прекращению эксплуатации уже готового объекта. Идея строительства

нового моста в окрестностях уже существующего мостового перехода «Советск — Панемуне» появилась уже в 2000-е гг., но только в 2007—2013 гг. была оформлена как крупномасштабный проект программы приграничного сотрудничества «Россия — Польша — Литва». В 2014 г. было заключено соглашение между Россией и Литвой о строительстве моста, согласно которому он был сооружен Россией за собственные средства и остался в собственности Калининградской области. Кроме того, на литовской стороне создавалась специальная «закрытая зона», охранявшаяся российскими пограничниками. Посещение этой зоны российскими гражданами на время строительства не рассматривалось как пересечение границы. В конечном итоге мост был введен в эксплуатацию в декабре 2020 г. вместе с пунктом пропуска «Дубки — Рамбинас».

На региональном и муниципальном уровнях основные сложности во взаимодействии связаны с отсутствием необходимой нормативно-правовой базы и финансирования, несогласованностью действий и планов, изменением приоритетов в связи с электоральными циклами и пр. Несогласованность действий между властями Республики Адыгея и Краснодарского края привела к тому, что построенный в 2010 г. «Мост дружбы» между адыгейском аулом Уляп и кубанской станицей Тенгинская не имел подъездных путей на краснодарской стороне. Этот объект, названный местными жителями «мостом-призраком», был достроен вместе с подъездными путями только в 2017 г., после получения краем финансирования из федерального центра.

Барьерная функция формальных границ связана с дифференцирующей: из-за однородности нормативно-правового пространства в пределах каждой территориальной единицы границы *способствуют накоплению различий, контрастности сопредельных территорий*. Территориальные диспропорции во многом определяют характер и структуру трансграничных взаимодействий. Слишком резкие контрасты в одних случаях порождают асимметрию взаимодействий, а иногда и конфликты, снижают потенциал равноправного партнерства и сотрудничества. В других случаях возникает эффект комплементарности, когда экономики, рынки товаров, услуг и труда дополняют друг друга. Различия в уровне оплаты труда, ценовые градиенты создают условия для обменов и интенсивной трансграничной мобильности. Разные условия ведения бизнеса, ставки налогов способствуют трансграничной кооперации и/или перетеканию бизнеса из одной части пограничья в другую [21].

Единство проблем взаимодействия

Поверх любых формальных рубежей возникают сходные взаимодействия, хотя их институциональная сложность различается в зависимости от статуса границ — государственных, региональных, муниципальных. Трансграничные взаимодействия связаны со смягчением проблем, которые создают барьерная и другие функции границы, и с максимизацией выгод, которые они же продуцируют.

Во-первых, основа любых взаимодействий — организация транспортного сообщения и, в частности, маршрутов общественного транспорта. Многолетний опыт исследований различных участков государственных, региональных и муниципальных границ показывает, что успешность (скорость, качество, синхронность) строительства и реконструкции коммуникаций, пересекающих границы, также зависит от их статуса.

Эксклавность Калининградской области и сообщение с основной частью страны — приоритетное поле взаимодействий со странами ЕС даже в периоды геополитических кризисов. Непростых и продолжительных переговоров, сопровождав-

шихся кампаниями в СМИ¹, требовали соглашения о железнодорожных участках, эксплуатируемых ОАО «РЖД» на территории Казахстана и АО «Казакстан Темир Жолы» на территории России, в том числе на соединяющем разные части Оренбургской области Илецком участке казахстанской железной дороги протяженностью 157 км.

Сходным образом в городских агломерациях сообщение между спальными районами и местами концентрации мест приложения труда требует сотрудничества поверх муниципальных границ, а в отдельных случаях (Краснодарская агломерация) — поверх региональных.

Во-вторых, значимым мотивом взаимодействия поверх границ является зависимость от использования общей инфраструктуры. Сети энерго-, газо-, водоснабжения и канализации пересекают все типы границ. Например, пос. Гончарка (Гиагинский район Адыгеи) снабжается электроэнергией с территории Белореченского района Краснодарского края. Газопровод в Гиагинский район тоже заходит из Краснодарского края. При этом барьерная функция муниципальных границ часто порождает проблемы эксплуатации инфраструктуры ввиду отсутствия нормативных механизмов взаимодействия, в особенности в сфере межбюджетных отношений. Нередка несогласованность между муниципалитетами в развитии и ремонте автодорожной сети и береговых укреплений на их территории (р. Лаба в Краснодарском крае). Недостаточны межмуниципальные взаимодействия в сфере утилизации твердых бытовых отходов (например, в Курганинском районе Краснодарского края).

В-третьих, взаимодействия поверх границ на всех уровнях, главным образом неформальные, возникают в оказании услуг населению, прежде всего медицинских и образовательных. Градиенты в обеспеченности ими, транспортная доступность, различия в цене, качестве и разнообразии — общие мотивы трансграничных поездок населения. На государственных рубежах, в отличие от внутренних, основным мотивом таких поездок чаще выступает цена. Например, до 2022 г. была довольно распространена практика покупки продовольственных товаров и лекарств жителями Калининградской области в Польше. В оренбургском пограничье граждане Казахстана рассматривают Оренбург как центр медицинских и образовательных услуг. Для их получения ездят в Россию также жители Абхазии.

Подобные практики широко распространены на региональном и муниципальном уровне. Из Адыгеи ездят за медицинской помощью в Краснодарский край, а из Краснодарского края — в Адыгею. Соседние районы Адыгеи привлекательны для жителей Апшеронского, Белореченского, Мостовского районов и Армавира как наличием высококвалифицированных отраслевых специалистов, так и более высоким качеством медицинской помощи (например, родовспоможения). Межмуниципальные договоренности о возможности обучения школьников в соседнем муниципалитете реализуются вдоль границы Краснодарского края и Адыгеи (например, между пос. Гончарка Гиагинского района Адыгеи и пос. Степным Белореченского района; Адлерским районом Сочи и федеральной территорией «Сириус»).

Наконец, *в-четвертых*, через любые границы совершаются поездки с потребительскими целями, особенно между близкими по численности населения городами в связи с ценовыми градиентами, различающимся ассортиментом и наличием определенных товаров и услуг только с одной из сторон границы. В Калининградской области в течение многих лет наблюдался феномен «переноса» части потребления в приграничные районы Польши и Литвы. Со временем потребительский туризм он только расширился: однодневные поездки за покупками все чаще совмещались с

¹ Бессчастнов, А. Семь раз отмерь... Гудок, №48, 3 декабря 2010 г. <https://www.gudok.ru/zdr/178/?ID=649236>

семейными турами выходного дня. Со своей стороны, польские граждане все постсоветские годы оставались верны стратегии скупки дешевого топлива в приграничных районах области без заезда в Калининград [22].

Поездки граждан Казахстана в Россию за покупками в основном ушли в прошлое. Напротив, с 2022 г. российские граждане стали активно посещать сопредельные города Казахстана, совершая «карточные туры» для получения недоступных банковских услуг, покупки «санкционных» товаров длительного пользования – бытовой техники, автомобилей и др., транзита через казахстанские аэропорты для полетов в другие страны.

На региональных и муниципальных границах такие практики недостаточно изучены. И местные жители, и региональные администрации не воспринимают их как трансграничные, но, безусловно, они широко распространены.

Общая потребность в институтах

Сущностная особенность всех типов разграничительных линий состоит в производстве дополнительных транзакционных издержек при любом взаимодействии. Именно высокими транзакционными издержками объясняется некоторыми авторами разнообразие проблем, с которыми сталкиваются приграничные территории [23, с. 13–18]. Институты приграничного сотрудничества можно понимать как правила взаимодействия поверх границ, признаваемые большей частью акторов, участвующих в этом взаимодействии. Значительная часть таких практик, например «игра» на трансграничных градиентах, не оформлена юридически, но значима для жизни. В то же время многие нормативно закреплённые институты почти не оказывают влияния на жизнь в приграничье.

Потребность в институтах приграничного сотрудничества велика на всех типах границ в силу единства их функций, создаваемых ими проблем и существующих практик трансграничных взаимодействий, однако лучше всего институты развиты на *государственных границах*. Это определяется в первую очередь тем, что наиболее высокие транзакционные издержки для сотрудничества связаны именно с этим типом границ. Перечень институциональных форм приведен в Законе об основах приграничного сотрудничества от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ, а также в Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации от 7 октября 2020 г. Практика использования этих и других, не поименованных в нормативных документах форм разная и зависит от статуса границ.

Среди трансграничных институтов наиболее распространены рамочные соглашения о приграничном сотрудничестве, которые активно подписывались российскими регионами в 1990-е гг., а затем обновлялись в дальнейшем в среднем с десятилетней периодичностью. Во всех трех рассматриваемых регионах они обычно не были наполнены конкретным содержанием, но создавали юридическую рамку для взаимодействия региональных властей. В тех случаях, когда соглашения содержали упоминания конкретных проектов, они, как правило, не были реализованы либо по причине недостатка нужных полномочий (требовалось участие федеральных властей), либо из-за нехватки финансовых ресурсов. Важно отметить, что аналогичные рамочные соглашения подписываются и на внутрироссийских границах, и нехватка полномочий и финансов для сотрудничества проявляется и здесь.

Более прогрессивный инструмент — программы приграничного сотрудничества. Калининградская область с 1991 г. активно участвовала в приграничных программах ЕС. С 2000 по 2020 г. в рамках трех программ сотрудничества в регионе было реализовано свыше 500 проектов в сфере транспортной инфраструктуры, коммунального хозяйства, охраны природы и памятников культурного наследия.

Отличительной чертой этих программ стал общий бюджет, проектный принцип финансирования, согласованные приоритеты развития и критерии отбора проектов [24]. В Оренбургской области первая программа сотрудничества, охватившая сразу все 12 российских и 7 казахстанских регионов приграничья, была запущена в 1999 г. За ней последовали еще две — с 2008 по 2011 г. и с 2012 по 2017 г. В отличие от Калининградской области эти программы не содержали механизмов выработки общих приоритетов сотрудничества, перечня проектов и механизмов их финансирования. Планы мероприятий по программам принимались и реализовывались несогласованно. Отсутствие фокуса на проблематике конкретных территорий предопределило отсутствие видимых результатов сотрудничества.

Среди других институтов можно особо выделить соглашения о малом приграничном движении — упрощенном пересечении границы для жителей сопредельных регионов (Калининградской области и соседних польских воеводств с 2012 по 2014 г.) или отдельных приграничных районов (Оренбургской области с 2009 г.). В Оренбургской области значимую роль в сотрудничестве играл также Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана, в Калининградской области до середины 2000-х гг. — еврорегионы [25].

Институционализированное сотрудничество на *региональных границах* не имеет соответствующей нормативно-правовой базы. Возможно, поэтому в региональных стратегиях этой теме отводится немногим больше места, чем приграничному сотрудничеству с соседними странами. Сравнения с регионами-соседями по федеральному округу по ряду социально-экономических показателей приведены во всех стратегиях, однако не с целью установления и учета градиентов, а в «сравнительном» ключе. Исключение составляет стратегия Краснодарского края, где уделено много внимания сотрудничеству с Адыгеей (табл.). Слова «граница» и «трансграничный» упоминаются в тексте документа около 60 раз. Важная часть стратегии — флагманский проект «Пространство без границ», сквозь призму которого предлагается рассматривать программы развития трансграничных Краснодарской и Сочинской агломераций, «Кавказского горного ареала» и др. Предполагалось, что такой подход обеспечит комплексное видение желаемого будущего территорий одновременно нескольких муниципальных образований, поможет выявить ключевые межмуниципальные проекты, требующие сотрудничества. Впервые в российской практике стратегирования используется понятие «трансграничное экономическое сотрудничество», подразумевающие контакты не только с зарубежными, но и с соседними субъектами РФ.

В стратегии Оренбургской области одним из вызовов, «которые необходимо преодолеть для устойчивого социально-экономического развития региона», названа пространственная конфигурация территории, из-за которой «окраины Оренбургской области» ориентированы на соседние региональные центры. Казалось бы, близкие города в других регионах могли бы стать опорой в развитии оренбургской периферии, но из-за отсутствия нормативно-правовых основ такого взаимодействия они являются лишь «пылесосами», вытягивающими население с этой периферии.

Отношение к *муниципальным границам* в стратегических документах выражено в разной степени. В стратегии Калининградской области субрегиональные различия и муниципальные границы почти не обсуждаются, за исключением транспортной связности. Несмотря на ощутимые разрывы в уровне социально-экономического развития внутри эксклава, межмуниципальные инициативы весьма скромны. Восточные районы области фигурируют лишь как единый объект политики в сфере туризма, но меры по консолидации межмуниципальных усилий для развития туристского потенциала восточной части эксклава не описаны.

**Отражение тематики муниципальных, региональных и государственных границ
и трансграничного сотрудничества в стратегиях социально-экономического развития регионов**

Калининградская область	Краснодарский край Диагностическая часть	Оренбургская область
<i>Подход к интерпретации приграничного положения</i>		
Географическое положение оценивается в разных масштабах — регион как часть России, Балтийского региона, Большой Европы	Географическое положение оценивается в разных масштабах — связи с другими странами и внутри российского макрорегиона.	Приграничное положение — синоним выгодного транспортно-географического положения с выраженной транзитной функцией.
	Геостратегическая функция региона как форпоста, важность обеспечения транзита в сопредельные государства и другие регионы России	Статус приграничной геостратегической территории определяет направления взаимодействия с федеральным центром
Сравнение с Литвой и Польшей. Фрагментарное сравнение с регионами Северо-Западного федерального округа	Сравнительная оценка: с кем проводится сравнение Фрагментарное сравнение с российскими регионами-соседями	Сравнение с российскими регионами-соседями
<i>Субрегиональные различия и муниципальные границы</i>		
Отмечается необходимость наращивания межмуниципальной транспортной связности (автобусами)	Анализируется неоднородность территории по уровню социально-экономического развития. Выделяются линии и узлы разного порядка в пространственной структуре региона. Выявляется стихийность развития локальных систем расселения (в том числе агломераций)	Ориентация окраин Оренбургской области на соседние региональные центры оценивается как вызов устойчивому развитию региона
<i>Стратегические цели и задачи</i>		
<i>Сотрудничество поверх государственных и региональных границ</i>		
Использование потенциала международного и межрегионального сотрудничества в интересах обеспечения устойчивого развития	Повышение качества взаимодействия с соседними регионами и усиление международной интеграции	Реализация инициативы для приграничных с Казахстаном муниципальных образований (конкретика не указана)
<i>Сотрудничество поверх муниципальных границ</i>		
Развитие транспортной связности на субрегиональном уровне. Развитие совокупного туристского потенциала восточных районов области	Реализация флатманского проекта «Пространство без границ», подразумевающего комплексное пространственное развитие выделенных экономических округов. Предложение межмуниципальных проектов в сфере транспорта, управления отходами, чрезвычайных ситуаций, экономики, включая туризм. Формирование координационных советов по межмуниципальному взаимодействию	Инициатива «Восстановление реки Урал». Развитие комплексных туристических маршрутов. Инициатива «Территориальная и профессиональная мобильность» (субсидирование переезда при внутрирегиональной трудовой миграции)

Источник: составлено по материалам стратегий социально-экономического развития субъектов РФ.

В стратегии Оренбургской области содержится ряд инициатив, направленных на сотрудничество поверх муниципальных границ. Межмуниципальный характер имеет инициатива «Восстановление реки Урал». Предусмотрено развитие межмуниципальных туристических маршрутов. Представляет интерес инициатива «Территориальная и профессиональная мобильность», подразумевающая субсидирование переезда в рамках внутрирегиональной трудовой миграции.

Скруплезный и во многом уникальный для документов такого рода полимасштабный анализ пространственной структуры региона с выделением линий и узлов (ядер) разного порядка выполнен в стратегии Краснодарского края. По итогам анализа неоднородности территории по некоторым показателям социально-экономического развития сделан вывод о стихийности развития локальных систем расселения, в том числе Краснодарской и Сочинской агломераций. Детальный анализ границ завершается в прогнозной части документа четким пониманием необходимости сотрудничества поверх границ. Проект «Пространство без границ» подразумевает выделение внутри края экономических округов (зон) на основе общности целей и задач развития с учетом экономической специализации, природных условий и пр. В стратегии содержится не только целый ряд межмуниципальных проектов в сферах транспорта, управления переработкой отходов, чрезвычайных ситуаций, экономики, включая туризм, но и механизм их институционализации — формирование координационных советов по межмуниципальному взаимодействию. Однако даже такой прогрессивный подход не подкреплен ни стратегическими документами более низкого уровня (муниципальных образований), ни практикой.

Анализ муниципальных стратегий показал, что вопросы взаимодействия с соседями упоминаются в них в основном при оценке географического положения в целом и транспортно-географического положения в частности. В блоке стратегических направлений развития изредка встречаются упоминания межмуниципальных инициатив (переработка отходов, система контроля подъема уровня воды в реках, туристические маршруты, медицинское обслуживание), но, как правило, не конкретизирован механизм их реализации. Экспертные интервью показывают, что такие инициативы не доведены до воплощения. Например, в администрации Курганинского района подчеркивали значимость «трансграничных» проблем утилизации твердых бытовых отходов, но взаимодействие по ним с соседями отсутствует. Единственным амбициозным проектом надмуниципального уровня является проект «Нового Армавира» — миллионной агломерации, создание которой требует новых земель и перекройки муниципальных границ.

Формально созданный институт межмуниципального сотрудничества в Краснодарском крае — это советы семи экономических зон (округов), выделенных в стратегии. В ходе экспертных интервью были выявлены мотивы выделения зон: 1) общность выполняемых территориями функций в горной местности, степных, приморских курортных районах, городских агломерациях и др.; 2) общность экономической специализации, что предполагает возможность кумулятивного эффекта от совместного планирования; 3) совместное брендингирование продуктов в сфере материального производства и туризма (создание туристического бренда Причерноморской зоны, комплексное освоение Ейского взморья и др.); 4) рациональное природопользование в трансграничных геосистемах (Ахтарские водно-болотные угодья в Приморской зоне и др.); 5) возможная совместная разработка отдельных стратегий и программ развития с целью получения федерального финансирования.

В то же время оценка доступных планов развития экономических зон (2018—2019) демонстрирует слабое понимание представителями муниципалитетов их значения. В списках предлагаемых проектов, принимаемых на заседаниях советов зон,

доминируют локальные инициативы, замкнутые в пределах одного муниципалитета. К трансграничным темам относятся единичные проекты при строительстве дорог, выбор места размещения предприятия по глубокой переработке зерна, регулирование избытка или дефицита электрических и газовых мощностей, изменение границ муниципальных образований (Армавир и Успенский район).

Опыт исследования институционального сотрудничества показывает, что наиболее удачной формой сотрудничества на всей протяженности российских государственных границ стали программы приграничного сотрудничества, работавшие до недавнего времени на границах Северо-Запада России со странами ЕС [26]. Перенос реализованного в них программно-проектного подхода, по нашему мнению, возможен не только на другие внешние границы России, но и на внутренние — региональные и муниципальные. Это позволит решить вопрос о нехватке полномочий и финансовых ресурсов при сотрудничестве поверх границ.

Заключение

Между барьерной, символической и легитимирующей (власть) функциями границ, с одной стороны, и потребностью в сотрудничестве для решения широкого круга трансграничных по своей природе проблем, с другой, существует противоречие, характерное для всех видов формальных рубежей. Это противоречие служит, на наш взгляд, убедительным подтверждением концепции изоморфизма границ. И государственные, и региональные, и муниципальные границы выполняют функцию организации и управления территорией, определяют его нормативно-правовое пространство, в том числе зоны предоставления общественных услуг и распространения стандартов. Институализированные границы всех рангов усиливают контрастность пространства, способствуют эффектам периферизации. Трансграничные практики населения, которые возникают не только для сокращения дальности поездок, но и из-за различий в ассортименте и качестве товаров и предоставляемых услуг, связаны именно с существующими по разные стороны любых границ градиентами. И региональные, и муниципальные границы по аналогии с государственными рубежами выполняют функцию притяжения или отталкивания хозяйственной деятельности. Ярче всего это проявляется на изученной территории в агломерационных зонах Краснодара и Большого Сочи (районы массовой жилой застройки, выбор локации ТЦ «Мега» и др.).

Институты сотрудничества позволяют решать проблемы пространственного развития территории, помогая «преодолевать» границы. Соглашения между государствами, регионами и муниципалитетами обеспечивают населению доступ к ближайшим центрам предоставления образовательных, медицинских и иных услуг. При этом влияние институтов на нивелирование трансграничных градиентов неоднозначно: институты могут сглаживать, эксплуатировать или увеличивать градиенты.

Однако институты межрегионального и межмуниципального сотрудничества развиты пока чрезвычайно слабо. Как показывает анализ региональных и муниципальных стратегий социально-экономического развития, их необходимость обычно и не осознается. Даже несмотря на декларируемые в стратегиях Краснодарского края и Адыгеи масштабные планы сотрудничества поверх границ, реально это сотрудничество не происходит. Фундаментальные причины такой ситуации связаны с отсутствием правовых оснований на федеральном уровне, спецификой общегосударственной и региональной политической культуры и управленческой традиции. Исследование существующих институтов и практик показало, во-первых, что конкретные препятствия лежат, в сфере земельно-имущественных отношений — му-

муниципалитеты сталкиваются с серьезными проблемами при создании общих промышленных и инфраструктурных объектов. Во-вторых, реализация совместных проектов наталкивается на невозможность софинансирования или расходования бюджетных средств одного муниципалитета на территории другого. В-третьих, в законодательстве отсутствуют реально действующие юридические механизмы для создания надмуниципальных форм управления и сотрудничества. В-четвертых, низкая бюджетная обеспеченность муниципального уровня власти требует разработки специальных программ, ориентированных именно на поддержку проектов межмуниципального и межрегионального сотрудничества.

Один из факторов, мешающих межмуниципальному и межрегиональному сотрудничеству, — опасения изменений границ, имеющиеся, например, у властей Адыгеи в отношении трех адыгейских муниципалитетов в составе Краснодарской агломерации. В проведенных интервью постоянно повторялся нарратив о том, что «слишком тесные связи между территориями создают опасность их слияния». Создание институтов сотрудничества, а значит, и правил игры может стать ключом для решения этого противоречия, поскольку позволяет решать трансграничные проблемы, не меняя границ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 22-17-00263 «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет». Исследование динамики пограничной зоны и аспектов ее влияния на социально-экономическое развитие приграничных районов проводилось за счет средств госзадания ИГ РАН ГЗ № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008) «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы».

Список литературы

1. Kolosov, V., O'Loughlin, J. 1998, New borders for new world orders: Territorialities at the fin-de-siecle, *GeoJournal*, vol. 44, № 3, p. 259—273, <https://doi.org/10.1023/A:1006846322508>
2. Колосов, В. А. 2022, Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления, *Региональные исследования*, № 3, с. 23—36, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2>
3. Колосов, В. А. 2024, Функции, изоморфизм и общие свойства государственных и других формальных границ, *Границы, приграничные регионы, трансграничное взаимодействие*, М., Первое экономическое издательство, с. 7—15, <https://doi.org/10.18334/9785912925221-7-15>
4. Anderson, B. 2006, *Imagined Communities*, L., N. Y., Verso.
5. Kolosov, V., Scott, J. 2013, Selected conceptual issues in border studies, *Belgeo*, № 1, <https://doi.org/10.4000/belgeo.10532>
6. Konrad, V. 2015, Toward a Theory of Borders in Motion, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 30, № 1, p. 1—17, <https://doi.org/10.1080/08865655.2015.1008387>
7. Scott, J.W. 2020, *A Research Agenda for Border Studies*, <https://doi.org/10.4337/9781788972741.00007>
8. Brambilla, C. 2015, Exploring the Critical Potential of the Borderscapes Concept, *Geopolitics*, vol. 20, № 1, p. 14—34, <https://doi.org/10.1080/14650045.2014.884561>
9. Родоман, Б. Б., Экель, Б. М. (ред.). 1982, *Географические границы*, М., Изд-во Моск. ун-та.
10. Шувалов, В. Е. 2022, Теоретическая лимология как междисциплинарное научное направление, *Региональные исследования*, № 3, с. 37—43, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-3>
11. Колосов, В. А. 2008, География государственных границ: идеи, достижения, практика, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 8—20. EDN: JSJZCV

12. Севастьянов, С. В., Лайне, Ю., Киреев, А. А. (ред.). 2016, *Введение в исследования границ*, Владивосток, Дальнаука. EDN: YHSFUZ
13. Amilhat Szary, A.-L. 2020, *Géopolitique des Frontières. Découper la Terre, Imposer une Vision du Monde*, P., Le Cavalier Bleu.
14. Paasi, A. 2021, Problematising 'bordering, ordering, and othering' as manifestations of socio-spatial fetishism, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 112, p. 18–25, <https://doi.org/10.1111/tesg.12422>
15. Морачевская, К. А. 2022, Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов, *Региональные исследования*, № 3, с. 44–53, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-4>
16. Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2020, Russian borderlands: contemporary problems and challenges, *Regional Sciences: Policy and Practice*, vol. 12, № 4, p. 671–688, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12285>
17. Колосов, В. А., Зотова, М. В., Себенцов, А. Б. 2016, Барьерная функция российских границ, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 8–20, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20>
18. van Geenhuizen, M., Ratti, R. (eds.). 2001, *Gaining Advantage from Open Borders: An Active Space Approach to Regional Development*, Routledge.
19. Зубаревич, Н. В. 2014, Региональное развитие и региональная политика в России, *ЭКО*, т. 44, № 4, с. 6–27. EDN: RZLYST
20. Окунев, И. Ю., Осколков, П. В., Тисленко, М. И. 2018, Объединение регионов Российской Федерации: институциональные и социальные последствия, *Полис. Политические исследования*, т. 27, № 2, с. 8–28, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.02>
21. Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic Region*, vol. 15 (4), p. 104–123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-6>
22. Sagan, I., Studzińska, D., Nowicka, K., Kolosov, V., Zotova, M., Sebentsov, A. 2018, The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of Polish-Russian borderland, *Geographia Polonica*, vol. 91, № 1, p. 95–112, <https://doi.org/10.7163/GPol.0102>
23. Макарычев, А. С. 2002, Пространственные характеристики трансграничной безопасности, в: *Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России*, с. 8–40.
24. Себенцов, А. Б. 2018, Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском пограничье, *Региональные исследования*, № 3, с. 66–75. EDN: VPMQAB
25. Карпенко, М. С., Колосов, В. А., Себенцов, А. Б. 2021, Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения, *Проблемы национальной стратегии*, № 5, с. 25–40, https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25
26. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74–83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, заместитель директора, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

Кира Алексеевна Морачевская, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия; старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1269-1059>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

FORMAL BORDERS AND CROSS-BORDER INTERACTIONS: COUNTRY – REGION – MUNICIPALITY

V. A. Kolosov¹

A. B. Sebentsov¹

K. A. Morachevskaya^{1, 2}

¹ Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonentny pereulok, Moscow, 119017, Russia

² Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 15 May 2024

Accepted 25 July 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-2

© Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B.,
Morachevskaya, K. A., 2024

This study draws on the concept of isomorphism of formal borders (those established by legislative acts), which postulates similarity in their functions performed in different combinations by borders of various statuses. The article aims to explore the isomorphism of formal borders and their impact on the economy and the quotidian practices of the population. The study employs expert interviews and personal observations from several Russian regions while analysing regional and municipal socioeconomic development strategies. On the one hand, the barrier and constitutive functions of borders help to level the socioeconomic gradient within such boundaries. On the other hand, these same functions accentuate the contrasts between neighbouring territories. The general characteristics of borders also encompass their capacity to either attract or deter specific activities and create or exacerbate the peripherality of adjacent areas. The tension between the continuity of physical and social space and the barrier function of borders shapes the population's 'cross-border' practices, generating commodity flows and other interactions between neighbouring territories. This interaction, in turn, necessitates cooperation between border territories to address a range of cross-border issues. However, such collaborations exist almost exclusively at the interstate level. At the regional and municipal level, this need is either unaddressed or absent, even when acknowledged in strategic planning documents.

Keywords:

state borders, regional borders, municipal borders, isomorphism, functions, peripherality, cross-border interactions, cooperation, Russia

To cite this article: Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B., Morachevskaya, K. A. 2024, Formal borders and cross-border interactions: country – region – municipality, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 21–41.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-2

References

1. Kolosov, V., O'Loughlin, J. 1998, New borders for new world orders: Territorialities at the fin-de-siecle, *GeoJournal*, vol. 44, № 3, p. 259—273, <https://doi.org/10.1023/A:1006846322508>
2. Kolosov, V.A. 2022, Border studies in the contemporary world: progress in theory and main directions, *Regional Studies*, № 3, p. 23—36, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2> (in Russ.).
3. Kolosov, V.A. 2024, Functions, isomorphism and general features of the state and other borders, *Borders, border regions, cross-border interaction*, M., First Economic Publishing House, p. 7—15, <https://doi.org/10.18334/9785912925221-7-15> (in Russ.).
4. Anderson, B. 2006, *Imagined Communities*, L., N. Y., Verso.
5. Kolosov, V., Scott, J. 2013, Selected conceptual issues in border studies, *Belgeo*, № 1, <https://doi.org/10.4000/belgeo.10532>
6. Konrad, V. 2015, Toward a Theory of Borders in Motion, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 30, № 1, p. 1—17, <https://doi.org/10.1080/08865655.2015.1008387>
7. Scott, J.W. 2020, *A Research Agenda for Border Studies*, <https://doi.org/10.4337/9781788972741.00007>
8. Brambilla, C. 2015, Exploring the Critical Potential of the Borderscapes Concept, *Geopolitics*, vol. 20, № 1, p. 14—34, <https://doi.org/10.1080/14650045.2014.884561>
9. Rodoman, B.B., Eckel, B.M. (eds.). 1982, *Geographical Boundaries*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta (in Russ.).
10. Shuvalov, V.E. 2022, Theoretical limology as an interdisciplinary area of science, *Regional Studies*, № 3, p. 37—43, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-3> (in Russ.).
11. Kolosov, V.A. 2008, Geography of state borders: ideas, achievements, practice, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 8—20. EDN: JSJZCV (in Russ.).
12. Sevastyanov, S.V., Line, Y., Kireev, A.A. (eds.). 2016, *Introduction to Border Studies*, Vladivostok, Dalnauka. EDN: YHSFUZ (in Russ.).
13. Amilhat Szary, A.-L. 2020, *Géopolitique des Frontières. Découper la Terre, Imposer une Vision du Monde*, P., Le Cavalier Bleu.
14. Paasi, A. 2021, Problematizing 'bordering, ordering, and othering' as manifestations of socio-spatial fetishism, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 112, p. 18—25, <https://doi.org/10.1111/tesg.12422>
15. Morachevskaya, K.A. 2022, Borderland phenomenon: approaches to interpretation and the role of center-peripheral gradients, *Regional Studies*, № 3, p. 44—53, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-4> (in Russ.).
16. Kolosov, V.A., Sebestsov, A.B. 2020, Russian borderlands: contemporary problems and challenges, *Regional Sciences: Policy and Practice*, vol. 12, № 4, p. 671—688, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12285>
17. Kolosov, V.A., Zotova, M.V., Sebestsov, A.B. 2016, Barrier function of Russian borders, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 8—20, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20> (in Russ.).
18. van Geenhuizen, M., Ratti, R. (eds.). 2001, *Gaining Advantage from Open Borders: An Active Space Approach to Regional Development*, Routledge.
19. Zubarevich, N.V. 2014, Regional development and regional policy in Russia, *ECO*, vol. 44, № 4, p. 6—27. EDN: RZLYST (in Russ.).
20. Okunev, I.Y., Oskolkov, P.V., Tislenko, M.I. 2018, Incorporation of Russian Federation Regions: Institutional and Social Consequences, *Polis. Political Studies*, vol. 27, № 2, p. 8—28, <https://doi.org/10.17976/jpps.2018.02.02> (in Russ.).
21. Kolosov, V.A., Sebestsov, A.B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic Region*, vol. 15 (4), p. 104—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-6>
22. Sagan, I., Studzińska, D., Nowicka, K., Kolosov, V., Zotova, M., Sebestsov, A. 2018, The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of Polish-Russian borderland, *Geographia Polonica*, vol. 91, № 1, p. 95—112, <https://doi.org/10.7163/GPol.0102>

23. Makarychev, A. S. 2002, Spatial characteristics of cross-border security, in: *Security and International Cooperation in the Belt of Russia's New Borders*, p. 8—40 (in Russ.).
24. Sebentsov, A. B. 2018, Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian borderland, *Regional Studies*, № 3, p. 66—75. EDN: VPMQAB (in Russ.).
25. Karpenko, M. S., Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2021, Transformation of Russia-Kazakhstan border-zone cooperation in the post-soviet period: institutional and economic dimensions, *Problems of National Strategy*, № 5, p. 25—39, https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25 (in Russ.).
26. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>

The authors

Prof Vladimir A. Kolosov, Deputy Director, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Dr Alexander B. Sebentsov, Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

Dr Kira A. Morachevskaya, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia; Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1269-1059>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ВЕКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Т. Г. Нефедова

Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 23.05.2024 г.
Принята к публикации 25.07.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3
© Нефедова Т. Г., 2024

Применен комплексный экономико-географический подход к исследованию обширной территории Европейской части России севернее Московской области, которую часто называют Ближним Севером. Новые вызовы требуют совершенствования Стратегии пространственного развития России. На примере макрорегиона показана возможность полимасштабного подхода к выявлению социально-экономических контрастов внутри регионов и взаимосвязанного развития их частей. Он включает рассмотрение тенденций динамики населения с 1990 по 2022 г., его миграций и занятости, инфраструктурного обустройства территории. Пространственный подход здесь особенно важен из-за природных различий внутри макрорегиона и пригородно-периферийных контрастов при повышенной роли центральных городов. Подробно рассмотрена восточная часть макрорегиона от Ярославской области до Кировской. Сжатие освоенного пространства и деградация некоторых необходимых условий жизни населения стали главными тенденциями постсоветского времени при организационных и экономических изменениях основных отраслей хозяйства. В статье показана специфика влияния региональных центров на территории разной степени удаленности от них. Особое внимание уделено изменению парадигмы сельскохозяйственного использования территории в новых институциональных и экономических условиях, усилению очаговости земледелия и последствиям концентрации животноводства. Работа основана на анализе статистической информации по муниципальным образованиям и опирается на активное использование карт. Выявление относительно успешных и наиболее проблемных территорий внутри столь обширного макрорегиона может помочь в разработке новых подходов к совершенствованию Стратегии пространственного развития России и ее регионов.

Ключевые слова:

пространственное развитие, муниципальный район, центры, периферия, миграции, занятость, сельское и лесное хозяйство

Постановка проблемы и предыдущие исследования

Одна из главных и повсеместных проблем России с ее огромным пространством и относительно редкой сетью больших городов — центр-периферийные социально-экономические различия [1]. Глубина этих различий часто недооценивается при

Для цитирования: Нефедова Т. Г. Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части России // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 42—61. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3

стратегических разработках развития России, в том числе и в принятой Стратегии пространственного развития страны и ее регионов до 2025 г.¹. Ее недостатки во многом связаны с вниманием преимущественно к регионам и крупным центрам и с отсутствием полимасштабного подхода к решению проблем [2]. Особенно это касается регионов с разнообразными и сложными природными условиями, сравнительно слабо заселенных, где влияние центров приводит к множеству типов взаимоотношений и проблем внутри регионов, определяющих развитие как центров, так и периферии. Помимо восточных регионов России к ним можно отнести и староосвоенные регионы Ближнего Севера Европейской части страны.

Под Ближним Севером России понимается обширная территория Нечерноземья, характеризующаяся в прошлом помимо лесохозяйственного не очень плотным, но сельскохозяйственным освоением и животноводством, а ныне на значительной части подверженная запустению, в том числе в результате депопуляции населения и свертывания ключевых видов деятельности. Именно сельскохозяйственное освоение еще в досоветское время и созданное в советский период сельское хозяйство отличают Ближний Север от Дальнего, где основой хозяйствования были и остаются использование полезных ископаемых и лесных ресурсов. Сам термин «Ближний Север России» был в свое время предложен и обоснован географами [3]. С определенной долей условности к нему можно отнести регионы севернее, северо-западнее и северо-восточнее Московской области от Псковской и Тверской областей до Вологодской и Кировской.

Ближний Север Европейской части России обладает колоссальным природным потенциалом — огромной территорией, лесными и водными ресурсами, относительно высоким биоразнообразием. Вместе с тем это весьма проблемный макрорегион с точки зрения хозяйственного «сжатия» в пространстве, депопуляции, социальной депрессии и эксклюзии сельского населения. Еще в советское время здесь сокращалась численность населения в сельской местности и все больше появлялось заброшенных домов. Колхозно-совхозное сельское хозяйство на большей части территории существовало за счет огромных дотаций. С уходом советских сельскохозяйственных и лесопромышленных предприятий, поддерживающих не только экономику регионов, но и инфраструктуру и занятость населения, уменьшение зон социальной и экономической активности ускорилося. Во многом это связано со сдвигом в современных рыночных условиях агропроизводства в более южные регионы с благоприятными для земледелия природными условиями, а также с трансформацией лесопромышленного комплекса. Все это стимулировало отъезд населения из сельской местности и малых городов [4; 5]. Появление новых технологий на сохранившихся предприятиях сельского и лесного хозяйства, требующих привлечения гораздо меньшего числа занятых, лишь усилило отток местного населения, тем более что центры областей, не говоря о Москве и Санкт-Петербурге, и в советское, и в постсоветское время притягивали население с окружающих территорий [6]. При этом лесоресурсные и экосистемные функции региона остаются важными. Отсутствие экономических механизмов лесовосстановления и «хищническое» в ряде мест лесопользование привели к значительному истощению экономически доступных лесных ресурсов, а богатейший природно-экологический потенциал территории во многом не востребован [7]. Не менее важен и теряется накопленный культурный потенциал в этом староосвоенном регионе.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 01.03.2024).

В Стратегии пространственного развития России до 2025 г. предусматривалось ускорение экономического роста страны за счет развития перспективных центров¹. Наиболее перспективных центров с ежегодным экономическим ростом более 1 % в рассматриваемом регионе не оказалось. Тем не менее для большинства центров этого региона в Стратегии предполагался рост от 0,2 до 1,0 %. И только для Костромы и Кирова прогнозировался экономический рост <0,2 %. При этом макрорегион, концентрирующий 6,5 млн чел., характеризуется разреженным и очень контрастным социально-экономическим пространством, высокой и усиливающейся концентрацией населения именно в центрах регионов, недостаточной транспортной связанностью и в целом существенными инфраструктурными ограничениями. В макрорегионе со столь высокой ролью центральных мест во все более разреженном социально-экономическом пространстве [8; 9] особенно важен географический подход, выявляющий наиболее проблемные территории. Неоднократно поднимался вопрос о том, что процессы «социального опустынивания» за пределами региональных центров необходимо если не остановить, то хотя бы добиться «регулируемого сжатия» [3; 10].

Несмотря на относительную компактность макрорегиона, для него характерно большое разнообразие внутренних проблем. В данной статье рассматривается восточная часть Ближнего Севера от Ярославской области через Костромскую, Вологодскую до Кировской. Сильная социально-экономическая контрастность этой территории на муниципальном уровне требует комплексного географического исследования разных показателей и процессов — от степени освоенности территории до миграций населения и экономики в их взаимодействии. Статья носит рекогносцировочный характер, выявляя лишь некоторые ключевые проблемы пространственного развития на муниципальном уровне, анализ и определение путей решения которых нуждаются в дальнейшем изучении.

Главной современной проблемой российского Нечерноземья остается сильная сельская депопуляция, устойчивый отток в города молодого и активного населения, забрасывание деревень [11]. Для Тверской, Ярославской, Вологодской областей эти аспекты подробно рассматривались на разных масштабных уровнях [12—15]. Тем не менее эти процессы не уникальны для исследуемых регионов и даже для России. В XX в. они наблюдались и во многих странах Европы. Однако есть основания считать, что урбанизация в России не завершена [16]. Концентрация населения в крупных городах и их пригородах продолжается [17—19]. В сочетании со сравнительно редкой сетью больших городов, особенно характерной для макрорегиона Ближнего Севера, это ведет к опустошению огромных территорий, тем более что помимо собственных региональных центров южнее и северо-западнее макрорегиона расположены самые «мощные насосы», вытягивающие из него население, — Москва и Санкт-Петербург. Это породило и продолжает усиливать контрасты между центрами и периферией регионов, хотя появляются и отдельные «точки роста» на удалении от крупных центров, пока еще редкие, благодаря процессам «производства нового социального пространства» на основе собственных ресурсов или с помощью пришлого населения [20; 21]. В последние десятилетия все более очевидны и временные возвратные, в том числе дачные, миграции между городами, особенно большими, и сельской местностью, наиболее явные вблизи Москвы и Санкт-Петербурга, но характерные и для регионов Ближнего Севера [22; 23].

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, Приложение 2, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 01.03.2024).

Рассматриваемые регионы часто позиционируются и в научной литературе, и в общественном мнении как зона социально-экономической депрессии со сжимающимися сельскохозяйственными землями, забрасывание которых часто воспринимается как трагедия. И действительно, из оборота выпало от половины обрабатываемых земель в Вологодской и Кировской областях до 70 % — в Костромской области. Это в первую очередь земли с пониженным плодородием и удаленные от городов [24; 25]. При этом идущие параллельно процессы концентрации агропроизводства [26] во многом компенсируют снабжение продовольствием городов и районов. В то же время происходит спонтанное зарастание заброшенных земель низкопродуктивными и пожароопасными лесами. Переход от экстенсивного к интенсивному лесопользованию может стать выходом для таких районов по аналогии с Финляндией и Швецией с учетом потенциала лесов, выросших на заброшенных землях сельскохозяйственного назначения¹.

Материалы и методы исследования

В статье на примере четырех регионов восточной части Ближнего Севера (Ярославской, Костромской, Вологодской и Кировской областей) рассмотрены социально-экономические изменения с 1990 по 2022 г. и современные пространственные природные и социально-экономические контрасты территории. Основой исследования послужила официальная статистика по муниципальным образованиям Федеральной службы государственной статистики (Росстата) России². Использовались данные по муниципальным районам и муниципальным округам (включая небольшие города), отражающие плотность всего и сельского населения, разные виды его миграций, инфраструктурное обустройство территории, занятость населения в лесном и сельском хозяйстве, уровень зарплат на предприятиях, а также некоторые индикаторы трансформации агропроизводства: изменение посевных площадей, поголовья скота, степени концентрации животноводства и др. Городские округа рассматривались отдельно³, как единицы, влияющие на муниципальные округа и районы. При этом исследование опиралось на опыт автора в многолетнем изучении некоторых регионов. Составление карт в разрезе муниципальных районов и графиков, показывающих изменение природных и социально-экономических показателей от центра к периферии и в разных природных условиях, позволило наглядно представить современные внутренние контрасты регионов и их изменение.

Результаты исследования

Специфика влияния природных различий и больших городов

Основные векторы организации пространства регионов Ближнего Севера и его изменений за 30 лет, как и многих регионов Нечерноземья, можно с определенной долей условности связать с природными предпосылками и удаленностью от боль-

¹ Шварц, Е. 2023, Нацпроект — темный лес, *Коммерсант*, № 203, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6310324> (дата обращения: 01.03.2024).

² База данных показателей муниципальных образований, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 01.03.2024) ; База данных № 2021621439 «Староосвоенные районы Европейской России и Урала» / Т.Г. Нефедова, А.В. Старикова, А.И. Трейвиш, А.В. Шелудков, Институт географии РАН, 2021.

³ Городские округа Мантурово (Костромская область) и Переславль-Залесский (Ярославская область), образованные из муниципальных районов в 2019 г., со сравнительно небольшими городами, большой площадью и долей сельского населения рассматривались в сравнении с муниципальными районами своих областей.

ших городов [5]. Индикатором природных условий, в том числе и для сельского хозяйства, которое играло существенную роль в поддержании сельской местности и снабжении городов продовольствием в досоветское, советское время и продолжает ее играть, хотя и иначе, в современных условиях служат различия биоклиматического потенциала (многолетних значений суммы температур выше 10°C и сочетания осадков и испарения). На рисунке 1 хорошо видны эти различия между югом и севером макрорегиона, хотя и не всегда они имеют строго широтное направление.

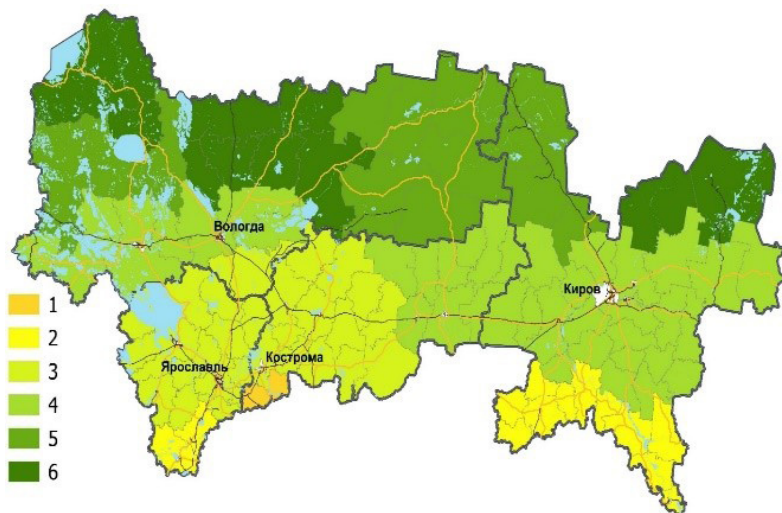

Рис. 1. Биоклиматический потенциал по сочетанию суммы температур свыше 10°C и увлажнения, где 1 — наиболее благоприятный, 6 — наиболее неблагоприятный¹

Влияние больших городов, особенно центров регионов, на сельскую местность наиболее явно сказывается на пригородах, то есть примыкающих к ним муниципальных районах, но не только. Условность карты на рисунке 2 состоит в том, что степень влияния на окружающую территорию зависит от численности населения центра региона, плотности сельского населения, а также особенностей и конфигурации муниципального деления каждого региона. Но так или иначе степень влияния, как правило, уменьшается от пригорода региональной столицы к периферии региона [11], формируя в данном макрорегионе обширные зоны, удаленные от всех центров. Сами центры тоже различаются: от крупнейшего Ярославля (рис. 3), влияние которого усиливается сравнительной близостью к Москве, до слабейшего — Костромы. Ярославская область имеет второй большой город, правда заметно теряющий население, — Рыбинск (184 тыс. жителей). Влияние Вологды усиливает недалеко расположенный, примерно равный ей по численности населения и весьма устойчивый по динамике населения Череповец (300 тыс. жителей), поэтому к пригородной зоне отнесен не только Вологодский район, но и Череповецкий. Малые и средние города в регионе катастрофически теряют население и формируют, как правило, локальные зоны влияния. Тем не менее 17 малых и средних городов Кировской области с их суммарным населением в 380 тыс. чел. в 2022 г. (в 2002 г.

¹ Наиболее благоприятными (1) считались природные условия с суммой температур вегетационного периода 2075°C и превышением осадков над испарением 1,2; менее благоприятные (2) — соответственно 1950 и 1,1, еще менее (3) — 1850 и 1,2; (4) — 1775—1750 и 1,2; (5) — 1550—1575 и 1,3; наименее благоприятными (6) — 1450—1475 и 1,3 (холодные и переувлажненные).

численность их населения достигала 620 тыс. чел.) формируют определенный каркас территории. Самая сложная ситуация отмечается в Костромской области, территория которой вытянута к северо-востоку, а 11 малых городов имеют суммарное население 150 тыс. чел. (217 тыс. в 2002 г.).

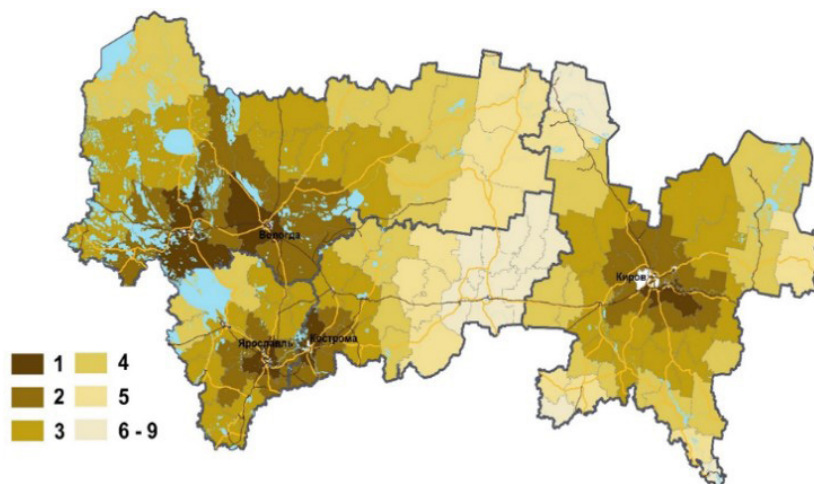

Рис. 2. Пригородно-периферийные различия: 1 — пригороды — муниципальные районы, примыкающие к областным центрам; 2—9 — районы-соседи центра второго и последующих порядков (5—9 — дальняя периферия регионов)

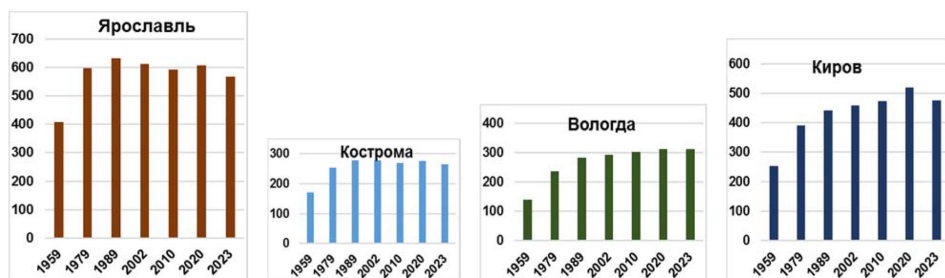

Рис. 3. Численность населения центров регионов с 1959 по 2023 г., тыс. чел. (по материалам переписей населения и данным текущей статистики)

Внутрирегиональные социально-экономические контрасты регионов

Влияние городов сказывается прежде всего на обустройстве территории и плотности сельского населения. Например, в Ярославской области (см. подробнее [14]) плотность автодорог, особенно асфальтированных, заметно уменьшается от пригорода к периферии (рис. 4, а). Плотность сельского населения максимальная также в пригороде Ярославля (рис. 4, б). При этом пригородный район привлекателен для всех категорий мигрантов, в том числе межрегиональных (рис. 4, в). В результате только в пригородном Ярославском районе численность населения за 2018—2022 гг. благодаря миграциям увеличилась на 10 %, несмотря на то, что во всех районах области (включая пригороды) смертность выше рождаемости.

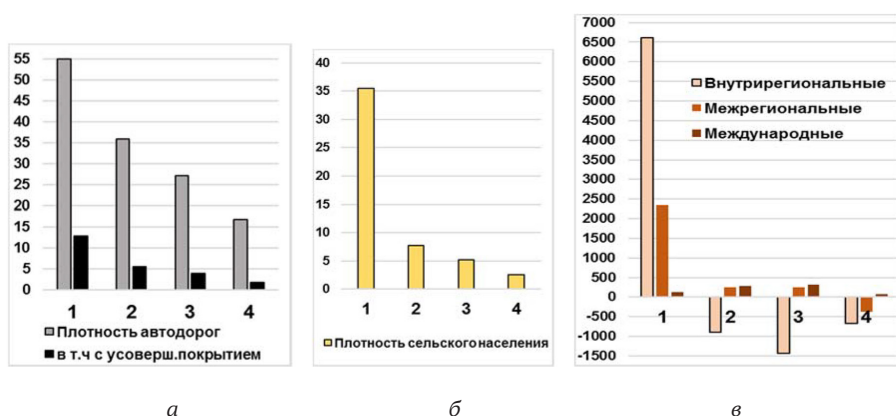

Рис. 4. Внутрирегиональные контрасты Ярославской области от пригорода (1) к периферии (4): а — плотность автодорог, 2022 г., км/км²; б — плотность сельского населения, 2022 г., чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

В Костромской области контрасты в обустроенности территории еще более сильные (рис. 5, а). Плотность населения в пригородном Костромском районе продолжает оставаться наивысшей (рис. 5, б), хотя он уже не привлекателен для мигрантов даже из своего региона, только для международных (рис. 5, в). Вместе с естественной убылью населения это обуславливает уменьшение численности населения даже в пригородах. Особенно сильно плотность населения снижается, начиная с районов третьего порядка соседства к областному центру и далее. Даже лучше дренируемые и более плодородные почвы на востоке и северо-востоке области, для которых прежде было характерно увеличение плотности населения, в настоящее время удержат сельских жителей уже не могут [5, с. 224—236].

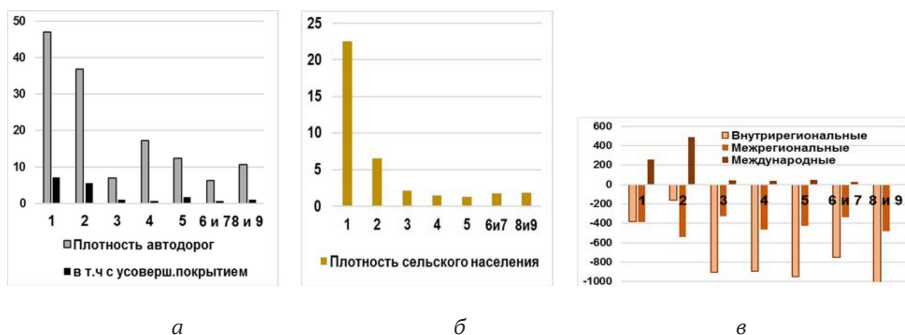

Рис. 5. Внутрирегиональные контрасты Костромской области от пригорода (1) к периферии (4—9): а — плотность автодорог, км/км²; б — плотность сельского населения, чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

В Вологодской области два равновеликих по численности населения центра формируют обширную зону влияния (рис. 2), привлекательную для внутрирегиональных мигрантов (рис. 6, в), что приводит к усилению концентрации населения не только в центрах, но и в пригородах Вологды и Череповца (рис. 6, б), хотя и не такой сильной, как в двух предыдущих регионах. При этом естественная убыль настолько велика, что численность населения уменьшается даже в пригородах, не говоря уже об остальной территории области. Обустройство территории даже пригородов оставляет желать лучшего (рис. 6, а).

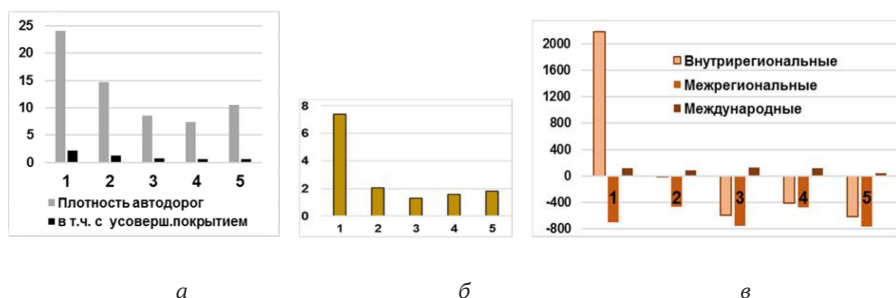

Рис. 6. Внутрирегиональные контрасты Вологодской области от пригорода (1) к периферии (5): а — плотность автодорог, км/км²; б — плотность сельского населения, чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

Похожая ситуация складывается и в Кировской области (рис. 7), хотя в ней наблюдаются заметные различия между северными районами и южными с более благоприятными природными условиями (рис. 2). В южной половине области и плотность населения, и плотность автодорог выше. Тем не менее все виды миграций с отрицательным сальдо, кроме пригородов, и даже южные муниципальные районы области за последние 5 лет потеряли за счет естественной убыли и миграционного оттока 10 % населения.

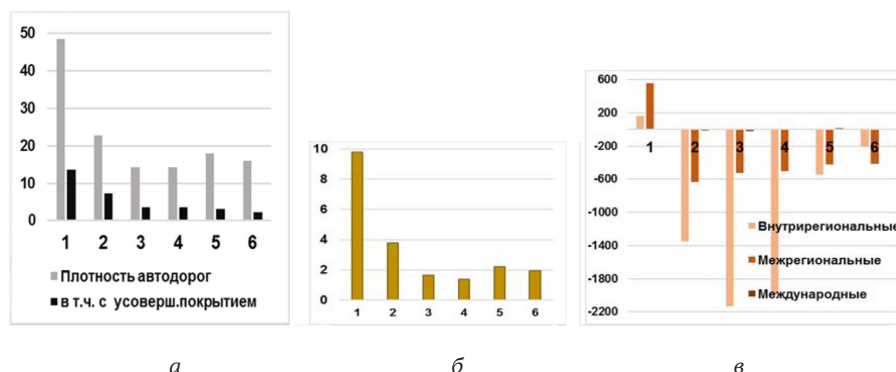

Рис. 7. Внутрирегиональные контрасты Кировской области от пригорода (1) к периферии (6): а — плотность автодорог, км/км²; б — плотность сельского населения, чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

Сумма миграционного оттока и естественной убыли населения в результате превышения смертности над рождаемостью за 2018—2022 гг. показывает реальное сжатие социального пространства макрорегиона. Это сжатие характерно практически для всей территории за пределами пригорода Ярославля. Однако максимально оно в окраинных районах Кировской и Костромской областей, даже при относительно благоприятных природных предпосылках (сельскохозяйственный юг Кировской области, а также прежде более плотно заселенные ополья северо-востока Костромской области). Масштабы этих потерь наиболее наглядны при расчете на 1000 жителей (рис. 8). Так, окраинные районы Кировской и Костромской областей за 5 лет потеряли каждого четвертого-шестого жителя, что позволяет представить скорость дальнейших процессов опустошения территории. В Ярославской области наиболее неблагоприятны ее северо-западные окраины. Вологодская область отличается гораздо меньшими масштабами и контрастами в целом, хотя убыль населения характерна для всех районов.

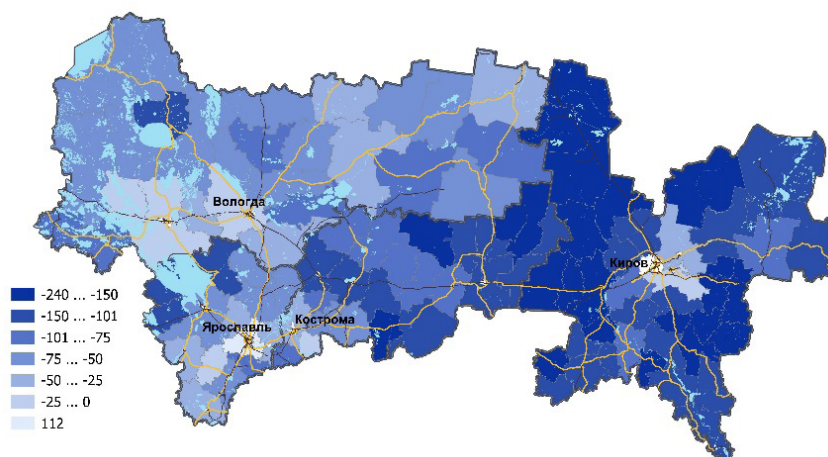

Рис. 8. Сумма миграционного оттока и естественной убыли населения за 2018—2022 гг. на 1000 чел. населения муниципальных районов, чел.

Рассчитано по данным Росстата.

Миграционное поведение населения вне центров регионов зависит от множества факторов: различий в условиях жизни, возможности найти работу, пространственных контрастов в уровне заработной платы и др. Индикаторами условий жизни населения помимо плотности и качества автодорог (рис. 4—7) может служить и показатель наличия трубопроводного газа и водоснабжения в сельских и даже малых городских поселениях. Например, по данным Росстата, даже в Ярославской области в пригородном районе 70 % сельских населенных пунктов не имеют трубопроводного газа, а на севере области их доля достигает 95 %. Централизованным водоснабжением не обеспечено от 80 до 95 % населенных пунктов. В пригороде Костромы ситуация лучше — половина сельских населенных пунктов имеет трубопроводный газ и водопровод. Однако начиная с муниципальных районов — соседей Костромы 3—4-го и последующих порядков — доля сел и деревень с трубопроводным газом падает до 0 %, а с водопроводным водоснабжением — до 20 %. Исключение составляет лишь Шарья — второй по численности населения город и важный лесопромышленный центр на востоке области и ее окрестности.

Но главными стимулами отъезда населения, особенно в постсоветское время, служили отсутствие работы и зарплата, разница в уровне средних зарплат в областных центрах и в остальных муниципалитетах. Наибольшие контрасты в уровне заработных плат характерны для Кировской области: между столицей — мощным и усилившимся в последние годы машиностроительным центром, включая ВПК, и остальными муниципальными районами области. Только в пригородах она достигает 50 % от уровня центра, а в остальных районах колеблется от 38 до 48 %. В результате население Кирова в последнее время растет (только в 2022 г. оно увеличилось на 0,8 % — на 4,4 тыс. чел.). Современная Кострома — один из слабейших региональных центров рассматриваемого макрорегиона с более низкими заработными платами в городе, тем не менее она все равно выделяется на фоне муниципалитетов области, зарплата в которых колеблется на уровне 50—67 % к областному центру. Исключение представляют Красносельский район с его специализацией на производстве золотых изделий и Галичский район с мощным животноводческим комплексом. В самой Костроме население продолжает сокращаться (–1,6 тыс. в 2022 г.). Зарплаты в муниципалитетах Вологодской области более ровные, в том числе благодаря устойчивости лесопромышленного комплекса, и колеблются от 60 до 90 % к областному центру, а в Череповецком районе выше, чем в Вологодском. В Ярославской области средние по муниципальным образованиям зарплаты по сравнению с центром региона также в целом ровнее, разброс значений от 63 % к областному центру в северном Пошехонском районе до 94 % в Рыбинском. В пригородном районе — даже выше, чем в Ярославле (106 % от уровня центра). В самом Ярославле с населением в 571 тыс. жителей наблюдается небольшой миграционный отток (–0,2 %), связанный и с процессами субурбанизации.

Постсоветская трансформация фоновых отраслей экономики

Потеря работы при отсутствии альтернативных сфер занятости за пределами больших городов и низкие заработные платы служат важным триггером отъезда населения. Накопленные в советское время проблемы Нечерноземья [4], резкое снижение с 1990-х гг. огромных дотаций сельскому хозяйству и переход к рыночным отношениям привели к сильному сжатию сельскохозяйственного землепользования и существенному уменьшению поголовья скота во всех рассматриваемых регионах (рис. 9). При этом изменились технологии животноводства, что привело к сильной территориальной концентрации поголовья скота и птицы на крупных предприятиях часто в рамках агро-промышленных комплексов (рис. 10). В результате большая часть скота, свиней и птицы вместо относительно равномерного прежде по муниципальным районам распределения в колхозах и совхозах сконцентрировалась в отдельных очагах. Так, если в 1990 г. в 20 % муниципальных районов (обычно это два или три района в области) было сосредоточено 30—35 % поголовья крупного рогатого скота (КРС), то к 2022 г. уже 60—70 % поголовья КРС было сконцентрировано в 20 % районов (рис. 11). Чаще это пригородные территории и места дислокации крупных животноводческих комплексов. Посевные площади тоже сжались в небольшие очаги: ближе к Ростову и Ярославлю, вокруг Вологды и Череповца, на юго-западе Костромской области, а в Кировской помимо районов, окружающих столицу региона, — в более благоприятных по природным условиям южных районах (рис. 12).

Последствием этих процессов стало массовое сокращение занятости в сельском хозяйстве на предприятиях. Рабочие места сохранились, а порой и расширились (хотя и не сильно из-за автоматизации производства) главным образом в районах, где расположены крупные агрохолдинги. Правда, последние на неквалифицированную работу часто предпочитают нанимать мигрантов из стран СНГ.

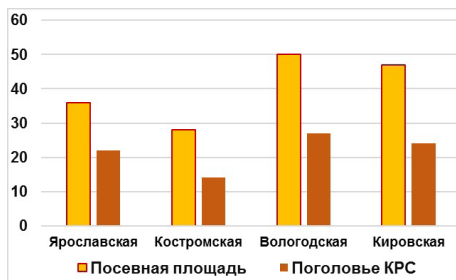

Рис. 9. Динамика посевной площади и поголовья крупного рогатого скота, 2022 г., % к 1990 г.

Рассчитано по данным Росстата.

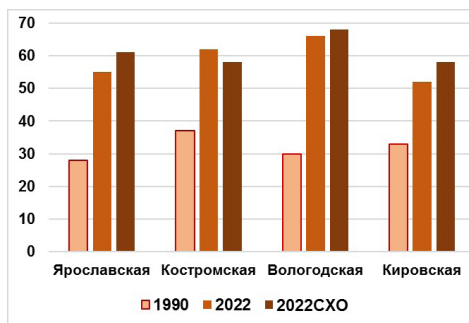

Рис. 10. Концентрация животноводства, % поголовья крупного рогатого скота в 20 % муниципальных районов в 1990 и 2022 гг., всего и в сельскохозяйственных организациях (СХО) в 2022 г.

Рассчитано по данным Росстата.

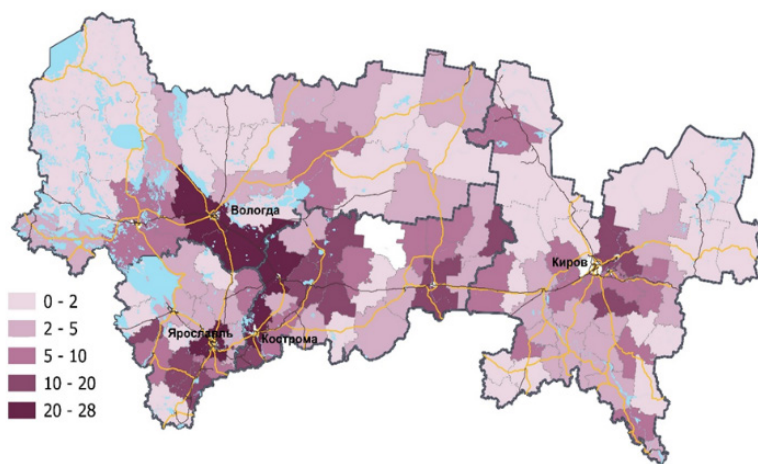

Рис. 11. Доля муниципальных районов в общем поголовье крупного рогатого скота по муниципальным образованиям в 2022 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

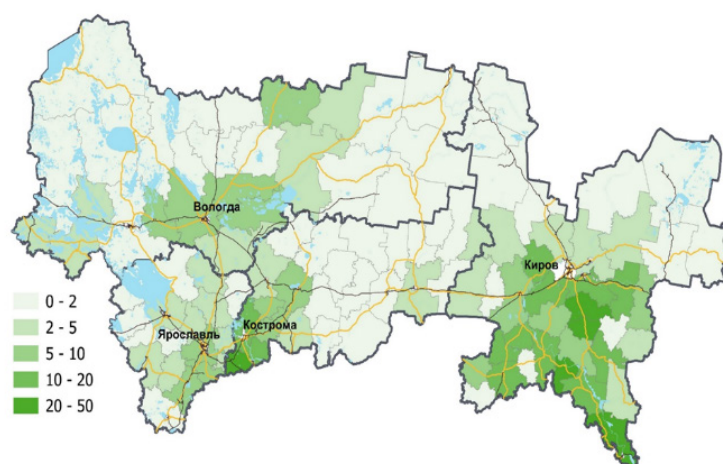

Рис. 12. Доля посевной площади в общей площади территории муниципальных районов в 2022 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

Во всех рассматриваемых областях доля посевной площади в общей площади территории резко сократилась и продолжает уменьшаться при удалении от пригородов к периферии регионов. Максимальные потери за постсоветские годы произошли именно в удаленных от центров районах. Исключение составляет лишь Кировская область, где пока относительно благополучными сельскохозяйственными районами остаются южные. Тем не менее резкие контрасты в уровне жизни между региональным центром и периферией, в том числе и южной, и уменьшение численности сельского населения вызывают вопросы об устойчивости агропроизводства даже в районах с наиболее благоприятными природными условиями.

Во многих районах, особенно в Вологодской, Кировской и Костромской областях, лес оставался одним из основных ресурсов экономики и сфер занятости населения вне региональных центров. Однако после трансформации советских леспромпхозов и забрасывания части лесных дорог доступность лесов уменьшилась и лесозаготовки сместились к транспортным магистралям. Для лесной промышленности также характерно усиление концентрации на мощных лесоперерабатывающих предприятиях, которые предпочитают заготавливать древесину в более транспортно доступных зонах, чем в советское время. Это сказалось и на численности населения удаленных лесных поселков. Переход на аренду лесов и применение при лесозаготовках современной техники, требующей гораздо меньше персонала и его специального обучения [27], также привели к уменьшению занятости населения. Ее сокращение в лесном хозяйстве было связано и с изменениями Лесного кодекса, который резко урезал численность лесников и других служб охраны лесов.

В результате доля занятых в сельском и лесном хозяйстве — прежде основных помимо социальной сферах занятости вне больших городов в этом макрорегионе — в постсоветское время резко уменьшилась и в большинстве районов за пределами зон влияния крупных агрохолдингов и лесозаготовительных предприятий составляет менее 10—15 % (рис. 13).

Однако и другие виды занятости населения претерпели существенные изменения, что стало дополнительным триггером отъезда населения. Это связано прежде всего с общероссийской программой укрупнения муниципальных образований

[28]. Несмотря на «благие цели» муниципальной реформы для выравнивания доходов и обеспечения бюджетных обязательств, ее последствия для динамики населения стали катастрофическими, особенно в таких сравнительно малонаселенных регионах, как Ближний Север. Например, число низовых единиц управления в Ярославской области с 2000 по 2020 г. сократилось в 3,4 раза, в Костромской области — в 2,5 раза [29]. Реформа привела к массовому сокращению («оптимизации») работников администраций, а также школ, больниц, ФАПов, клубов и т. п. и, следовательно, к сжатию числа рабочих мест в сельской местности и в социальной сфере и их концентрации в более крупных населенных пунктах. Это вместе с резким недостатком и плохим качеством дорог (помимо федеральных и основных региональных трасс) стимулировало отъезд не только молодежи и семей с детьми, но и пожилого населения в большие города.

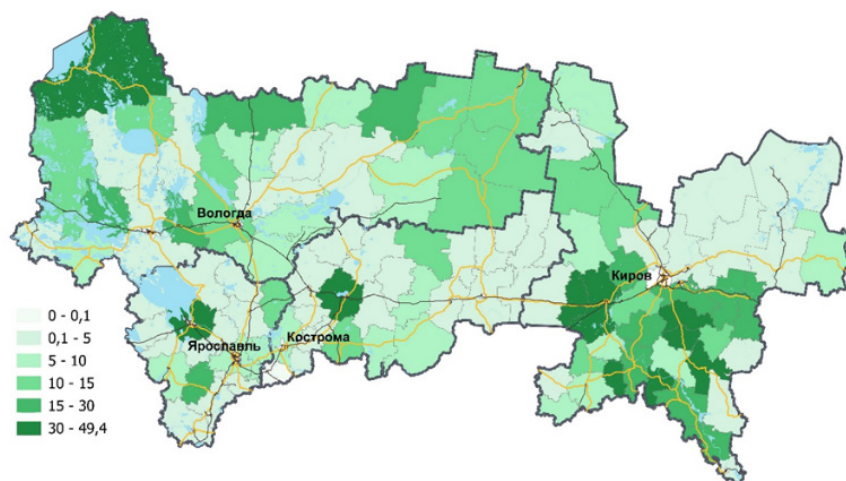

Рис. 13. Доля занятых в сельском и лесном хозяйстве в общем числе занятых по муниципальным образованиям, 2022 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

При существенных потерях трудоспособного населения активизация мелкого частного хозяйства также проблематична. В удаленных и более северных районах она связана с небольшими лесозаготовительными частными компаниями, сдающими древесину крупным переработчикам, например на комбинат SWISS KRONO на востоке Костромской области, производящий древесно-стружечные плиты и не предъявляющий повышенных требований к сырью. Помимо собственных лесозаготовок компания принимает некондиционную древесину и от мелких лесозаготовителей. Небольшие частные компании заготавливают и дрова для населения при отсутствии централизованного отопления.

Доля хозяйств населения в производстве продовольствия и фермерских хозяйств в целом мала, хотя и увеличивается от пригородов к периферии регионов (в том числе в целях выживания). В советское время личным подсобным хозяйствам помогали колхозы, также обеспечивая кормами [11]. Сейчас все зависит от человеческого капитала, прежде всего от возраста оставшегося населения и его желания жить в деревне.

Однако есть районы, где исторически сложилось мощное частное хозяйство (как правило, на ареалах более плодородных почв среди лесов), которое так или иначе поддерживается и в настоящее время: в Ростовском районе Ярославской области на сапропелях озера Неро, в Воховском и Боговаровском районах на востоке Ко-

стромской области на лучше дренируемых почвах, на юге Кировской области и др. Тем не менее наиболее заметный рост доли мелкого частного хозяйства характерен лишь для районов, лучше сохранивших население или существенно «отрезанных» от активной жизни. Но есть и отклонения от типичных процессов трансформации частного хозяйства. Часто это связано с переездом в ту или иную местность городского населения, готового реализовать себя в новых сельских условиях. По сравнению с массовым отъездом из сельской местности в города это «капля в море», но весьма заметная в медийном мире. Примерами могут служить Большесельский район Ярославской области, где сформировалась целая община бывших городских жителей, Тарногский район Вологодской области [20]. Эти примеры показывают спонтанно возникающие новые способы приспособления городского населения к условиям местности и весьма интересны для изучения.

Предпринимаются и государственные меры по поддержке периферийных территорий и улучшению условий жизни в сельской местности. В рамках федеральной программы «Комплексное развитие сельских территорий до 2031 г.» Минсельхоз РФ предложил реализовать во всей стране в 2022—2025 гг. 397 проектов, включающих «ввод распределительных газовых сетей и подключение к газоснабжению, ввод централизованных сетей водоснабжения, улучшение условий образования, получение первичной медицинской помощи, получение культурно-досуговых услуг». Однако охватывают эти проекты лишь 0,8—1,2 % сельского населения в год и касаются прежде всего районов, сохранивших население.

Особый тип освоения удаленных сельских территорий связан с временным дачным использованием горожанами сельских домов. При этом речь идет не только и не столько о садовых и дачных товариществах в пригородах, формирующих обширные, плотно населенные летом одно-, двухэтажные «полугорода» вокруг областных и прочих городских центров, а также в муниципальных районах, примыкающих к Московской области (Переславский, Угличский). В последние десятилетия существенную роль в «оживлении» в летний сезон регионов Ближнего Севера, особенно на небольшом удалении от основных транспортных магистралей, играют дальние дачи москвичей и жителей других больших городов, готовых покупать дома в деревнях за 500—600 км от Москвы и проводить там от нескольких недель до нескольких месяцев в летний сезон [22]. Надежность и длительность такого использования остается под вопросом, но «тлеющую» жизнь небольших деревень горожане поддерживают, предлагая работу местным жителям по обустройству домов и участков, покупая у них продукты личного подсобного хозяйства и в целом создавая, хотя и сезонно, более активную социальную среду [3; 30].

Заключение

В таких районах, как Ближний Север России, поиск оптимальных путей использования природного и уменьшающегося за пределами больших городов и пригородов человеческого капитала является важной научной и практической задачей, в том числе при разработке и дополнении Стратегии пространственного развития России, тем более что есть поручение премьер-министра РФ разработать ее новую концепцию. В Стратегии необходимо отражение не только разных форм территориальной организации общества и экономики, но и понимание взаимосвязи между разными типами территориальных единиц в разных масштабах [2].

Главное — это учет не только межрегиональных, но и внутрирегиональных контрастов территорий, причем отличающихся в различных частях страны. Основные задачи развития регионов Ближнего Севера со сжимающимися расселением и концентрацией экономики связаны с приспособлением к новым социальным и эко-

номическим реалиям. Соответственно, в Стратегии пространственного развития этих регионов должны быть ответы на сложные вопросы. Можно ли при стремлении населения в центры найти пути затормозить или приостановить сжатие освоенного пространства? Как сохранить необходимые для современных потребностей населения условия жизни и работы в малых городах и сельской местности, чтобы большие города со своим накопленным экономическим, демографическим и культурным потенциалом не остались в результате в этих районах «соборами в пустыне»? Представленные в статье тенденции социально-экономических изменений в пространственном измерении и выявление муниципальных районов как с удачным решением насущных задач, так и с наиболее острыми социально-экономическими проблемами — это лишь один из первых шагов исследования на этом пути. Анализ разных сочетаний природного, человеческого и экономического капиталов в разных муниципальных районах показал различные примеры современной адаптации населения и экономики регионов Ближнего Севера к новым социально-экономическим реалиям. Современный бизнес и население при наличии общих закономерностей все-таки по-разному в разных регионах реагируют на изменения последних десятилетий. Так, Вологодская область, более северная, чем Костромская, лучше сохранила население и рабочие места.

Приведенные примеры требуют более глубокого научного анализа, который позволит выявить специфику регионов, их социальные, экономические и географические различия и наиболее насущные проблемы, что важно для формулирования пожеланий к органам государственного управления различных уровней, включая муниципальный и поселенческий, по территориально дифференцированным мерам финансовой (бюджетной), организационной, инфраструктурной, в том числе транспортной, поддержки. Отметим, что озвучиваемые прикладные программы «восстановления сельских поселений» или «возвращения в оборот утраченных сельскохозяйственных угодий» на этих территориях чаще всего выдвигаются в политическом поле и строятся преимущественно на воспроизводстве существовавших в прошлом экономической базы и человеческого капитала, что нереализуемо в современных условиях. В данной статье предложен подход к сравнительному анализу разных муниципальных единиц с учетом внешних предпосылок и накопленных внутренних проблем и возможностей, к определению роли каждого муниципального района в общей системе взаимоотношений. Это поможет разработке диверсифицированных, научно обоснованных решений, учитывающих географическое положение, природные, экономические и социальные условия и ограничения развития тех или иных территорий в сравнении с другими.

Исследование выполнено в Институте географии РАН при финансовой поддержке проекта Российского научного фонда № 24-17-00129 «Перспективы социально-экономического и природосберегающего развития Ближнего Севера России».

Список литературы

1. Лейзерович, Е. Е. 2008, Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года, *Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ)*, М., МАРС, с. 173—181. EDN: TJWXOI
2. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2024, Стратегия пространственного развития России: векторы обновления, *Географический вестник*, № 1, с. 15—26. EDN: IVYTNO
3. Покровский, Н. Е., Нефедова, Т. Г. (ред.). 2016, *Ойкумена Ближнего Севера России*, М., Университетская книга. EDN: ZUYFTB

4. Нефедова, Т. Г. 2019, Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства Европейской части России, *Пространственная экономика*, т. 15, № 4, с. 36—56, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
5. Нефедова, Т. Г., Старикова, А. В. (ред.). 2021, *Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность*, М., Товарищество научных изданий КМК.
6. Дружинин, П. В. 2022, Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа, *Пространственная экономика*, т. 18, № 3, с. 115—140, <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
7. Шварц, Е. А., Шматов, Н. М., Карпачевский, М. Л., Байбар, А. С. 2022, Вызовы и проблемы реформирования лесного хозяйства России, *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*, № 241, с. 157—172. EDN: SVWNKT
8. Мкртчян, Н. В., Карачурина, Л. Б. 2014, Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы, *Балтийский регион*, № 2, с. 62—80, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-4>
9. Толстогузов, О. В. 2022, Структурные изменения экономики регионов Северо-Запада России: институциональный фактор, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 56—74, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-4>
10. Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. 2020, Поляризация и сжатие освоенного пространства в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения, *Демографическое обозрение*, т. 7, № 2, с. 31—53, <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
11. Иоффе, Г. В., Нефедова, Т. Г. 2001, Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов, *Проблемы прогнозирования*, № 6, с. 100—110. EDN: HRTOVN
12. Румянцев, И. Н., Смирнова, А. А., Ткаченко, А. А. 2019, Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 1, с. 29—27. EDN: YZKNWT
13. Ткаченко, А. А., Смирнов, И. П., Смирнова, А. А. 2019, Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 2, с. 78—85.
14. Аверкиева, К. В., Нефедова, Т. Г., Кондакова, Т. Ю. 2021, Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области, *Мир России*, т. 30, № 1, с. 49—66, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-49-66>
15. Попов, А. В., Соловьева, Т. С., Короленко, А. В., Груздева, М. А. (ред.). 2024, *Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий*, Вологда, ФГБУН ВолНЦ РАН.
16. Nefedova, T. G., Treivish, A. I. 2019, Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 9, № 1, p. 1—11, <https://doi.org/10.1134/S2079970519010088>
17. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2016, Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 46—59, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
18. Мкртчян, Н. В. 2019, Миграции в сельской местности России: территориальные различия, *Население и экономика*, т. 3, № 1, с. 39—52, <https://doi.org/10.3897/porecon.3.e34780>
19. Мкртчян, Н. В. 2018, Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 6, с. 26—38, <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
20. Аверкиева, К. В. 2017, Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области, *Крестьяноведение*, т. 2, № 4, с. 86—106, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2017-2-4-86-106>
21. Гунько, М. С., Пивовар, Г. А., Аверкиева, К. В. 2019, Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова), *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 18—31, <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019518-31>
22. Нефедова, Т. Г., Аверкиева, К. В., Махрова, А. Г. (ред.). 2016, *Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*, М., Новый Хронограф.
23. Sheludkov, A., Starikova, A. 2021, Night-time light satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast), *Regional Science Policy and Practice*, vol. 44, № 4, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>

24. Meyfroidt, P., Schierhorn, F., Prishchepov, A., Müller, D., Kuemmerle, T. 2016, Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan, *Global Environmental Change*, vol. 37, p. 1—15, <https://doi.org/10.1016/j.GLOENVCHA.2016.01.003>

25. Medvedev, A. A. 2022, The Fields and Farms of Central Russia as Seen from Space, *Regional Research of Russia*, vol. 12, suppl. 1, p. S65—S73, <https://doi.org/10.1134/S2079970522700344>

26. Узун, В. Я., Шагайда, Н. И., Гатаулина, Е. А., Шишкина, Е. А. 2022, *Холдингизация агробизнеса России*, М., Издательский дом ДЕЛО. EDN: LRJRSF

27. Беляева, М. 2024. *Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине*, М., Common Place. Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 192 с.

28. Глезер, О. Б. 2016, Непрерывающаяся муниципальная реформа в России и новации 2014—2015 гг., *Россия 2016: Ежегодный доклад франко-российского аналитического центра Обсерво*, М., Обсерво, с. 373—386. EDN: WYTPJF

29. Трейвиш, А. И., Глезер, О. Б., Нефедова, Т. Г. 2021, Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы, *Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность*, М., Товарищество научных изданий КМК, с. 68—77.

30. Нефедова, Т. Г., Баскин, Л. М., Покровский, Н. Е. 2021, Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области), *Социологические исследования*, № 12, с. 124—134, <https://doi.org/10.31857/S013216250016852-0>

Об авторе

Нефедова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: trene12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6511-1938>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TRAJECTORIES AND PROBLEMS OF THE CURRENT SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA'S EUROPEAN NEAR NORTH REGIONS

T. G. Nefedova

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny Ln., Moscow, 119017, Russia

Received 23 May 2024

Accepted 25 July 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3

© Nefedova, T.G., 2024

This article employs a comprehensive economic and geographical approach to examine the extensive European segment of Russia that extends north of the Moscow region – the area commonly known as Blizhny Sever (Near North). New challenges require an improvement of Russia's spatial development strategy. The case of the region is used to illustrate the possibility of a multiscale approach to identifying socioeconomic contrasts within regions

To cite this article: Nefedova, T. G. 2024, Trajectories and problems of the current spatial development of Russia's European Near North regions, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 42—61. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3

and describing the interdependent development of their parts. The study analyses population change trends from 1990 to 2022 alongside the territory's migration patterns, employment trends and infrastructure development. The spatial approach is crucial in this context, owing to the natural variations within the macroregion, the suburban-peripheral contrasts and the growing role of the central cities. The study closely examines the eastern part of the macro-region, from Yaroslavl to Kirov. The compression of developed areas and the degradation of essential living conditions have been the most pronounced trends in the post-Soviet period, along with organisational and economic changes in key economic sectors. The study also explores how the impact of regional centres on surrounding areas changes with distance. It places emphasis on the shifting paradigm of agricultural land use under new institutional and economic conditions, the increasingly patchwork character of farming and the implications of the focus on animal husbandry. The work relies on analysing municipal-level statistical information and the extensive use of maps. Identifying both relatively successful and highly problematic areas within this vast macro-region can aid in devising new visions to enhance national and regional spatial development strategies.

Keywords:

spatial development, municipal area, centres, periphery, migration, employment, agriculture and forestry

References

1. Layzerovich, E. E. 2008, The course of population concentration in the central parts of the subjects of the Russian Federation after 1990, *The transformation of the Russian space: socio-economic and natural resource factors (multi-scale analysis)*, M., MARS, p. 173—181. EDN: TJWDOI
2. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2024, Spatial development strategy of Russia: update vectors, *Geographical Bulletin*, № 1, p. 15—26. EDN: IVYTNO
3. Pokrovsky, N. E., Nefedova, T. G. (eds.). 2016, *The Ecumene of the Near North of Russia*, M., University Book. EDN: ZUYFTB
4. Nefedova, T. G. 2019, Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia, *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 15, № 4, p. 36—56, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
5. Nefedova, T. G., Starikova, A. V. (eds.). 2021, Old-developed regions in the sociogeographic space of Russia: history and contemporaneity, M., Association of Scientific Publications of the KMK.
6. Druzhinin, P. V. 2022, The Resource Concentration in Moscow: Impact on the Economy of the Central Federal District, *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 18, № 3, p. 115—140, <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
7. Shvarts, E. A., Shmatkov, N. M., Karpachevsky, M. L., Baibar, A. S. 2022, Challenges and problems of reforming the forestry sector in Russia, *Izvestia Sankt-Peterburgskoj lesotekhnicheskoy akademii*, № 241, p. 157—172. EDN: SVWNKT
8. Mkrtchyan, N. V., Karachurnia, L. B. 2014, The Baltics and Russian North-West: the core and the periphery in the 2000s, *Baltic Region*, № 2, p. 48—62, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-2-4>
9. Tolstoguzov, O. V. 2022, Structural changes in the economy of the Russian north-west regions: institutional factor, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 56—74, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-4>
10. Nefedova, T. G., Treyvish, A. I. 2020, Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions, *Demographic Review*, vol. 7, № 2, p. 31—53, <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
11. Ioffe, G. V., Nefedova, T. G. 2001, Center and periphery in agriculture of Russian regions, *Problems of Forecasting*, № 6, p. 100—110. EDN: HRTOVB

12. Rumjancev, I. N., Smirnova, A. A., Tkachenko, A. A. 2019, Rural settlements “without population” as a geographical and statistical phenomenon, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Geografiya*, № 1, p. 29—27. EDN: YZNKWT
13. Tkachenko, A. A., Smirnov, I. P., Smirnova, A. A. 2019, Transformation of the rural settlement centers network in a municipal district of central Russia, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Geografiya*, № 2, p. 78—85.
14. Averkieva, K., Nefedova, T., Kondakova, T. 2021, Spatial socio-economic polarization in the central developed regions of Russia: the case of Yaroslavl Oblast, *Universe of Russia*, vol. 30, № 1, p. 49—66, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-49-66>
15. Popov, A. V., Solovyova, T. S., Korolenko, A. V., Gruzdeva, M. A. (eds.). 2024, *Cities and rural periphery of modern Russia: key trends and risks of employment transformation in the perspective of spatial development of territories*, Vologda, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
16. Nefedova, T. G., Treivish, A. I. 2019, Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 9, № 1, p. 1—11, <https://doi.org/10.1134/S2079970519010088>
17. Karachurina, L. B., Mkrtchan, N. V. 2016, Role of migration in enhancing contrasts of settlement pattern at municipal level in Russia, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 46—59, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
18. Mkrtchyan, N. V. 2019, Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*, vol. 3, № 1, p. 39—52, <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
19. Mkrtchyan, N. V. 2018, Regional capitals and their suburbs in Russia: net migration patterns, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 6, p. 26—38, <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
20. Averkieva, K. V. 2017, Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region, *Russian Peasant Studies*, vol. 2, № 4, p. 86—106, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2017-2-4-86-106>
21. Gunko, M. S., Pivovarov, G. A., Averkieva, K. V. 2019, Renewal of small cities in European Russia (case study of Borovichi, Vyksa, Rostov), *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 18—31, <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019518-31>
22. Nefedova, T. G., Averkieva, K. V., Makhrova, A. G. (eds.). 2016, *Between the home and... home. Return spatial mobility of population in Russian*, M., New Chronograph.
23. Sheludkov, A., Starikova, A. 2021, Night-time light satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast), *Regional Science Policy and Practice*, vol. 44, № 4, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>
24. Meyfroidt, P., Schierhorn, F., Prishchepov, A., Müller, D., Kuemmerle, T. 2016, Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan, *Global Environmental Change*, vol. 37, p. 1—15, <https://doi.org/10.1016/J.GLOENVCHA.2016.01.003>
25. Medvedev, A. A. 2022, The Fields and Farms of Central Russia as Seen from Space, *Regional Research of Russia*, vol. 12, suppl. 1, p. S65—S73, <https://doi.org/10.1134/S2079970522700344>
26. Uzun, V. Ya., Shagaida, N. I., Gataulina, E. A., Shishkina, E. A. 2022, *The holdingization of agribusiness in Russia*, M., Publishing House DELO. RANEP. EDN: LRJRSF
27. Belyaeva, M. 2024, *The chips are flying. How the logging industry is organized in the Vologda region*, M., Common Place, Khamovniki Social Research Support Fund. 192 p.
28. Glezer, O. B. 2016, The ongoing municipal reform in Russia and innovations 2014—2015, *Russia 2016: Annual report of the Franco-Russian analytical center Observo*, M., Observo, p. 373—386. EDN: WYTPJF
29. Treivish, A. I., Glezer, O. B., Nefedova, T. G. 2021, Old-developed areas in the waves of municipal reform, in: Nefedova, T. G., Starikova, A. V. (eds.), 2021, *Old-developed regions in the sociogeographic space of Russia: history and contemporaneity*, M., Association of Scientific Publications of the KMK, p. 68—77.
30. Nefedova, T., Baskin, L., Pokrovsky, N. 2021, Evolution of Socio-Economic Space in the Local Rural Areas in the Near North (case of the Manturovsky district of the Kostroma region), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, № 12, p. 124—134, <https://doi.org/10.31857/S013216250016852-0>

The author

Prof Tatyana G. Nefedova, Chief Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: trene12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6511-1938>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР В СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ

Р. А. Гресь^{1, 2}

Б. С. Жихаревич^{1, 3}

¹ Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук,
190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 36—38, лит. А

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

³ Международный центр социально-экономических
исследований «Леонтьевский центр»,
190005, Россия, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25, лит. А

Поступила в редакцию 29.05.2024 г.

Принята к публикации 31.08.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

© Гресь Р. А., Жихаревич Б. С., 2024

Методом количественного контент-анализа изучено содержание 63 стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, входящих в Российскую Балтику, с целью оценки степени проявленности в текстах «балтийского вектора» — сюжетов, обусловленных данным местоположением. Анализировались тексты стратегий, актуальных на февраль 2024 г. и разработанных в период 2010—2023 гг. На основе числа упоминаний 77 слов-маркеров рассчитаны индексы проявленности векторов (ИПВ). В формуле расчета ИПВ учитывалось абсолютное число упоминаний слов с корректировкой на значимость слов, которая определялась по частоте употребления и по месту в тексте стратегии. ИПВ рассчитаны для трех взаимосвязанных векторов: балтийского, европейского и глобального. Максимальные значения ИПВ зафиксированы в стратегии Калининградской области, что помимо объективных факторов обусловлено аномально большим объемом этой стратегии. Среди муниципальных образований лучшие показатели отмечаются у муниципальных образований Калининградской области (Калининград, Зеленоградский, Гусевский, Славский, Балтийский городские округа, Багратионовский муниципальный округ), а также у Пскова и Выборгского района Ленинградской области. Для Калининграда и Выборгского района проанализированы по две одновременных редакции стратегий, что позволило отметить изменения в объеме и характере рассмотрения балтийских сюжетов: стратегии становятся короче, балтийским сюжетам уделяется меньше внимания. Построена картосхема, иллюстрирующая разделение муниципальных стратегий на пять групп по каждому из векторов. Четко проявлена пространственная дифференция — среднее значение ИПВ по стратегиям ближнего круга Российской Балтики в 2,7 раза выше, чем по стратегиям внешнего круга.

Ключевые слова:

балтийский вектор, Балтийский регион, Российская Балтика, стратегия социально-экономического развития, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, контент-анализ

Введение

Балтийский вектор (как и любой другой вектор в развитии территории) может складываться относительно стихийно, а может формироваться под воздействием органов управления. Вопрос о соотношении объективных и субъективных фак-

Для цитирования: Гресь Р. А., Жихаревич Б. С. Балтийский вектор в стратегиях регионов и муниципалитетов Российской Балтики // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 62—85. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

торов, о сопряженности стратегического планирования, региональной политики и реального социально-экономического развития постоянно привлекает ученых. Можно назвать, например, исследования А. Г. Дружинина и О. В. Кузнецовой по теме воздействия «фактора моря» на региональную политику в Балтийском регионе [1; 2]. Авторы говорят об актуальности включения в Стратегию пространственного развития РФ на период до 2025 г. оценки возможностей формирования в приморских регионах форматов морехозяйственной активности [1, с. 14], тем самым проясняется вопрос о связанности планирования, управления и развития.

Предпосылкой нашего исследования стал данный вопрос в следующем преломлении: насколько фиксируемая территориально-хозяйственная специфика, обусловленная близостью к Балтийскому морю, является результатом целенаправленного воздействия на региональном и муниципальном уровнях управления? Существенна ли роль этих уровней или развитие идет в основном под влиянием решений бизнеса и федерального центра? Найти ответ на этот вопрос непросто, он распадается на множество частных вопросов. Лишь на один из них мы пытаемся ответить в статье: осознают ли региональные и муниципальные власти специфические возможности и ограничения, обусловленные близостью к Балтийскому морю, и отражаются ли эти аспекты в стратегиях социально-экономического развития субъектов федерации и муниципальных образований (далее — стратегии).

С учетом изложенного конкретная **цель исследования** формулируется так: выявить степень проявленности балтийского вектора в текстах стратегий регионов и муниципалитетов Российской Балтики. Под проявленностью балтийского вектора стратегии в данном исследовании понимается уровень отражения в тексте стратегии проблем и направлений развития, обусловленных расположением в Балтийском регионе. При этом проявленность балтийского вектора изучается в увязке с проявленностью европейского и глобального векторов.

Кроме этой основной цели имеется сопутствующая цель — апробировать дополнения в авторскую методику контент-анализа, позволяющие более адекватно оценивать отражение того или иного сюжета в стратегии.

В статье излагаются результаты решения следующих задач (этапов) исследования:

- 1) на основе изучения подходов к делимитации границ Балтийского региона зафиксировать список изучаемых российских объектов — субъектов РФ и муниципалитетов, входящих в Балтийский регион (или его часть);
- 2) определить временной период исследования и провести систематический поиск официальных текстов стратегий этих объектов, принятых в данный период;
- 3) модифицировать методику контент-анализа текста стратегий для получения количественных оценок степени проявленности балтийского, европейского и глобального векторов (а именно — сформировать список слов-маркеров, фиксировать схему их подсчета и метод формирования интегрального индекса проявленности);
- 4) проанализировать и оценить тексты, получив количественные характеристики проявленности указанных векторов;
- 5) изучить и описать особенности проявленности балтийского, европейского и глобального векторов в региональных и муниципальных стратегиях в зависимости от географического и иных факторов.

Наше исследование вписано в контекст смежных работ и опирается на их результаты. Существенными для исследования являются следующие аспекты: границы и сущность Балтийского региона [3, с. 18], приморское и приграничное положение как факторы развития регионов и муниципалитетов [1—2; 4—7]. Напрямую с нашим исследованием связаны темы изучения текстов стратегий, в том числе методом контент-анализа, и слабо разработанный вопрос об отражении локальной специфики в документах планирования [8].

Изучение документов планирования, прежде всего региональных стратегий, сформировалось как научное направление одновременно с появлением самих стратегий. Среди его пионеров следует назвать В.В. Климанова с соавторами [9], использовавшими структурно-содержательный анализ. Позднее появились работы, опиравшиеся на контент-анализ [8; 10—13]. Для Балтийского региона контент-анализ текстов региональных стратегий применялся С.В. Степановой в рамках изучения вопросов туристско-рекреационного освоения приграничных субъектов Северо-Запада РФ [14]. П.Л. Глухих рассматривал стратегии регионов СЗФО РФ с помощью качественного и количественного контент-анализа для определения соответствия региональных целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта федеральным [15].

Среди зарубежных научных работ, в которых контент-анализ применяется для изучения социально-экономического планирования в Балтийском регионе, можно назвать исследование Б. Марцишевска, направленное на изучение распространенности тематики государственно-частного партнерства для развития туризма в стратегических документах воеводств Северной Польши [16]. С. Ринкинен, Т. Ойкаринен и Х. Мелкас используют качественный контент-анализ для изучения региональных стратегий Финляндии на предмет учета в них тематики социального бизнеса как инновации и источника экономического роста [17]. Х. Ахвенниemi и А. Хуовила задаются вопросом о том, как темы «разумности» (умного города) и «устойчивости» (устойчивого города) реализуются в городских стратегиях Финляндии. Авторы изучили стратегии шести крупнейших городов Финляндии и пришли к выводу, что имплементация этих двух тем в городских стратегиях часто не совпадает, а соотносится скорее с темами экономической и социальной устойчивости [18].

Выбранный нами в данном исследовании метод изучения стратегий — контент-анализ — получил большое распространение среди представителей общественных и гуманитарных наук, в том числе среди географов и экономистов [19, с. 4; 20] по всему миру (например, в работах иранских ученых [21; 22]). В последние годы появилась обширная литература об ограничениях и возможностях контент-анализа как исследовательского инструмента в различных областях знания [23—26]. С. Баден и его коллеги предлагают переход на гибридный контент-анализ с возможностью автоматической классификации объектов под контролем исследователя [27]. Для проведения контент-анализа все чаще используется специализированное программное обеспечение, такое как CiteSpace [28], MAXQDA [21] или ATLAS.ti [29].

Материалы и методы

Для формирования массива изучаемых материалов необходимо было опереться на один из существующих подходов к определению состава стран и их территорий, входящих в Балтийский регион. обстоятельное системное рассмотрение этого вопроса сделано в статье [3]. При фиксации списка изучаемых субъектов РФ и муниципалитетов (будем для краткости называть их «балтийские объекты») было решено принять за основу определение Балтийского региона, обозначенное в данной статье как «Расширенное А (VASAB)» [3, с. 18]. Исходя из этого определения Российская часть Балтийского региона (называемая иногда «Российская Балтика») включает семь субъектов РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Мурманская области и Республика Карелия.

Из этого списка мы исключили Новгородскую область, оставив только шесть регионов, имеющих непосредственный выход к Балтийскому морю или граничащих с зарубежными странами Балтийского региона (это восемь стран: Дания, Швеция,

Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, и Германия). Сохраним в данной статье для этих шести регионов термин «Российская Балтика» (точнее было бы каждый раз использовать «Российская Балтика без Новгородской области»).

В итоге в состав изучаемых балтийских объектов вошли шесть субъектов федерации, все муниципальные образования (МО) Ленинградской и Калининградской областей и приграничные МО Псковской и Мурманской областей и Республики Карелия. В интересах дальнейших сопоставлений и выявления влияния пространственного фактора выделены ближний и внешний круги Российской Балтики:

- ближний круг объектов Российской Балтики — регионы с морской границей (Ленинградская и Калининградская области, Санкт-Петербург), все муниципальные районы и городские округа (ГО) Калининградской области и муниципальные районы и ГО Ленинградской области, примыкающие к морской или сухопутной границе России;

- внешний круг объектов Российской Балтики — регионы, имеющие только сухопутные границы с зарубежными странами Балтийского региона (Псковская, Мурманская области и Республика Карелия) и их приграничные муниципальные районы и ГО, а также муниципальные районы и ГО Ленинградской области, не примыкающие к российской границе.

Таким образом, полный список объектов Российской Балтики, для которых осуществлялся поиск стратегий, включал 70 объектов:

- 6 субъектов РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Псковская, Мурманская области и Республика Карелия;

- 18 МО Ленинградской области: 17 муниципальных районов (Бокситогорский, Волосовский, Волховский, Всеволожский, Выборгский, Гатчинский, Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский, Ломоносовский, Лужский, Подпорожский, Приозерский, Сланцевский, Тихвинский, Тосненский) и Сосновоборский городской округ;

- 22 МО в Калининградской области: 12 муниципальных округов (Багратионовский, Гвардейский, Гурьевский, Зеленоградский, Краснознаменский, Неманский¹, Нестеровский, Озёрский, Полесский, Правдинский, Славский, Черняховский) и 10 ГО (Балтийский, Гусевский, Ладушкинский, Мамоновский, Пионерский, Светлогорский, Светлогорский, Советский, Янтарный и ГО «Город Калининград»);

- 9 МО в Псковской области: город Псков, 3 муниципальных округа (Печорский, Пыталовский, Красногородский) и 5 районов (Гдовский, Плюсский, Псковский, Палкинский, Себежский);

- 4 МО в Мурманской области: 2 муниципальных округа (Печенгский, Ковдорский); 2 муниципальных района (Кандалакшский, Кольский);

- 11 МО в Республике Карелия: 10 муниципальных районов (Лоухский, Калевальский, Муезерский, Суоярвский, Сортавальский, Лахденпохский, Питкярантский, Олонецкий, Пряжинский, Прионежский) и Костомукшский ГО.

Поиск и сбор стратегий перечисленных объектов проведен в феврале 2024 г. с использованием Государственной автоматизированной информационной системы «Управление» (далее — ГАСУ) и сайтов МО². Предметом поиска были официальные стратегии социально-экономического развития, утвержденные соответствующими министерствами или департаментами экономического развития МО. Год разработки стратегии фиксировался на основе даты ее утверждения или принятия соответствующими органами власти.

¹ Курсивом выделены объекты, стратегии которых не обнаружены.

² В сборе и первичном контент-анализе принимали участие студенты НИУ «Высшая школа экономики» М. Р. Игнатьева и Т. И. Шубина, проходившие производственную практику в МЦСЭИ «Леонтьевский центр».

Поиск осложнялся рядом обстоятельств, характерных для сложившейся практики представления муниципальной информации: расхождение данных на сайтах МО и в ГАСУ; низкое качество сайтов малочисленных МО, отсутствие системы хранения предшествующих документов и редакций документов. Несмотря на это в итоге тщательной работы по подавляющему большинству объектов (64 из 70) были найдены актуальные стратегии. Не обнаружены стратегии, отвечающие критериям поиска, по 6 МО (3 в Калининградской области и 3 в Мурманской области). Специального изучения причин отсутствия стратегий у этих МО не проводилось.

Для анализа были выбраны в основном исходные редакции стратегий, без последующих корректировок.

Контент-анализ проводился по схеме, описанной в нашей работе [30] и включающей а) формирование списка слов-маркеров, релевантных изучаемой теме; б) фиксацию для каждого слова одного из трех вариантов подсчета его упоминаний (с учетом или без учета синонимов и форм); в) подсчет числа упоминаний. В данном исследовании методика была существенно дополнена: введены веса слов-маркеров, зависящие от места упоминания в тексте стратегии и редкости использования слов; определены относительные показатели (в расчете на 1000 слов текста).

Набор слов-маркеров сформирован с учетом основной цели — выявления уровня проявленности балтийского вектора, который понимается, напомним, как уровень отражения в тексте стратегии возможностей и ограничений развития, обусловленных вхождением в Балтийский регион. Близость к Балтийскому морю и балтийским странам служит предпосылкой для появления в планах развития таких сюжетов, как приграничное сотрудничество, решение общих с соседними странами проблем охраны среды, обмен опытом решения одинаковых проблем, обусловленных географической близостью. Приморское и приграничное положение дает и более глобальные возможности выхода через море и соседей на мировые рынки. Это четко сформулировано в статье: «Итак, главная функция Балтийского моря как основы Балтийского региона — возможность связи любого прибрежного государства или города с любым другим прибрежным государством или городом без пересечения транзитных территорий» [6, с. 148]. Поэтому балтийский вектор неразрывно связан с европейским и глобальным векторами, вложен в них. Соответственно, в список слов-маркеров включены не только названия стран, входящих в Балтийский регион, и их приморских областей, но и такие термины, как «глобализация», «евроинтеграция» и т. п.

Всего было отобрано 77 слов. Поиск слов-маркеров в текстах стратегий проводился полуавтоматическим способом на основе встроенных инструментов поиска Microsoft Word и Adobe Acrobat. Тексты просматривались дважды на предмет выявления синонимов и однокоренных слов-маркеров. Результаты фиксировались в формате табличных данных Excel.

По результатам выявленной встречаемости слов-маркеров во всем изучаемом массиве текстов оказалось, что из 77 встречается только 51 слово. Слова-маркеры внутри каждого вектора были распределены на три группы по степени значимости, для каждой группы назначен коэффициент значимости: высоко значимые (1,5), значимые (1) и менее значимые (0,5). Более значимыми признаны слова, которые встречаются реже и при этом более специфичны. Высоко значимыми было решено считать слова, которые встречаются менее чем в 10 % стратегий, их оказалось 24; значимыми признаны слова, которые встречаются в 10—20 % стратегий выборки (их 13). Менее значимы распространенные слова, встречающиеся более чем в 20 % стратегий (их 14, это такие слова, как «Балтика», «Балтийское море», «Европа / европейский», «иностраннный / зарубежный»). Для целей дифференции стратегий по проявленности векторов их значение ниже, чем у редко встречающихся (табл. 1).

Таблица 1

**Перечень слов-маркеров с распределением по векторам,
значимости и варианту подсчета**

Вариант подсчета	Слова-маркеры
<i>Балтийский вектор (47 слов-маркеров)</i>	
Все формы	Балтика (0,5), Прибалтика (0,5), Ганза (1,5), Дания (1,5), Швеция (0,5), Финляндия (0,5), Эстония (0,5), Латвия (1), Литва (0,5), Польша (0,5), Германия (0,5), Гамбург (1,5), <i>Висмар</i> , Росток (1,5), <i>Любек</i> , <i>Киль</i> , <i>Щецин</i> , Гданьск (1), Гдыня (1,5), Клайпеда (1,5), Вентспилс (1,5), Рига (1), <i>Висби</i> , <i>Палдиски</i> , Таллин (1), <i>Хамина-Котка</i> , Хельсинки (1), <i>Турку</i> , <i>Наантали</i> , <i>Мариехамн</i> , <i>Капеллскер</i> , Стокгольм (1,5), <i>Нюнесхамн</i> , <i>Мальме</i> , Копенгаген (1,5)
Единственная форма	Балтийский регион (1), Балтийский макрорегион (1), Балтийское море (0,5), Финский залив (1), Фенноскандия (1,5), <i>Балтийское Поморье</i> , <i>Vision and Strategies Around the Baltic Sea (VASAB)/Модели и стратегии вокруг Балтийского моря</i> , Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития в регионе Балтийского моря (ИНТЕРРЕГ / Intereg) (1,5), <i>Союз балтийских городов (СБГ)</i> , Совет государств Балтийского моря (СГБМ) (1,5), « <i>Балтийское море</i> » — <i>Baltic Sea project (BSP)</i>
С синонимами	Приграничное сотрудничество (0,5)
<i>Европейский вектор (13 слов-маркеров)</i>	
Все формы	Европа/европейский (0,5)
Единственная форма	Европейская комиссия (1,5), Европейский союз (ЕС) (0,5), <i>Совет Европы</i> , <i>Европейский парламент (Европарламент)</i> , Северное измерение (СИ) (1,5), Организация Североатлантического договора (НАТО) (1,5), <i>Программа технического содействия Европейского союза странам СНГ и Монголии (ТАСИС)</i>
С синонимами	<i>Брюссель</i> , Еврорегион (1), <i>Шенгенская зона</i> , Зона евро (еврозона) (1,5), <i>Евроинтеграция</i>
<i>Глобальный вектор (17 слов-маркеров)</i>	
Все формы	Иностранный / зарубежный (0,5), глобализация (0,5), глобальный рынок (1,5), мировая торговля (1), мировой финансовый рынок (1,5)
Единственная форма	<i>Вестернизация</i> , развитие / развивающиеся страны (1), Всемирная торговая организация (ВТО) (1), Всемирный банк (1,5), <i>Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)</i> , Всемирное наследие (ЮНЕСКО) (1), Международный валютный фонд (МВФ) (1,5), БРИКС (1,5), ООН (1,5)
С синонимами	Транснациональные компании / ТНК (1,5), трансграничное сотрудничество (1,5), <i>G20</i>

Примечание: курсивом выделены слова, не встретившиеся в изученных текстах; в скобках указан коэффициент значимости слова; особенности вариантов подсчета пояснены в [30, с. 42].

Подсчет встречаемости проводился как по всему тексту стратегии, так и в отдельности по основным типовым разделам, которых было выделено пять (анализ социально-экономического развития (текущее состояние); цели и задачи, стратегические приоритеты; ожидаемые результаты, целевые индикаторы; мероприятия, проекты, инициативы (механизмы реализации); внешние и межрегиональные связи). Фактически стратегии сильно различаются по структуре, поэтому соотнесение фрагментов текста с типовым разделом было нечетким.

Для слов, которые встречались вне раздела «Анализ», содержащего анализ социально-экономического развития (описание текущего состояния), введен повышающий коэффициент — 1,25. То есть упоминание слов-маркеров в разделах, касающихся приоритетов, целей, задач, проектов, целевых индикаторов, признано более значимым, чем при констатации текущей ситуации и географического положения.

Для оценки проявленности вектора в отдельной стратегии рассчитывался *Индикатор проявленности вектора (ИПВ)* как взвешенная сумма числа упоминаний слов-маркеров. Формула расчета:

$$\text{ИПВ} = (1,5 \cdot N_{\text{вза}} + N_{\text{за}} + 0,5 \cdot N_{\text{мза}}) + 1,25 \cdot (1,5 \cdot N_{\text{вз}} + N_{\text{з}} + 0,5 \cdot N_{\text{мз}}),$$

где $N_{\text{вза}}$ — число упоминаний высоко значимых слов в разделе «Анализ»;

$N_{\text{за}}$ — число упоминаний значимых слов в разделе «Анализ»;

$N_{\text{мза}}$ — число упоминаний менее значимых слов в разделе «Анализ»;

$N_{\text{вз}}$ — число упоминаний высоко значимых слов во всех разделах, кроме раздела «Анализ»;

$N_{\text{з}}$ — число упоминаний значимых слов во всех разделах, кроме раздела «Анализ»;

$N_{\text{мз}}$ — число упоминаний менее значимых слов во всех разделах, кроме раздела «Анализ».

Значимость упоминаний слов-маркеров зависит и от объема текста. Поэтому кроме абсолютного числа упоминаний слов-маркеров в случаях, когда сравниваются тексты, существенно различающиеся по объему, полезно использовать и относительное (в расчете на 1000 слов текста) число упоминаний. Соответственно, будем называть *абсолютным ИПВ* ИПВ, рассчитанный по приведенной формуле, а *относительным ИПВ* значение абсолютного ИПВ, деленное на число слов в тексте и умноженное на 1000.

В дальнейшем анализе использовались в основном абсолютные ИПВ, поэтому, если не оговорено особо, далее под ИПВ понимается абсолютный ИПВ. Случаи, где именно объем текста мог серьезно повлиять на оценку проявленности векторов при использовании абсолютного ИПВ, рассмотрены отдельно.

Результаты и обсуждение

Массив текстов

По изложенной методике были рассчитаны абсолютные и относительные ИПВ для 63 (6 региональных и 57 муниципальных стратегий) из найденных в феврале 2024 г. 64 стратегий балтийских объектов¹.

Большинство изученных стратегий было принято в пятилетний период 2017—2021 гг., 5 — до 2017 г. и 6 — после 2021 г.

Стратегии существенно различаются по объему. Среди субъектов РФ самая про странная стратегия — у Калининградской области — 111 720 слов, а самая краткая — у Ленинградской области — 13 638 (разрыв в 8 раз). У остальных регионов разброс существенно меньше: Республика Карелия — 54 767, Псковская область — 46 573, Санкт-Петербург — 44 256, Мурманская область — 31 493.

Среди муниципальных образований разброс еще выше (в 11 раз), причем и самая объемная (стратегия Пскова — 83 653 слова), и самая краткая стратегия (стратегия Красногородского района — 7391 слово) встретились в одном регионе — Псковской области (табл. 2). Средний размер муниципальной стратегии меняется

¹ По техническим причинам не был обработан текст стратегии Себежского района Псковской области.

от региона к региону: краткость предпочитают в Калининградской и Псковской областях, подробнее стратегии в Ленинградской области и в Республике Карелия. Корреляции между объемом региональной стратегии и средним объемом муниципальной стратегии региона нет.

Таблица 2

**Дифференциация объема текста 57 стратегий
балтийских муниципальных образований**

Регион	Число стратегий, ед.	Объем текста, слов		
		Средний	Максимальный	Минимальный
Мурманская область	1	15 235	15 235	15 235
Калининградская область	19	19 544	38 724	9917
Псковская область	8	27 252	83 653	7391
Ленинградская область	18	36 833	59 984	10 538
Республика Карелия	11	41 651	79 500	18 379

Выявившийся разброс стратегий по объему текста стал поводом для проверки гипотезы о существенном влиянии объема на значения абсолютных ИПВ. Коэффициент корреляции Пирсона между значениями ИПВ (в баллах) и объемом текста (число слов) для выборки муниципальных стратегий варьируется в пределах от 0,20 (для ИПВ по европейскому вектору) до 0,28 (для суммарного ИПВ), что свидетельствует о слабой связи между объемом стратегий и полученными значениями ИПВ. Дополнительно был рассчитан коэффициент детерминации для той же выборки по значениям суммарного ИПВ и объема стратегий. Значение R^2 равняется 0,07, то есть объем стратегий для значений ИПВ не является объясняющей характеристикой. В дальнейшем анализе используются и абсолютные, и относительные ИПВ.

Стратегии субъектов Российской Федерации

Рассмотрим результаты расчетов ИПВ для субъектов РФ. Абсолютным лидером по проявленности балтийской, европейской и глобальной тематики в стратегии социально-экономического развития является Калининградская область (табл. 3). Сумма ИПВ трех векторов в стратегии Калининградской области более чем в 6 раз превышает аналогичный показатель следующей за ней стратегии Санкт-Петербурга и более чем в 80 раз показатель Ленинградской области.

Таблица 3

**Проявленность балтийского, европейского и глобального векторов
в стратегиях регионов Российской Балтики**

Субъект РФ	Доля встречающихся слов-маркеров, % от всех слов-маркеров	ИПВ, баллов			Сумма ИПВ	ИПВ относительный, баллов на 1000 слов стратегии			ИПВ относительный по сумме ИПВ
		Балтийского	Европейского	Глобального		Балтийского	Европейского	Глобального	
Калининградская область	53	254,8	125,1	186,4	566,3	2,27	1,12	1,66	5,06
Санкт-Петербург	29	34,9	15,1	43,0	93,0	0,79	0,34	0,97	2,10
Псковская область	12	23,6	0,5	22,1	46,3	0,51	0,01	0,48	0,99
Мурманская область	10	1,0	10,0	12,9	23,9	0,03	0,32	0,41	0,76
Республика Карелия	10	16,9	1,9	3,9	22,6	0,31	0,03	0,07	0,41

Окончание табл. 3

Субъект РФ	Доля встречающихся слов-маркеров, % от всех слов-маркеров	ИПВ, баллов			Сумма ИПВ	ИПВ относительный, баллов на 1000 слов стратегии			ИПВ относительный по сумме ИПВ
		Балтийского	Европейского	Глобального		Балтийского	Европейского	Глобального	
Ленинградская область	9	3,5	1,0	2,5	7,0	0,25	0,07	0,18	0,51
Разница между максимальным и минимальным значениями, баллов		251,3	124,1	183,9	559,3	2,24	1,11	1,59	4,65
Разница между максимальным и минимальным значениями (без Калининградской области), баллов		31,4	14,1	40,5	86	0,76	0,33	0,90	1,69

Наибольшая разница между максимальным и минимальным значениями ИПВ обнаруживается по балтийскому вектору, если учитывать Калининградскую область; без нее наибольшая разница фиксируется по ИПВ глобального вектора.

Заметим, что на уровне субъектов РФ выявляется ожидаемая закономерность — проявленность балтийского вектора у двух из трех стратегий ближнего круга балтийских объектов выше, чем у трех стратегий внешнего круга. Аномалией стала стратегия Ленинградской области.

Лидер по значению суммарного абсолютного ИПВ — стратегия Калининградской области — продемонстрировала аналогичный результат и по относительным ИПВ, опередив другие стратегии по каждому из трех векторов и суммарно (табл. 3). Самая краткая в выборке стратегия Ленинградской области по относительному ИПВ показала значения лучше, чем стратегия Республики Карелия, однако уступает Мурманской области как по европейскому и глобальному векторам, так и суммарно. В целом ранжирование региональных стратегий по значениям абсолютного и относительного ИПВ практически полностью совпадает.

Авторы не переоценивают гносеологическую ценность проведенных количественных сопоставлений. Однако как минимум подобный анализ позволяет выявить наиболее интересные кейсы для описания лучшей практики и для изучения причин контринтуитивных результатов.

Рассмотрим два крайних примера среди изученных областных стратегий: ожидаемо лидирующую (но на удивление с огромным отрывом) стратегию Калининградской области и неожиданно отстающую стратегию Ленинградской области.

Для интерпретации результатов нужно напомнить, что мы изучаем не регионы и муниципалитеты, а тексты их стратегий. Эти тексты формируются под воздействием нескольких факторов: а) объективная ситуация; б) степень ее осознания авторами текста; в) готовность и умение разработчиков и заказчика адекватно выразить эту ситуацию в тексте; г) общеполитический контекст и федеральные нарративы периода утверждения стратегии.

В **Калининградской области** изучался документ «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу», принятый Постановлением Правительства Калининградской области № 583 от 2 августа 2012 г.¹ Это второй по возрасту документ в выборке (старше только стратегия

¹ Постановление Правительства Калининградской области № 583 от 02.08.2012 г., *Правительство Калининградской области*, URL: <https://gov39.ru/working/ekonomy/strategy/> (дата обращения: 21.05.2024).

Багратионовского района — 2010 г.). Изменения в него вносились в 2019 и 2022 гг., но касались в основном технических моментов — обновлялись целевые показатели, добавлялись и уточнялись названия официальных документов.

Объективная специфика региона повлияла на структуру стратегии. Выделен пространственный раздел, освещающий вопросы международного и межрегионального сотрудничества с упоминанием балтийских регионов-партнеров, балтийских организаций сотрудничества. Имеется огромный раздел про экспорт (фактически отдельная экспортная стратегия, интегрированная в стратегию как раздел «Стратегия по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности» Постановлением Правительства Калининградской области от 13.04.2022 г.). Подробно излагается вся постсоветская история региона в увязке с российским и международным контекстом в разбивке по этапам (1990-е гг., 2005—2008 гг., 2008—2010 гг.), анализируются документы ЕС, в том числе программа «Европа-2020». Основательность проработки этих сюжетов и текста в целом была заложена в предыдущих стратегиях, создаваемых с привлечением консультантов за счет международных грантов и опорой на мощный местный научный потенциал. Одна из предшествующих стратегий, принятая в 2003 г., отсылала к международному сотрудничеству уже в названии — «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года» [31].

Стратегия Калининградской области самая объемная в выборке — в ней 111 720 слов, поэтому и абсолютное число упоминаний слов-маркеров велико — 832. Среди лидеров слова «иностранный / зарубежный» (186 упоминаний), «Европа / европейский» (110), «Литва» (78), «Польша» (57), «Балтика» (50), «Германия» (50), «Балтийское море» (46), ВТО (46).

Таким образом, помимо очевидных объективных факторов на проявленность балтийской, европейской и глобальной тематики в стратегии Калининградской области повлияли ее объем и научный стиль, обусловленные возможностью привлечения высококвалифицированных ученых и обилием научно-аналитических материалов, посвященных этой уникальной области.

Обратная ситуация наблюдается в **Ленинградской области**. «Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» была первоначально утверждена областным законом 8 августа 2016 г. и изменена 3 декабря 2019 г.¹. Эта стратегия радикально отличается от стандартных региональных стратегий прежде всего минимализмом — в ней 13 638 слов (55 страниц) — в 8 раз меньше, чем в стратегии Калининградской области, и в 4 раза меньше, чем в стандартных стратегиях, где обычно около 200 страниц. При этом семь страниц оформлены как приложения, то есть собственно стратегия занимает 48 страниц. Если теме экспорта в стратегии Калининградской области отведено 54 страницы, то в стратегии Ленинградской области — чуть больше одной страницы. Краткая экономико-географическая справка выделена в приложение и занимает две страницы.

Понято, что при такой лаконичности трудно ожидать наличия большого числа слов-маркеров: их всего 12, из них по два раза встречаются слова «Балтика», «Финляндия», «Эстония», «ЕС», «иностранный / зарубежный».

В таком коротком тексте вырастает значимость каждой фразы. Знаменательно, что среди шести факторов, названных важными для развития Ленинградской области, четыре связаны с изучаемыми векторами:

- 1) приграничное положение (граница с двумя странами ЕС);

¹ Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г., *Комитет экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области*, URL: <https://econ.lenobl.ru/ru/budget/planning/concept2030/> (дата обращения: 20.05.2024).

2) выгодное приморское положение (берег Балтийского моря), наличие крупных действующих и строящихся морских портов;

3) транспортный узел, расположенный в створе панъевропейского транспортно-го коридора и международного транспортного коридора «Север — Юг»;

4) мультимодальность перевозок: пересечение морских, речных, железнодорожных, автомобильных, воздушных, трубопроводных и телекоммуникационных трасс).

В данном случае это могло бы быть основанием для отнесения стратегии Ленинградской области в группу стратегий с высокой проявленностью балтийского, европейского и глобального векторов.

Рассмотренные примеры показывают ограниченность формального метода подсчета слов-маркеров, но и подтверждают его возможность выявлять важные ситуации для углубленного исследования.

Муниципальные стратегии

Обратимся теперь к муниципальным стратегиям, их группировка по пяти уровням проявленности векторов отображена на рисунке. Для балтийского и глобального векторов диапазон вариации значений ИПВ примерно совпадет и граничные значения шкалы совпадают. Для европейского вектора шкала отличается.

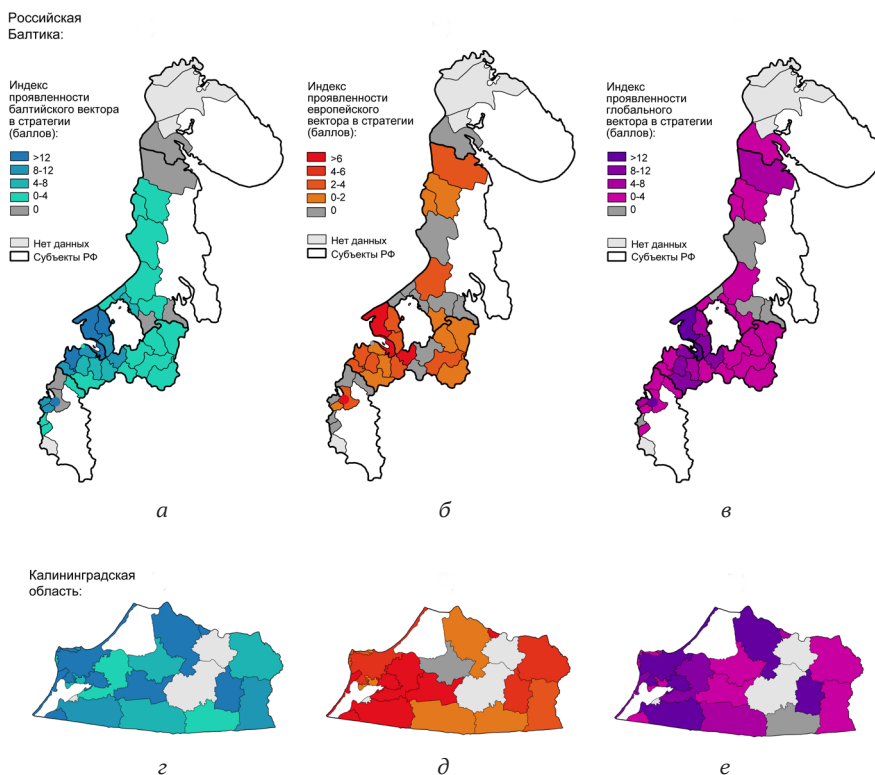

Рис. Проявленность балтийского (а), европейского (б) и глобального (в) векторов в стратегиях муниципальных образований Российской Балтики без Калининградской области; муниципальных образований Калининградской области (г—е)

Примечание. На картосхеме отображены только включенные в исследование муниципальные образования и регионы. Для пар картосхем а—г, б—д, в—е применяются одинаковые условные обозначения.

Значения суммарного ИПВ оказались крайне дифференцированы и находятся в диапазоне от 0 баллов у Прионежского муниципального района до 98,3 балла у Пскова. При этом 26 муниципальных стратегий (46 % от всех изученных) имеют сумму ИПВ трех векторов меньше 10.

Аналогичная дифференциация наблюдается и по каждому из векторов. По балтийскому вектору значения ИПВ изменяются от 0 до 69,6, по европейскому — от 0 до 23,4, по глобальному — от 0 до 20.

Отдельного внимания заслуживают нулевые значения ИПВ. Глобальный вектор не проявился в стратегиях 6 МО, 4 из них в Республике Карелия, по 1 — в Псковской и Калининградской областях. По балтийскому вектору также 6 стратегий показали нулевой ИПВ — все МО с такими стратегиями относятся к внешнему кругу Российской Балтики. Европейский вектор не проявился в стратегиях 16 МО: в Псковской области это пять стратегий из восьми изученных, в Карелии — шесть из одиннадцати. Ноль баллов по суммарному ИПВ получила одна стратегия Прионежского района Республики Карелия.

В определенной степени такая ситуация имеет объективные предпосылки — многие районы Карелии и Псковской области периферийны, слабо связаны с внешним миром. Не исключено, что сказался и субъективный фактор недостаточной квалификации разработчиков — муниципальные бюджеты псковских районов вряд ли позволяют нанять профессиональных консультантов. Детальное изучение выявленного феномена может стать предметом отдельного исследования.

Географические закономерности обнаруживаются полноценно только по проявленности балтийского вектора: значения ИПВ убывают в направлении севера, востока и юга относительно побережья Финского залива (рис., а). Среди лидеров Выборгский район, Санкт-Петербург, Кингисеппский район. Значения ИПВ муниципалитетов Ленинградской области в среднем больше, чем в Псковской области, Республике Карелия и Мурманской области.

Однако есть и исключения. Стратегия Пскова по значению ИПВ балтийского вектора заняла второе место во всей выборке стратегий. В Псковской области значения ИПВ для стратегий Печорского и Палкинского районов выше, чем для стратегий севернее расположенных Гдовского, Псковского и Плюсского районов.

Муниципальные образования Калининградской области в целом продемонстрировали высокий уровень проявленности балтийского вектора в стратегиях. Лидерами являются Калининград и Зеленоградский городской округ.

По проявленности европейского и глобального векторов аналогичные географические закономерности выражены меньше: значения ИПВ с увеличением расстояния от берега Балтийского моря последовательно не уменьшаются. Так, например, в Ленинградской области по проявленности европейского вектора в стратегии одним из лидеров оказался Кировский район, а в Республике Карелия — самый северный Лоухский район, а также Суоярвский район (рис., б). Если в последнем случае можно объяснить результат фактором приграничности или «эффектом соседства», то в случае Ленинградской области эти же факторы не имеют объяснительной силы.

В Калининградской области распределение результатов по значениям ИПВ для европейского и глобального векторов вновь неоднородно, закономерности по типу «запад — восток», «север — юг» и «центр — периферия» не выражены (рис., в, г). Отсутствие таковых явных географических закономерностей может быть объяснено комплексом непространственных факторов, таких как специфика консультантов, привлекавшихся к разработке, и политическая культура местных сообществ.

Четко выражена только ожидаемая дифференциация между ближним и внешним кругом балтийских объектов: балтийский и европейский векторы в стратегиях ближнего круга проявлены в 2,7 раза сильнее, чем в стратегиях внешнего круга (табл. 4). Логично и то, что дифференциация по проявленности глобального вектора несколько ниже (в 1,9 раза).

Таблица 4

**Проявленность балтийского, европейского и глобального векторов
в муниципальных стратегиях ближнего и внешнего кругов Российской Балтики**

Круг балтийских объектов	Количество стратегий, ед.	Среднее значение ИПВ, баллов			
		Балтийский вектор	Европейский вектор	Глобальный вектор	Сумма ИПВ
Ближний	24	14,79	4,78	6,56	26,13
Внешний	33	5,48	1,73	3,52	10,73
Разница между средними значениями ИПВ, раз		2,70	2,76	1,86	2,43

Посмотрим на стратегии муниципальных образований с наибольшими значениями ИПВ (табл. 5) Максимальные значения ИПВ получены по балтийскому вектору, что объясняется, с одной стороны, методикой исследования (по балтийскому вектору рассматривалось больше слов-маркеров), с другой — объективной значимостью тематики для изучаемых муниципалитетов и регионов. Таким образом, вес значений ИПВ по балтийскому вектору доминирует в суммарной оценке, однако результаты ранжирований по ИПВ балтийского вектора и сумме ИПВ отличаются.

Таблица 5

**Лидеры по значению ИПВ балтийского, европейского и глобального векторов
в стратегиях муниципальных образований Российской Балтики**

Балтийский вектор			Европейский вектор			Глобальный вектор			Суммарно		
МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный
Псков			Калинин- град			Баграти- оновский МО			Псков		
	69,6	0,83		23,4	1,35		20,0	0,91		98,3	1,17
Выборг- ский район			Псков			Калинин- град			Выборг- ский район		
	54,6	0,98		15,8	0,19		17,8	1,03		77,4	1,39
Калинин- град			Баграти- оновский МО			Славский ГО			Калинин- град		
	35,9	2,08		9,9	0,45		14,8	0,86		77,0	4,46
Зелено- градский ГО			Балтий- ский ГО			Выборг- ский район			Зелено- градский ГО		
	31,5	1,97		9,8	0,25		13,5	0,24		50,4	3,15
Кингис- сеппский район			Кировский МР			Зелено- градский ГО			Балтий- ский ГО		
	29,5	1,43		9,5	0,17		13,3	0,83		46,0	1,19

Окончание табл. 5

Балтийский вектор			Европейский вектор			Глобальный вектор			Суммарно		
МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный
Балтий- ский ГО	27,9	0,72	Выборг- ский район	9,3	0,17	Псков	12,9	0,15	Баграти- оновский МО	39,1	1,79
Гусевский ГО	21,0	0,93	Гвардей- ский ГО	7,0	0,40	Гусевский ГО	12,5	0,55	Гусевский ГО	37,8	1,67
Прио- зерский район	18,4	0,33	Мамонов- ский ГО	6,9	0,29	Кировский район	12,0	0,21	Кинги- сеппский район	35,5	1,72
Светлогор- ский ГО	16,9	0,51	Советский ГО	6,1	0,29	Лужский район	10,9	0,23	Кировский район	32,5	0,58
Советский ГО	16,8	0,79	Гурьев- ский ГО	6,1	0,37	Всево- ложский район	10,0	0,17	Славский ГО	29,4	1,71

Для муниципальных стратегий (в отличие от региональных) переход от анализа абсолютного ИПВ к относительному вносит заметные коррективы в результаты. Стратегия Калининграда, занимающая третью позицию по суммарному абсолютному ИПВ, по относительному ИПВ оказывается на первом месте с большим отрывом от остальных стратегий. Стратегия Пскова, получившая первое место по абсолютному ИПВ балтийского вектора, опускается на восьмое. Стратегия Краснознаменского ГО по абсолютному ИПВ европейского вектора не входит десятку лидеров, а по относительному ИПВ оказывается третьей. Однако обобщенные результаты ранжирования схожи: перечни десяти лидеров по значениям абсолютного и относительного ИПВ для балтийского и европейского векторов совпадают на 70 %, для глобального — на 50 %, для суммарного — на 80 %.

Если наличие в тройке лидеров Калининграда и Выборгского района не удивительно, то высокое место Пскова на первый взгляд неожиданно. Посмотрим на стратегии этих МО внимательнее.

Балтийская ориентация **Пскова** на самом деле естественна. Она обусловлена его положением и четко отрефлексирована на сайте города: в исторической справке отмечено, что «освоению края способствовала соединенность речной системы Чудского озера с Варяжским (Балтийским) морем»¹. Стратегия Пскова — одна из самых недавних и пространных. Документ, называющийся «Стратегия развития города Пскова до 2030 года», утвержден Решением Псковской городской думы 25 декабря 2020 г.² и содержит 83 653 слова (около 300 страниц). В структуре документа гипертрофировано выделяется раздел анализа, ему отведено две трети объема — 200 страниц. На высокие значения ИПВ (98,3) повлияло частое употребление таких слов, как иностранный (21), Европа / европейский (19), приграничное (18), Ганза /

¹ История, Муниципальное образование «Город Псков», URL: <https://pskov.gosuslugi.ru/omunitsipalnom-obrazovanii/istoriya/> (дата обращения: 21.05.2024).

² Решение Псковской городской Думы от 25.12.2020 г. № 1411 «Об утверждении Стратегии развития города Пскова до 2030 года», Портал Администрации г. Пскова, URL: <http://kser.pskovadmin.ru/strategia> (дата обращения: 22.05.2024).

Ганзейский (13), Эстония (10), Латвия (8), ЕС (8). Всего 122 упоминания, и если бы не был введен понижающий коэффициент для слов, встречающихся в разделе анализа, лидирование стратегии Пскова было бы еще большим.

Значительная часть слов-маркеров встречается в контексте развития туризма, которому в Пскове уделено большое внимание. Традиционно Псков участвовал в международных программах сотрудничества, для этого в 2018 г. был создан Комитет по реализации программ приграничного сотрудничества и туризму, в котором выделен отдел по реализации программ приграничного сотрудничества. В 2020 г. действовало не менее десяти проектов в рамках шести двусторонних и многосторонних программ приграничного и трансграничного сотрудничества. В целевых разделах стратегии слов-маркеров существенно меньше, в основном они сконцентрированы в специальном разделе, посвященном развитию и укреплению приграничного и трансграничного сотрудничества. Таким образом, высокие значения ИПВ стратегии Пскова обусловлены как объективными факторами приграничного положения и использования его для реализации программ сотрудничества, так и повышенным объемом текста стратегии.

Исторически и географически **Выборгский район Ленинградской области**, бывший некогда частью Финляндии и имеющий протяженную морскую границу, максимально предрасположен к проявлению балтийского вектора в развитии. Это проявляется в его стратегии. Изученная «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области на период до 2025 года» хранится на сайте района в виде проекта, подготовленного компанией Энко¹. Можно предположить, что в таком виде она и была принята в декабре 2015 г. В тексте обнаружено 111 слов-маркеров (суммарный ИПВ — 76,8). Чаше других упоминаются слова «Финляндия» (25), «Финский залив» (19), «иностранный / зарубежный» (16), ЕС (13), «Хельсинки» (9).

Текст стратегии занимает почти 200 страниц (55 496 слов), часть текста (30 страниц) оформлена как приложения. Документ подготовлен профессиональными географами и проектировщиками. Соответственно, имеется обстоятельный раздел с описанием и анализом текущей ситуации и адекватной оценкой особенностей географического положения. Отмечено приграничное положение с ЕС, наличие выхода к морю и трех портов, значение Сайменского канала. В числе важных факторов развития указано выгодное транспортно-географическое положение, обусловившее прохождение через территорию района международных транспортных коридоров («Панъевропейский транспортный коридор №9», «Евроазиатский международный транспортный коридор «Север — Юг», «Евроазиатский международный транспортный коридор «Транссиб»). Усиление транспортно-логистической функции признано важным направлением развития.

Эти же сюжеты сохранились и в «Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области на период до 2035 года», принятой 21 мая 2024 г.². Эта стратегия концептуально сохраняет преемственность со стратегией 2015 г., но стала в 4 раза короче (56 страниц). Балтийская ориентация проявляется уже в первом разделе, где отмечается наличие международных пунктов пропуска. Указывается на портовый комплекс в Примор-

¹ Решение Совета депутатов муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области № 75 от 23.11.2010 г., *Официальный портал муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области*, URL: <https://vbglenobl.ru/ekonomika/kontseptsiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 27.05.2024).

² Решение Совета депутатов муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области № 272 от 21.05.2024 г., URL: <https://vbglenobl.ru/sites/default/files/doc/272.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

ске, который стал самым крупным специализированным портом по экспорту нефти и нефтепродуктов в России, и морские СПГ-терминалов в Высоцке и бухте Портовой. В порту Высоцк завершается строительство терминала для перевалки зерновых грузов, получателями которых могут стать страны Северо-Западной и Западной Африки. Буквально повторен абзац из предыдущей стратегии с перечислением международных транспортных коридоров.

Сокращение объема текста и коренное изменение геополитической ситуации сказалось на том, что слова-маркеры встречаются гораздо реже и в ином контексте. Производные от слова «Европа» упоминаются лишь трижды при характеристике Выборга в качестве памятника средневековой *европейской* архитектуры и в названии кинофестиваля «Окно в Европу». Аналогично только три раза встречаются слова, производные от слова «Финляндия», из них дважды речь идет железнодорожных пунктах — Финляндском вокзале и станции Санкт-Петербург — Финляндский. Финский залив встречается три раза. Дважды упоминается Балтийское море, всего производных от слова «Балтика» десять. «ЕС» встречается однажды при оценке слабых сторон географического положения — «Прекращение приграничного сотрудничества со странами ЕС». Приграничность сохранилась в характеристике одного из трех ключевых стратегических направлений: «МО «Выборгский район» — стратегическая приграничная территория с развитым транспортно-логистическим комплексом и конкурентоспособной экономикой на основе использования прогрессивных технологий в промышленности и сельском хозяйстве». Любопытно, что в стратегии 2015 г. эта фраза не включала вторую часть про конкурентоспособную экономику.

Содержательное изучение обеих стратегий Выборгского района позволяет утверждать, что балтийский вектор в них отражен адекватно, что при формальном подсчете слов-маркеров в стратегии 2024 г. проявилось бы недостаточно.

Калининград одним из первых в России начал осваивать стратегическое планирование — первая стратегия появилась почти сразу вслед за Стратегическим планом Санкт-Петербурга (1997) и была очень на него похожа. Действующая Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 года» утверждена в 2013 г., изменения в отдельные разделы вносились ежегодно с 2016 по 2020 г., а в октябре 2023 г. текст был заменен целиком¹.

Количественный анализ проводился для первоначальной редакции 2013 г. Стратегия относительно краткая — 17 261 слово, 81 страница. Тем не менее по абсолютному числу упоминаемых слов-маркеров (123) этот текст опережает существенно более объемные стратегии Пскова (122) и Выборгского района (111). Однако с учетом взвешивания, применяемого в формуле расчета абсолютного ИПВ, стратегия Калининграда занимает третье место по сумме ИПВ, будучи при этом на первом месте по ИПВ европейского вектора, на втором по ИПВ глобального вектора и третьем по ИПВ балтийского вектора. Переход к относительным ИПВ выводит стратегию Калининграда на первые места по всем параметрам (см. табл. 5). Чаще всего встречались слова «Европа / европейский» (35), «Балтика» (18), «иностран- ный / зарубежный» (15), «Германия» (10), «Польша» (8), «Балтийский макрореги- он» (7), «ЕС» (7), «ВТО» (5).

Один из сценариев развития города носит название «Коммуникационный (рисковый)». В его основе лежит идея превратить Калининград в международный ярмарочно-выставочный, экспозиционный центр Балтийского макрорегиона,

¹ Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 г., Администрация ГО «Город Калининград», URL: <https://www.klgd.ru/activity/economy/planirovaniye/strategy/> (дата обращения: 20.05.2024).

центр культурной и бизнес-коммуникации между Россией и Европой. Элементы этого сценария отразились в формулировке миссии города: «Калининград — город для комфортной жизни и работы, площадка коммуникации и взаимодействия России и стран Европы в сфере бизнеса, инновационной экономики, образования и культуры».

После актуализации, сделанной в конце 2023 г., стратегия Калининграда стала почти в три раза короче и укладывается в 32 страницы (из которых 8 страниц — приложение с описанием проектов преобразований отдельных территорий). Резко уменьшилось число сюжетов, связанных с внешними функциями, большее внимание уделено внутренним аспектам — концепции компактного города, пространственному развитию, комфортной среде, креативной индустрии, здравоохранению, переходу к экономике знаний и туризма и т.п. Связь с Балтийским регионом просматривается лишь в нескольких фразах — упомянуто, что сильной стороной города является один из незамерзающих портов на Балтике с развитой портовой инфраструктурой. Из обновленной миссии города исчезла функция коммуникаций России и Европы, но осталось упоминание Балтики: «Калининград — город 15-минутной доступности, инновационно-образовательный, креативный, туристический центр на Балтике». Слов-маркеров практически не осталось.

Рассмотренная метаморфоза стратегии Калининграда наглядно иллюстрирует изменение значения и направления того или иного вектора вслед за изменением глобального контекста.

Выводы

Обдумывание результатов исследования приводит к выводам, которые можно сгруппировать в несколько направлений.

1. Изучение стратегий: для чего.

В идеале стратегия аккумулирует идеи, господствующие на данной территории в треугольнике «власть — бизнес — общество» и влияет на реальное социально-экономическое развитие. Поэтому неслучайно изучение стратегий стало особым научным направлением, позволяющим, в частности, выносить суждения о целевых ориентирах тех или иных территориальных сообществ. Однако в реальности стратегия может оказаться сделанной «для галочки», без заинтересованного участия сообщества и будет в этом случае отражать только штампованные неспецифичные положения, привнесенные незаинтересованным консультантом или скопированные в Интернете местным специалистом. Кроме того, развитие не всегда следует стратегии. Эти обстоятельства следует всегда иметь в виду.

Если исходить из предположения, что стратегия разработана идеально, то отсутствие в ней признаков балтийского вектора соответствует объективной ситуации. Но этот факт может быть вызван и низкой квалификацией и недостаточным усердием разработчика.

2. Влияние стратегий на развитие.

Обращаясь к обозначенной в начале статьи сверхзадаче — внести вклад в проблему выявления влияния муниципального и регионального планирования на развитие территорий, — можно утверждать, что небольшой шаг в данном направлении сделан. Мы выявили те муниципалитеты Российской Балтики, в которых стратегии существенно ориентированы на балтийский вектор. Но это только первый шаг. Чтобы выяснить, насколько наблюдаемый объективно балтийский вектор является рукотворным и какой уровень власти имел больший вес в формировании этого вектора, необходим историко-экономический анализ каждого кейса. При выборе кейсов можно ориентироваться на муниципалитеты с большей проявленностью бал-

тийского вектора. История отдельных городов и регионов хорошо известна. Так, Санкт-Петербург всегда позиционировался как окно в Европу, и деятельность его первого мэра Анатолия Собчака была несомненно важным фактором укрепления балтийского и европейского векторов, зафиксированных и в первом Стратегическом плане Санкт-Петербурга 1997 г. Аналогично несомненен и выдающийся вклад первого главы администрации Калининградской области Юрия Маточкина, который добился для области статуса свободной экономической зоны, опираясь на местный экспертный потенциал. Понятна и большая роль региональной и городской власти Пскова в инициации проектов балтийского сотрудничества. Можно утверждать, что как минимум есть регионы и МО, где стратегии поддерживали объективные возможности развития в направлении балтийского вектора.

3. Что нового мы узнали о Российской Балтике.

Изучение Российской Балтики через стратегии составляющих ее регионов и МО дает новое знание о состоянии системы управления территорией. Очевидный факт неоднородности такого большого макрорегиона, как Российская Балтика, проявился и в степени внимания, уделяемого властями в стратегиях возможностям и ограничениям, обусловленным вхождением в данный макрорегион. Причем не всегда это связано с географической близостью к морю или внешним границам. Имеет значение и наличие транспортной связности и субъективный фактор — присутствие в команде администрации специалистов, ориентированных на международное сотрудничество и готовых к нему.

Оказалось, что если рассматривать Российскую Балтику как набор МО и взглянуть на «силу тяготения» к Балтийскому морю и балтийским возможностям, проявленную в стратегиях, то обнаружатся лакуны и мозаичность: МО, в которых балтийский вектор отсутствует или очень слабо выражен. Это позволяет использовать представленную в статье картосхему как повод для дальнейших размышлений о составе Российской Балтики.

4. Практическая значимость.

В свете начала нового этапа стратегирования в 2024 г., связанного с установлением обновленных национальных целей развития, а также с изменением ситуации в бассейне Балтийского моря, может быть весьма полезна сравнительная характеристика действующих стратегий. Выявленные примеры лучшей практики в части отражения в стратегиях балтийского вектора развития могут быть использованы разработчиками стратегий. Региональные органы власти могут обратить повышенное внимание к разработке стратегий тех МО, у которых они недостаточно учитывают балтийский вектор, и оказать им в этом помощь.

5. Изучение стратегий: какие стратегии изучать.

Стратегическому планированию на муниципальном уровне в России уже больше 25 лет. Во многих МО было принято уже несколько стратегий, каждая из которых подвергалась корректировкам. Это открывает возможности изучения стратегий в динамике, позволяет отслеживать изменения в целях и приоритетах развития отдельного МО или группы МО. Так, включение в орбиту исследования новых версий стратегий Калининграда и Выборгского района дало возможность увидеть, как под влиянием коренного изменения геополитического положения изменяется масштаб и модальность проявления рассматриваемых векторов. Но реализовать открывающиеся возможности непросто — если в ГАСУ архивные версии стратегий могут быть найдены, то по стратегиям, не учтенным в ГАСУ, найти прошлые версии бывает невозможно. При конкретизации условий каждого нового исследования за определенный период надо четко фиксировать задачу поиска — будем ли

учитывать корректировки, изучать начальные или конечные редакции или обе. Мы не смогли в нашем исследовании сравнить ИПВ нескольких версий одного региона или МО, хотя такая мысль была.

Отдельный нюанс — появление в системе документов планирования мастер-планов городов и агломераций, которые в значительной части по содержанию аналогичны стратегиям. Включать ли их в анализ, как использовать контент-анализ с учетом большого количества в мастер-планах нетекстовой информации (иллюстраций, картосхем). Так, в нашем исследовании самая старая стратегия — Багратионовского района. При этом совсем недавно был создан мастер-план Багратионовска, не попавший в число изучаемых документов.

6. Изучение стратегий: возможности контент-анализа.

Контент-анализ текста стратегий, на наш взгляд, дает полезные результаты не сам по себе, а в сочетании с другими методами. Чаще всего контент-анализ может стать предварительным этапом, позволяющим выявить кейсы, заслуживающие внимания, подвергаемые затем экспертной обработке. Например, изучение дифференциации ИПВ выявило как ожидаемые закономерности (превышение ИПВ в стратегиях объектов ближнего круга Российской Балтики над ИПВ стратегий объектов внешнего круга), так и некоторые аномалии (гипертрофированный отрыв ИПВ стратегии Калининградской области от всех остальных и сильное отставание ИПВ Ленинградской области). Аномалии были изучены и объяснены различиями в объеме и стилистике текстов стратегий.

Контент-анализ должен быть не самоцелью, а встроен в контекст конкретной исследовательской задачи. Используемая нами модификация предполагает формирование списка слов-маркеров, адекватных исследуемому вопросу, и анализ частоты встречаемости этих слов. Такой подход более продуктивен, чем, например, примененный в [10], когда формируется «облако слов» и в нем ведется поиск каких-то закономерностей.

В ходе проведенного исследования получен ценный методический результат — апробированы дополнения в авторскую методику, позволяющие учитывать интуитивно различную значимость слов в контексте решаемой задачи. Предложена схема, позволяющая объективировать разделение множества слов-маркеров по степени значимости на основании их фактической встречаемости в изучаемом массиве текстов. Кроме того, значимость дифференцирована в зависимости от раздела стратегии, в котором находится слово. Это уже элемент сочетания контент-анализа и экспертного анализа. В дальнейшем полезно проработать алгоритм перехода от контент-анализа к экспертному структурно-содержательному анализу или включению контент-анализа в экспертный анализ.

Важным моментом стало использование относительных значений встречаемости слов (в расчете на количество слов в тексте). Выяснилось, что в данном случае значимой корреляции между объемом стратегии и значениями ИПВ нет. Встречаются небольшие стратегии с высокими значениями ИПВ и, наоборот, объемные, но с малыми значениями ИПВ. Сопоставление результатов ранжирования стратегий по значениям абсолютных и относительных значений ИПВ не показало принципиальных различий. В дальнейшем мы предполагаем использовать относительные значения.

7. Углубление исследования.

Предметом продолжения данного исследования могло бы быть сопоставление объективной выраженности балтийского вектора и проявленности этого вектора в стратегии. Для этого необходимо будет найти способ оценки объективной выраженности вектора в экономике (посредством анализа транспортных связей, товарных потоков, туристических посещений), в общественном секторе (использование

сходных с балтийскими странами методов в управлении, наличие проектов сотрудничества), в городской среде и стереотипах поведения жителей (топонимика, типы заведений общественного питания, общественные пространства и т. п.).

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием ИПрЭ РАН по теме «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирования механизмов ее реализации в регионах» (код FMGS-2024-0001).

Список литературы

1. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2022, Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
2. Дружинин, А. Г. 2023, Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
3. Клемешев, А. П., Корнеев, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницкий, Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
4. Колосов, В. А., Зотова, М. В., Себенцов, А. Б. 2016, Барьерная функция российских границ, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 8—20, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20>
5. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А., Гуменюк, И. С., Федоров, Г. М. 2022, Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 2: Регионы Западного и Юго-Западного побережья России, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта. EDN: KWYVPC
6. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
7. Дружинин, А. Г., Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. 2018, Экономическая и селитебная динамика поселений Ленинградской области: влияние факторов трансграничной кластеризации, *Известия Русского географического общества*, № 3, с. 12—27. EDN: XNGLXV
8. Gres, R. A., Zhikharevich, B. S., Pribyshin, T. K. 2022, Arctic Specifics in Arctic Municipal Strategies, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 2, p. 192—203, <https://doi.org/10.1134/s2079970522020125>
9. Будаева, К. В., Климанов, В. В. 2014, Эволюция разработки и содержания документов регионального стратегического планирования в России, *Региональная экономика: теория и практика*, № 40, с. 52—63. EDN: SVJZSN
10. Рослякова, Н. А., Митрофанова, И. В., Каневский, Е. А., Боярский, К. К. 2023, Особенности социально-экономического развития регионов севера и юга России: методика полуавтоматического анализа документов стратегического планирования, *Север и рынок: формирование экономического порядка*, № 3, с. 61—77, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004>
11. Рисин, И. Е., Чичерина, А. С. 2021. Оценка современной практики разработки стратегий социально-экономического развития крупных городов, *Региональная экономика. Юг России*, т. 9, № 2, с. 13—21, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.2>
12. Костко, Н. А., Печеркина, И. Ф., Попкова, А. А. 2022, Модели реализации концепции «Умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации, *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 4, с. 197—223, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223>
13. Лубсанова, Н. Б., Максанова, Л. Б.-Ж., Бардаханова, Т. Б., Михеева, А. С., Садыкова, Э. П. 2022, Методология оценки «зеленого» вектора регионального развития, *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*, № 4, с. 78—89, <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-78-89>

14. Stepanova, S. V. 2016, The role of tourism in the development of Russia's Northwestern border regions, *Baltic Region*, vol. 8, № 3, p. 109—120, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-9>
15. Глухих, П. Л. 2022, Адаптация региональных стратегий к новому целевому показателю развития несырьевого экспорта, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 34—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-3>
16. Marciszewska, B. 2022, Public-private partnership and strategic documents for the development of regional tourism: an example of the voivodships in northern Poland, *European Research Studies Journal*, vol. 25, № 2, p. 461—473, <https://doi.org/10.35808/ersj/2947>
17. Rinkinen, S., Oikarinen, T., Melkas, H. 2016, Social enterprises in regional innovation systems: a review of Finnish regional strategies, *European Planning Studies*, vol. 24, № 4, p. 723—741, <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1108394>
18. Ahvenniemi, H., Huovila, A. 2021, How do cities promote urban sustainability and smartness? An evaluation of the city strategies of six largest Finnish cities, *Environment, Development and Sustainability*, vol. 23, p. 4174—4200, <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00765-3>
19. Bhatt, Y., Ghuman, K., Dhir, A. 2020, Sustainable manufacturing. Bibliometrics and content analysis, *Journal of Cleaner Production*, vol. 260, 120988, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120988>
20. Torelli, R., Balluchi, F., Furlotti, K. 2020, Themateriality assessment and stakeholder engagement: A content analysis of sustainability reports, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 27, № 3, p. 470—484, <https://doi.org/10.1002/csr.1813>
21. Jamali, N., Vatankeh, S., Maleki, M., Emami, S. M. H. 2023, Entrepreneurship Development Policies in Iran; A critical Review of the Strategic Document and A Comparison to Alphabet Model of Global Entrepreneurship Monitor, *International Journal of Management and Business Research*, vol. 7, № 1, p. 121—141.
22. Fallah, R., Maleki, M., Aryankhesal, A., Haghdooost, A. 2023, Reviewing the national health services quality policies and strategies of the Iranian health system: A document analysis, *International Journal of Preventive Medicine*, vol. 14, № 1, 107 p., https://doi.org/10.4103/ijpvm.ijpvm_1_22
23. Kleinheksel, A. J., Rockich-Winston, N., Tawfik, H. E., Wyatt, T. R. 2020, Demystifying Content Analysis, *American Journal of Pharmaceutical Education*, vol. 84, № 1, <https://doi.org/10.5688/ajpe7113>
24. Kyngäs, H., Kääriäinen, M., Elo, S. 2020, The Trustworthiness of Content Analysis, in: Kyngäs, H., Mikkonen, K., Kääriäinen, M. (eds.), *The Application of Content Analysis in Nursing Science Research*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30199-6_5
25. Lindgren, B.-M., Lundman, B., Graneheim, U. H. 2020, Abstraction and interpretation during the qualitative content analysis process, *International Journal of Nursing Studies*, vol. 108, <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103632>
26. Wood, L. M., Sebar, B., Vecchio, N. 2020, Application of Rigour and Credibility in Qualitative Document Analysis: Lessons Learnt from a Case Study, *Qualitative Report*, vol. 25, № 2, p. 456—470, <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4240>
27. Baden, C., Kligler-Vilenchik, N., Yarchi, M. 2020, Hybrid Content Analysis: Toward a Strategy for the Theory-driven, Computer-assisted Classification of Large Text Corpora, *Communication Methods and Measures*, vol. 14, № 3, p. 165—183, <https://doi.org/10.1080/19312458.2020.1803247>
28. Gao, H., Ding, X.-H., Wu, S. 2020, Exploring the domain of open innovation: Bibliometric and content analyses, *Journal of Cleaner Production*, vol. 275, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122580>
29. Smit, B., Scherman, V. 2021, Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software for Scoping Reviews: A Case of ATLAS.ti, *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 20, <https://doi.org/10.1177/16094069211019140>
30. Жихаревич, Б. С., Гресь, Р. А., Прибышин, Т. К. 2023, Эволюция содержания стратегий российских городов (1997—2022), *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2, с. 38—49, <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-2-38-49>

31. Федоров, Г.М. 2019, Три стратегии развития Калининградской области (1991—2018 годы), *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 5—19. EDN: НХРУРА

Об авторах

Роберт Андреевич Гресъ, младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия; аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Robert.a.gres@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-1074>

Борис Савельевич Жихаревич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия; заместитель директора, Леонтьевский центр, Россия.

E-mail: zhikh@leontief.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7171-6335>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE BALTIC AGENDA IN THE STRATEGIES OF RUSSIA'S BALTIC REGIONS AND MUNICIPALITIES

R. A. Gres^{1, 2}

B. S. Zhikharevich^{1, 3}

¹ Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, 36—38/A Serpuhovskaya St., St. Petersburg, 190013, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

³ Leontief International Centre for Socioeconomic Research, 25/A 7th Krasnoarmeyskaya St, St. Petersburg, 190005, Russia

Received 29 May 2024

Accepted 31 August 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

© Gres, R. A., Zhikharevich, B. S., 2024

Quantitative content analysis was employed to examine 63 strategies for the socioeconomic development of regions and municipalities within Russian Baltic territories. The aim was to assess the extent to which the ‘Baltic agenda’ – themes specific to this area – manifest themselves in the documents. Strategies developed between 2010 and 2023 and in force as of February 2024 were analysed. Indices of manifestation (IM) were calculated based on the number of mentions of 77 marker words. The formula for IM calculation includes the absolute number of mentions of words, adjusted for their significance, which was determined by their frequency of use and location within the text of the strategy. The IM was computed for three interrelated directions: Baltic, European and global. The maximum values of IM are characteristic of the strategy of the Kaliningrad region, which, in addition to objective

factors, is due to the unusual voluminosity of the document. At the municipal level, the most impressive performances on this measure are seen in municipalities of the Kaliningrad region (Kaliningrad, Zelenogradsk, Gusev, Slavsk, Baltiysk and Bagrationovsk), Vyborg in the Leningrad region and Pskov. For Kaliningrad and Vyborg, two strategy versions were examined, making it possible to observe changes in the volume and focus on Baltic issues: the strategies are becoming shorter, with diminishing attention given to the Baltic agenda. A map diagram was drawn to illustrate the division of municipal strategies into five groups for each direction. Spatial differentiation is evident: the average IM value for the documents of the inner band of the Russian Baltic area is 2.7 times that for strategies of the outer band.

Keywords:

Baltic agenda, Baltic region, socioeconomic development strategy, subject of the Federation, municipality, content analysis

References

1. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2022, The sea factor in the federal regulation of Russia's spatial development: post-soviet experience and current priorities, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
2. Druzhinin, A. G. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-Soviet Russia: the Baltic case, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
3. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 9, № 4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>
4. Kolosov, V. A., Zotova, M. V., Sebestsov, A. B. 2016, Barrier function of Russian borders, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 8—20, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20> (in Russ.).
5. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A., Gumenyuk, I. S., Fedorov, G. M. 2022, *Cross-border cooperation along the Russian state border. Part 2: Regions of Russia's Western and South-Western Borderlands*, Kaliningrad, IKBPU Publishing House. EDN: KWYVPC (in Russ.).
6. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
7. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. 2018, The economic and residential dynamics of settlements of the Leningrad region: influence of factors of a cross-border clustering, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, № 3, p. 12—27. EDN: XNGLXV (in Russ.).
8. Gres, R. A., Zhikharevich, B. S., Pribyshin, T. K. 2022, Arctic Specifics in Arctic Municipal Strategies, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 2, p. 192—203, <https://doi.org/10.1134/s2079970522020125> (in Russ.).
9. Budaeva, K. V., Klimanov, V. V. 2014, The evolution of the development and content of regional strategic planning documents in the Russian Federation, *Regional economics: theory and practice*, № 40, p. 52—63. EDN: SVJZSN (in Russ.).
10. Roslyakova, N. A., Mitrofanova, I. V., Kanevsky, E. A., Boyarsky, K. K. 2023, Features of socio-economic development in the Russian North and South: A methodology for semi-automatic analysis of strategic planning documents, *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poradka*, № 3, p. 61—77, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004> (in Russ.).
11. Risin, I. E., Chicherina, A. S. 2021. Assessment of the Modern Practice of Strategizing Social and Economic Development of Large Cities, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 9, № 2, p. 13—21, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.2> (in Russ.).
12. Kostko, N., Pecherkina, I., Popkova, A. 2022, Implementation models for the «smart city» concept in the strategies for socio-economic development of large cities in the Russian Federation, *Public Administration Issues*, № 4, p. 197—223, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223> (in Russ.).

13. Lubanova, N. B., Maksanova, L. B., Bardakhanova, T. B., Mikheeva, A. S., Sadykova, E. T. 2022, Methodology for assessing the green vector of regional development, *BSU bulletin. Economy and Management*, № 4, p. 78—89, <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-78-89> (in Russ.).
14. Stepanova, S. V. 2016, The role of tourism in the development of Russia's Northwestern border regions, *Baltic Region*, vol. 8, № 3, p. 109—120, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-9>
15. Glukhikh, P. L. 2022, Adapting regional strategies to the new non-resource export development target, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 34—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-3>
16. Marciszewska, B. 2022, Public-private partnership and strategic documents for the development of regional tourism : an example of the voivodships in northern Poland, *European Research Studies Journal*, vol. 25, № 2, p. 461—473, <https://doi.org/10.35808/ersj/2947>
17. Rinkinen, S., Oikarinen, T., Melkas, H. 2016, Social enterprises in regional innovation systems: a review of Finnish regional strategies, *European Planning Studies*, vol. 24, № 4, p. 723—741, <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1108394>
18. Ahvenniemi, H., Huovila, A. 2021, How do cities promote urban sustainability and smartness? An evaluation of the city strategies of six largest Finnish cities, *Environment, Development and Sustainability*, vol. 23, p. 4174—4200, <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00765-3>
19. Bhatt, Y., Ghuman, K., Dhira, A. 2020, Sustainable manufacturing. Bibliometrics and content analysis, *Journal of Cleaner Production*, vol. 260, 120988, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120988>
20. Torelli, R., Balluchi, F., Furlotti, K. 2020, Themateriality assessment and stakeholder engagement: A content analysis of sustainability reports, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 27, № 3, p. 470—484, <https://doi.org/10.1002/csr.1813>
21. Jamali, N., Vatankhah, S., Maleki, M., Emami, S. M. H. 2023, Entrepreneurship Development Policies in Iran; A critical Review of the Strategic Document and A Comparison to Alphabet Model of Global Entrepreneurship Monitor, *International Journal of Management and Business Research*, vol. 7, № 1, p. 121—141.
22. Fallah, R., Maleki, M., Aryankhesal, A., Haghdoust, A. 2023, Reviewing the national health services quality policies and strategies of the Iranian health system: A document analysis, *International Journal of Preventive Medicine*, vol. 14, № 1, 107 p., https://doi.org/10.4103/ijpvm.ijpvm_1_22
23. Kleinheksel, A. J., Rockich-Winston, N., Tawfik, H. E., Wyatt, T. R. 2020, Demystifying Content Analysis, *American Journal of Pharmaceutical Education*, vol. 84, № 1, <https://doi.org/10.5688/ajpe7113>
24. Kyngäs, H., Kääriäinen, M., Elo, S. 2020, The Trustworthiness of Content Analysis, in: Kyngäs, H., Mikkonen, K., Kääriäinen, M. (eds.), *The Application of Content Analysis in Nursing Science Research*. Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30199-6_5
25. Lindgren, B.-M., Lundman, B., Graneheim, U. H. 2020, Abstraction and interpretation during the qualitative content analysis process, *International Journal of Nursing Studies*, vol. 108, <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103632>
26. Wood, L. M., Sebar, B., Vecchio, N. 2020, Application of Rigour and Credibility in Qualitative Document Analysis: Lessons Learnt from a Case Study, *Qualitative Report*, vol. 25, № 2, p. 456—470, <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4240>
27. Baden, C., Kligler-Vilenchik, N., Yarchi, M. 2020, Hybrid Content Analysis: Toward a Strategy for the Theory-driven, Computer-assisted Classification of Large Text Corpora, *Communication Methods and Measures*, vol. 14, № 3, p. 165—183, <https://doi.org/10.1080/19312458.2020.1803247>
28. Gao, H., Ding, X.-H., Wu, S. 2020, Exploring the domain of open innovation: Bibliometric and content analyses, *Journal of Cleaner Production*, vol. 275, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122580>
29. Smit, B., Scherman, V. 2021, Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software for Scoping Reviews: A Case of ATLAS.ti, *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 20, <https://doi.org/10.1177/16094069211019140>
30. Zhikharevich, B. S., Gres, R. A., Pribyshin, T. K. 2023, Evolution of the content of strategies of Russian cities (1997—2022), *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 2, p. 38—49, <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-2-38-49> (in Russ.).

31. Fedorov, G.M. 2019, Three development strategies of the Kaliningrad region (1991—2018), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 5—19. EDN: HXPYPA (in Russ.).

The authors

Robert A. Gres, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia; PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Robert.a.gres@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-1074>

Prof Boris S. Zhikharevich, Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia; Deputy Director, Leontief Centre, Russia.

E-mail: zhikh@leontief.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7171-6335>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ В ВОПРОСАХ ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: РОССИЯ КАК ФАКТОР ПОЛЯРИЗАЦИИ

К. К. Худолей

Ю. Ю. Колотаев

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 20.04.2024 г.
Принята к публикации 15.07.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5
© Худолей К. К., Колотаев Ю. Ю., 2024

В условиях современной конфронтации России и Запада процессы консолидации и дивергенции политических элит имеют фундаментальное значение для понимания механизмов образования разделительных линий между ними. В особенности это важно в отношении элит Европейского союза, противостоящего России. Цель статьи заключается в выработке структуры анализа разделительных линий элит ЕС по вопросам отношений с Россией. В ходе анализа применяется многоступенчатая модель, устанавливающая зависимость «глубины» разделительной линии от степени разобщенности элиты. Модель также включает два уровня анализа разделительных линий в ЕС: наднациональный и национальный. Исследование показало, что в зависимости от степени расхождения интересов и сохранения коммуникационных каналов дивергенция элит может приводить к сегментации, фрагментации или поляризации. Каждая из этих ступеней дивергенции по нарастающей фиксирует снижение возможности выработки общей позиции ЕС по вопросам внешней политики. В зависимости от уровня анализа элит в ЕС наблюдаются все три тенденции в отношении России. При этом в процессе формирования линии разрыва принципиальным является рассматриваемый аспект отношений с Россией: степень разрыва связей или поддержка и финансирование сдерживания России. Дополнительными переменными выступают такие факторы, как региональная принадлежность элиты, ее идеологические рамки и положение в рамках власти. Из всех уровней анализа поляризация намечается в рамках попытки наднациональных элит продвигать «воинственную интеграцию», что вступает в конфликт с интересами национальных элит и граждан стран-членов.

Ключевые слова:

Россия, Европейский союз, Европа, элиты, разделительные линии, фрагментация, поляризация, сегментация

Введение

Одно из важнейших явлений современных международных отношений — конфронтация России и Запада, имеющая тенденцию к обострению. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование факторов, влияющих на процесс

Для цитирования: Худолей К. К., Колотаев Ю. Ю. Разделительные линии в вопросах общей внешней политики в Европейском союзе: Россия как фактор поляризации // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 87—107. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5

принятия внешнеполитических решений в странах Запада, и разделительных линий, существующих внутри западных элит по вопросам формирования политики в отношении России. Это тем более важно, что, как отмечал президент В.В. Путин, России противостоят не недружественные государства, а недружественные элиты¹. Данные сюжеты весьма актуальны и применительно к ЕС, одному из основных центров современного мира, противостоящему России, где процессы принятия внешнеполитических решений как на национальном, так и на наднациональном уровнях тесно взаимосвязаны, но одновременно имеют существенную специфику.

Члены ЕС, сохраняя в большинстве своем антироссийскую позицию на официальном уровне, активно сталкиваются с возникновением внутренних и внешних разделительных линий, которые пролегают на совершенно различных уровнях общества, так как возникают в силу социально-экономических, политико-идеологических и других факторов. В текущей ситуации открытого противостояния с Россией вопросы артикуляции и проведения общего внешнеполитического курса по отношению к России становятся стимулом для формирования разделительных рубежей внутри европейских стран. Центральную роль здесь играют политические элиты ЕС, которые в силу партийной или национальной принадлежности дифференцируются в степени поддержки антироссийских инициатив.

Научная разработка данного явления представляет большую ценность для определения актуальной политической линии в отношении ЕС и отдельных европейских стран. По этой причине авторы статьи предлагают собственный подход к анализу процесса формирования разделительных линий среди политических групп ЕС, формализованный в рамках единой модели. В качестве примера берется наднациональный сегмент элиты ЕС, связанный с «многосоставной европейской системой элит» [1, с. 28]. При этом дивергенция рассматривается лишь в рамках политических кругов как частного проявления многоуровневой и комплексной среды элит ЕС.

Цель статьи — выработка типовой модели анализа разделительных линий в рамках западных элит на примере пространства ЕС в отношении России на современном этапе. Основой модели выступает авторская градация степени дивергенции элит, включающая такие ступени, как сегментация, фрагментация и поляризация. Приоритетным является поиск общих механизмов формирования разделительных линий в ЕС, выводимый из наднациональной среды. Следовательно, представленная в статье модель анализа может быть перенесена в дальнейшем на другие страны Запада.

Статья структурно содержит теоретическую, методологическую и эмпирическую части. В рамках первого и второго раздела рассматриваются общенаучные аспекты формирования межэлитных разделительных линий с опорой на концепции социальной дивергенции и структуры элит ЕС. В них формируются общие рамки модели анализа разделительных линий. В третьем разделе работа акцентируется внимание на практических примерах дивергенции элит из практики ЕС, выраженных в конкретных политических кейсах.

В ходе подготовки модели авторы методологически опираются на структурно-функциональный анализ, включающий выявление общей, наднациональной системы элит с оценкой функциональных связей и занимаемых позиций сегментов евроэлиты в вопросах внешнеполитических решений. Построение модели происходило через сопоставление сегментов элиты с их позицией по двум основным аспектам отношений с Россией (степень разрыва связей / степень поддержки Украины). На основе сопутствующих факторов (идеологических, геополитических, институциональных и др.) определялась итоговая конфигурация разделительных линий.

¹ Встреча с работниками культуры Тверской области, 27 марта 2024 г., *Президент России*, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73747> (дата обращения: 17.04.2024).

Эмпирическая основа работы включает выступления и заявления политиков ЕС, отражающие расхождения в дискурсе элит ЕС. Отбор заявлений происходит на основании репрезентации трех основных сегментов элиты ЕС в зависимости от рассматриваемых кейсов и форм дивергенции. Примеры носят общий характер и не призваны обозначить всю палитру существующих позиций. Их задача заключается в иллюстрации широких контуров представленной модели анализа.

Разделительные линии внутри социума и политических элит: теоретический аспект

Возникновение линий раскола в современных политических и национальных сообществах выступает естественным явлением, обладающим значительным спектром причинных предубеждений. Разобщенность общества и элит не обладает единообразием и гомогенностью. Ей свойственна градация, обуславливающая «глубины» разделительных линий. В современных социальных науках сформировался перечень терминов, отражающих различные формы социальной дивергенции. Среди них центральную роль имеют «сегментация», используемая в экономических исследованиях рынков, «фрагментация» [2], пришедшая из сферы анализа цифровых и компьютерных систем [3; 4], а также «поляризация», популяризовавшаяся за последнее десятилетие на фоне глобального роста популизма [5]. Данные категории используются в научных исследованиях в связке и по-отдельности, редко формируя, однако, системное или многоуровневое представление о процессе социальной дивергенции.

Вместе с тем именно градация дивергенции выступает необходимой основой для изучения разделительных линий, так как позволяет установить критерии эмпирически значимых случаев образования раскола при анализе межэлитного взаимодействия. По этой причине авторы работы производят общую систематизацию концепций *сегментации*, *фрагментации* и *поляризации*. Градация трех форм отказа от компромиссного существования между элитами опирается на интенсивность контактов между политическими группами и степень идейно-идеологических расхождений. Потенциальный переход от одной стадии к другой характеризуется сокращением связей с последующей трансформацией взаимного восприятия.

Сегментация как первичная ступень дивергенции элит подразумевает распад на обособленные части при сохранении взаимных контактов. Появление элементов сегментации означает разделение членов сообщества на группы по определенным характеристикам, что является предпосылкой (но необязательно причиной) для создания идеологических коконов и информационных барьеров для коммуникации [6, с. 58]. В основе сегментации могут лежать классические границы идеологического свойства, основывающиеся на старых и обновленных идеологических маркерах («левые», «правые», «либералы», «консерваторы», «националисты», «фундаменталисты», «радикалы» и т.д.) [7, р. 179].

Следующая ступень дивергенции элит — *фрагментация* — формирует тенденцию к сокращению или даже исчезновению межгрупповых коммуникаций, присутствующих на этапе сегментации. Фрагментация проявляется в отходе от диалога в пользу прямого обособления и обрыва взаимных связей между уже сформированными группами. Она приводит к уменьшению социальной солидарности между образовавшимися группами и увеличению идеологической диспропорции, в то время как каждая из групп закрепляет свои собственные интересы и цели. Однако в отличие от поляризации подгруппы в процессе фрагментации могут иметь схожие или пересекающиеся интересы, и это способно привести к спорадическому сотрудничеству и координации между ними без устойчивых связей.

Поляризация лишь закрепляет распад социальной структуры и ведет к формированию конфликтных и непересекающихся позиций. При этом речь идет уже не просто о разрыве коммуникации, а о создании «контрнарратива» и полярных позиций, провоцирующих прямые или опосредованные столкновения между элитами. Это связано с разделением на группы с разными взглядами, отличающимися убеждениями и интересами, а также фиксацией линий раскола в конфликтующих нарративах. Иначе говоря, закрепление разделительных линий и отдаление политических групп формирует основу поляризации. На текущий момент исследования поляризации выделяют две ключевые основы: поляризацию на основе предпочтений, или проблемно-ориентированную поляризацию, а также так называемую поляризацию на основе идентичности, или аффективную (социальную) поляризацию [8—10, р. 922]. Последняя напрямую связана с идеологической пропастью между политическими группами и межличностной конфронтацией их представителей [11, р. 53]. При этом поляризация способна выступать в зависимости от исследовательской повестки постепенным *процессом* или сформировавшимся *состоянием* элиты и общества [9]. Все эти характеристики уточняют особенности поляризации и позволяют за ней статус критической точки деградации связей между элитами.

Любая из стадий социальной дивергенции может проявляться как результат снижения общей плотности общественных контактов или деградации политического консенсуса. Возможны и причины, протекающие из других областей общественной жизни: от экономического расслоения до межкультурной конфронтации. При этом появление разделительных линий происходит на различных уровнях социума, включая разобщение между социальными группами, маргинальными группами и основной частью общества, народными массами и элитами или самими элитами между собой.

Важно подчеркнуть релевантность введения градации дивергенции элит в контексте внешнеполитической динамики и процесса формирования коллективной позиции по отношению к конкретным аспектам международных отношений. По данному спектру вопросов образование разделительных линий может происходить в силу как внутренних причин, так и внешних. Внутренние причины обусловлены релевантностью рассматриваемой темы для общества внутри страны, а также структурой коммуникационных каналов между политическими элитами. Внешние могут быть связаны с прямым и косвенным информационным влиянием извне, положением рассматриваемого актора в контексте международных связей самого государства, его статуса в рамках международной системы или различных регионов отдельной страны. При этом само внешнее вмешательство имеет различный вес в зависимости от фазы дивергенции элит. Искусственное разжигание противоречий является поводом для консолидации, в то время как наличие реальных разделительных линий способствует использованию внешнего фактора в условиях конфликта элит. Все эти переменные и создают границы при переходе от одной степени межэлитного разделения к следующей.

Из всех трех категорий дивергенции — от сегментации до поляризации — наибольшее значение имеет граница между поляризацией и фрагментацией, так как в той или иной степени сегментация представляет собой естественное состояние многопартийной политической среды, в то время как фрагментация и поляризация указывают на начавшуюся деградацию социальных связей. Вместе с тем в рамках групповой динамики все три стадии возможны лишь при наличии общего явления, от которого эти процессы отталкиваются. Отсутствие общего проблемного поля не создает положительных или негативных связей для дальнейшей межэлитной динамики. Это отражается и с точки зрения последующей секьюритизации элитой ключевых национальных приоритетов, и с точки зрения коммуникации с народными массами [12, р. 2; 13, с. 67].

Политическое пространство европейских стран показывает, что между политическими элитами возникают сложные политические связи, варьирующиеся в спектре от условного единства до острой конфронтации. Структура этих отношений зависит от конкретной темы или фактора, находящегося в центре внимания. Демонстрируемая близость, к примеру, по вопросам отношений с партнерами может иметь диаметрально противоположный характер при обсуждении взаимодействия с оппонентами. При этом наибольшее значение имеют те темы, которые способны перевесить устойчивые связи и сформировать разрыв между группами элит. С точки зрения постфункционалистской теории интеграции [14; 15] к таким темам относятся особенно чувствительные вопросы, затрагивающие идентичность элиты или страны.

В текущей ситуации такой тематикой для европейских стран в значительной степени становится вопрос проводимой политической линии в отношении России. В отдельных случаях эта проблематика выступает темой для фрагментации элиты с сохранением нестабильного баланса, в то время как в других становится реальным поводом для поляризации. Это указывает на статус поляризации как процесса с активной динамикой и потенциалом для перехода из проблемной в аффективную разновидность.

Четкое определение «глубины» разделительных линий позволяет правильно охарактеризовать состояние элиты того или иного государства и дает возможность избежать упрощения ситуации или проецирования идеологически выгодного состояния на реальное положение дел, что является крайне важным при внешнеполитическом планировании. Состояние фрагментации между элитами сохраняет вероятность, что консенсус между фрагментами может поддерживаться вопреки кажущейся разобщенности, в то время как поляризованное идейное расхождение в нарративах указывает на низкую вероятность нахождения консенсуса (или ее отсутствие).

Существует обширное число источников появления социальной и межэлитной дивергенции, варьирующейся от неравенства, неопределенности [16] деградации политической культуры и популизма [17; 18] до набора индивидуальных предпосылок (культурно-религиозные, этнические и демографические различия). На базе этих факторов формируются идейно-политические различия в интересах и позициях. Иначе говоря, социально-политический и экономический базис выступает исходной точкой фрагментации, на основе которой возможна уже последующая поляризация по ключевым вопросам (в том числе и по вопросам построения внешней политики).

Таким образом, теоретическое осмысление процесса появления разделительных линий между элитами указывает на различия и вариативность возможных состояний межэлитного баланса. Если поляризация относится к разделению элит с явным отдалением и соперничеством друг с другом, то фрагментация ассоциируется лишь с более простой дивергенцией элит на множество отдельных групп или подгрупп с минимальной, но потенциально поддерживаемой коммуникацией. Эта градация позволяет лучше понять, при каких условиях следует говорить о политически значимой дивергенции между элитами, а когда об идейном расколе, не переходящем в плоскость реального конфликта элит.

Уровни и параметры анализа разделительных линий внутри наднациональных элит ЕС

Важной составляющей изучения механизма образования разделительных линий остаются условия, по которым можно оценить, на каком уровне находится размежевание элит. Предлагаемая авторами модель анализа степени дивергенции элит

ЕС перед лицом конфронтации с Россией дополняет градацию дивергенции тремя ключевыми вопросами. Каждый из них формирует предпосылки для установления линий разлома. Общие черты с переменными для анализа представлены на рисунке.

Переменная 1 <i>Агент</i>	Политические круги ЕС		
	Национальная элита	Наднациональная элита	
		Евродепутаты	Евробюрократия
Переменная 2 <i>Контекст</i>	Аспекты отношений с Россией		
	Степень разрыва отношений	Степень поддержки оппонентов	
Переменная 3 <i>Триггеры</i>	Факторы дивергенции		
	<div><div>➤ География;</div><div>➤ Нарратив о «внешней угрозе»;</div><div>➤ Институты;</div><div>➤ Идеологическая;</div><div>➤ Статус в рамках власти.</div><div>Пространство формирования разделительных линий</div></div>		
Итог	Степень дивергенции:		
	Сегментация	Фрагментация	Поляризация

Рис. Модель анализа дивергенции европейских элит

К ним относится критическая оценка того, какие политические группы следует считать на сегодняшний день элитой ЕС в вопросах выработки внешней политики (переменная 1). Не менее важным является установление круга вопросов в отношениях с Россией, формирующих разделительные линии (переменная 2). Третий аспект касается факторов среды, определяющих условия дивергенции (переменная 3). Выбор вопросов определяется функциональной связью между агентом, контекстом и триггерами [19]. Финальная часть модели фиксирует итоговую степень дивергенции. Обозначенная модель в текущем представлении является авторским алгоритмом анализа. Она не формирует итоговую матрицу или систему координат для определения конечных условий каждого из видов разделительных линий. Ее эвристическая ценность состоит в распределении и систематизации наблюдаемых предпосылок создания линий разлома в элитах ЕС. Модель дает возможность зафиксировать характер разделительных линий и конкретизировать состояние дивергенции. Тем самым она позволяет избежать упрощения характера разобщения элит через призму лишь одной составляющей. Далее приведено уточнение причин выбора названных переменных в качестве центральных для модели.

Вопрос политических кругов (переменная 1) имеет принципиальное значение, поскольку во многом определяет структурную сложность актуальной системы принятия внешнеполитических решений в Европе. Первичным допущением при этом является понимание европейского пространства (и пространства коллективного Запада в рамках европейских границ) связанным с интеграционными структурами,

прежде всего с ЕС. Это допущение, безусловно, не учитывает, что не все страны Европы интегрированы в институты ЕС (Великобритания, Норвегия, Швейцария). Однако в целях выявления закономерностей поляризации в элитах недружественных стран, а также с учетом роли ЕС в координации антироссийских мер это допущение считается приемлемым.

Из этого допущения вытекает и ключевая особенность современных политических систем большинства государств Европы, а именно их многоуровневая структура, сочетающая в себе национальные и наднациональные черты [20—22] и, следовательно, национальную и наднациональную политическую элиту [23; 24]. Первая отражена в классических партийных связях и связи с центральными органами власти. Вторая, наднациональная, ассоциирована с евроинститутами (Еврокомиссия, Европарламент, Европейская служба внешних связей (ЕСВС) и т.д.) и представлена назначаемой «евробюрократией» и избираемыми европарламентариями. Сложившийся институциональный баланс в ЕС говорит о том, что часть институтов — Совет министров и Европейский совет — обеспечивает статус и функции национальных элит. Другие евроинституты представляют скорее союзную, чем национальную элиту. Однако наднациональные политические группы имеют непосредственную связь с национальными государствами, так как нередко наблюдается трансфер национальной элиты в разряд наднациональной и наоборот.

У каждой из элит наблюдается своя внутригрупповая идентичность [15]. В рамках всей системы национальные элиты сохраняют ключевую роль в определении политического курса. Но управление внешнеполитическими вопросами осложняется комбинацией из приоритетов политической элиты ЕС (европарламентариев и евробюрократов) в сочетании с полицентричной системой национальных сил. Подобная тенденция закрепились с момента получения ЕС международной правосубъектности и создания постоянно действующего внешнеполитического института (ЕСВС) [25; 26]. Вместе с тем если национальная элита имеет высокий уровень легитимации, так как связана чаще всего с институтом выборов, то евробюрократия испытывает дефицит легитимации, также обозначаемый как «демократический дефицит» [27; 28]. Институциональные процедуры назначения евробюрократов даже с учетом реформ, предпринятых в XXI в., не полностью зависят от выбора граждан ЕС.

В совокупности политическое пространство ЕС — многосоставная система элит, включающая национальные политические элиты, которые могут объединиться для осуществления деятельности на европейском уровне, а также собственно политическую элиту ЕС. Следует отметить, что из системы упускаются бизнес-элиты, гражданское общество и другие участники политического процесса, так как они имеют опосредованное (хотя и важное) влияние на процесс принятия политических решений и требуют отдельного рассмотрения.

Вторая, контекстуальная часть модели (переменная 2) отражает те аспекты отношений с Россией, которые формируют повод для образования разделительных линий в вопросах внешней политики. Основой являются два центральных противоречия: вопросы социально-экономического характера и военно-политического противоборства. Они сформировались с начала санкционного противостояния и информационного противоборства ЕС и России с середины 2010-х гг. [29; 30]. Оба вопроса находятся в логической связке, но могут в разной степени способствовать дивергенции элит.

В современных условиях они включают в первом случае степень разрыва отношений с Россией, а во втором — степень участия в конфликте на Украине. К категории разрыва отношений относятся прежде всего варьирующиеся санкционные меры и разного рода формы сокращения социально-экономических и культурных

контактов с Россией. Участие же в конфликте на Украине означает смену роли ЕС и его элит со статуса конкурента на статус недружественных государств и объединений. Это выражается в различных формах: от гуманитарной помощи до дискуссий о возможной отправке ограниченного военного контингента.

Важно подчеркнуть, что создание разделительных линий, как и сама дивергенция, это скорее процесс, а не состояние, отражающий межэлитную динамику. В пространстве ЕС фактор России как тематическое поле для дробления элит создает одновременно повод для всех трех ступеней дивергенции, зависящих напрямую от факторов, обостряющих трения между элитами (переменная 3). Основу для анализа подобных факторов можно найти в рамках социальных переменных [31], к которым относятся:

- географическая привязка (граница с Россией);
- тональность нарратива о «внешней угрозе»;
- институциональные рамки;
- внутренняя и внешняя идеологическая дивергенция;
- статус в рамках власти (правящий или оппозиционный).

Перечень переменных не является исчерпывающим, но на концептуальном уровне существенной выступает сама связь между факторами и уровнем дивергенции, которые находятся в системной зависимости от уровня элиты и рассматриваемых вопросов в конкретный промежуток времени. В зависимости от эмпирической основы отдельные факторы будут иметь более весомое значение для определения дивергенции элит. Так, можно предположить, что идеологическая дивергенция правых и левых сил по вопросам материальной поддержки Украины будет важна среди евродепутатов, но практически не будет выявлена среди евробюрократов. При этом характер дивергенции (фрагментация, поляризации и т.д.) могут определяться непосредственным положением в рамках власти — доминирующим или маргинальным. В то же время существуют свидетельства [32] географической привязки, провоцирующей фрагментацию национального сегмента элиты ЕС в вопросах снижения поддержки разрыва отношений с Россией.

Таким образом, представленная модель анализа включает совокупность из теоретических концепций и практических переменных, формирующих единое проблемное поле для установления «глубины» разделительных линий. Модель требует дальнейшей доработки с точки зрения внедрения количественных средств оценки и отслеживания динамики дивергенции. Однако в представленном виде она позволяет произвести первичную классификацию примеров образования разделительных линий между элитами ЕС и тем самым осуществить ее ограниченную апробацию.

Россия как фактор появления разделительных линий

Постепенное формирование наднациональной евроэлиты, предварившее современную конфронтацию между Западом и Россией, создало контекст, в котором закрепление противоречий межэлитного консенсуса сопровождало поиск евроэлитой своего места в политической системе ЕС. Многосоставная природа при доминирующей роли национальных государств обусловила одновременное ограничение национальных интересов для нужд консенсуса, вынуждая искать баланс приоритетов на разных уровнях системы [29]. Однако закрепление через балансирование ограничений интересов элит и государств (как через санкции, так и через нормативное давление) создает повод для дробления. Причиной тому является отсутствие доминирующей силы, которую лишь частично заполняют руководители ЕС в тандеме с

ведущими странами объединения. Все это определяет условия дивергенции элит на наднациональном уровне (с проекцией на государства) при формировании общей внешней политики по отношению к России.

Особенность дивергенции элит ЕС можно установить через примеры с разной степенью центробежных сил. Дальнейший анализ ситуативных примеров иллюстрирует каждую из представленных в теоретической части ситуаций с последующим отражением введенных ранее переменных.

Сегментация элит ЕС

Система элит ЕС подразумевает, что политическая неоднородность и сегментация в европейских странах является и без условий внешней конфронтации состоянием нормы. Так, еще до начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. на Западе наблюдались линии разлома на трансатлантическом (в транснациональном и трансправительственном проявлениях) [33], внутрирегиональном (между Западной Европой и Восточной) и внутригосударственном уровнях [34]. Подобные конфликты не в полной мере могут быть восприняты как межгосударственные, так как в них вырисовывается компонент противостояния условно либерального и консервативного векторов многосоставной европейской элиты.

Отдельные примеры разделительных линий стали прямыми предшественниками дальнейших линий разлома в контексте начала СВО. Так, непоследовательный курс немецких элит по отношению к «Северному потоку-2» получил прямое продолжение в рамках неоднородной реакции по вопросам санкций и сокращения экономических контактов с Россией после 2022 г. Это указывает на наличие целого пласта преимущественно национальных предпосылок [35; 36], выступивших основой для внутриэлитного раскола уже после обострения конфронтации в 2022 г.

Начало СВО вызвало сравнительно гомогенную коллективную реакцию большей части элиты ЕС, выраженную, в частности, в позиции Европейского совета¹, дублируемой Европейской службой внешних связей² и Европарламентом³. Вместе с тем различные сегменты элиты ЕС выделили свои позиции в дальнейшем по вопросам построения социально-экономических связей с Россией и прежде всего санкций. В частности, показательным стал вопрос введения ценового потолка на нефть, где при преимущественной поддержке самой меры наблюдалась дивергенция⁴. Так, польские и балтийские политики отклонялись от консенсусного решения в сторону более низкого потолка цен⁵, в то время как Венгрия и ряд других стран

¹ Special meeting of the European Council, 24 February 2022, *European Council*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2022/02/24/> (дата обращения: 14.03.2024).

² HR/VP Press Statement on Russia's aggression against Ukraine, 24.02.2022, *EEAS*, URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/hrvp-press-statement-russias-aggression-against-ukraine_en (дата обращения: 14.03.2024).

³ European Parliament resolution of 1 March 2022 on the Russian aggression against Ukraine (2022/2564(RSP)), URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ EU struggles to agree Russian oil product price cap, seeks Friday deal, 01.02.2023, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/business/energy/eu-struggles-agree-russian-oil-product-price-cap-seeks-friday-deal-2023-02-01/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ EU Debates Russian Oil Price Cap as Low as \$62 as Talks Slow, 22.11.2022, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-28/eu-states-to-resume-russia-oil-price-cap-talks-monday-evening?srnd=premium-europe> (дата обращения: 14.03.2024).

сохранили право не участвовать в данном механизме¹. Ценовой потолок на российский газ оказался еще большим камнем преткновения, так как вызвал менее однородную реакцию в европейской среде. Министр энергетики Греции К. Скрекас указывал на то, что «Европа ведет бесполезные дебаты»², в то время как министр иностранных дел Венгрии П. Сийярто подчеркивал, что на пробном голосовании министров энергетики девять стран выступили критически по данному вопросу³, высказавшись против ценового потолка. При этом на уровне наднациональных лидеров ЕС, включая председателя Еврокомиссии У. фон Дер Ляйен, наблюдалось острое стремление к продвижению ограничений в энергетической сфере⁴. В результате был сформулирован динамичный механизм, ставший средством сохранения состояния сегментации без перехода к более острым разделительным линиям в позициях стран и элит.

Показательной является общая сегментация элит ЕС и по факту поддержки Украины в ходе конфликта. Несмотря на доминирование позиции о необходимости всесторонней помощи, важным индикатором становится вопрос о ее степени и форме. Элиты выражают диспропорциональную поддержку различным инициативам: от политических заявлений и базовой гуманитарной помощи до вопросов членства в ЕС и прямого вмешательства. Наиболее насущным вопросом к началу 2024 г. выступает проблема финансирования военных расходов. Так, среди элит присутствуют противоположные позиции по возможности создания совместных облигаций ЕС для финансирования поставок оружия Украине: инициатива поддерживается политиками Франции, Эстонии, Польши, но не Германии, Нидерландов и Австрии⁵. Попытки избежать углубления разделительных линий по этому вопросу предпринимаются на разных уровнях. Для этого политиками ЕС перманентно декларируется исходящее от России желание «длительного конфликта с Западом»⁶, а также принимаются общие резолюции Европарламента⁷ о военном обеспечении Украины.

Исходя из примеров, можно сделать вывод, что факторами сегментации становятся экономические убеждения, как в случае с финансированием военных расходов, или география элит, как в ситуации с потолком на цены. Страны ЕС, имеющие общую границу с Россией, проявляют большее стремление к активной поддержке

¹ Венгрию освободили от применения потолка цен на российскую нефть, 03.12.2022, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/12/2022/638b9f819a79474c6a0321cd> (дата обращения: 14.03.2024).

² EU delays decision on natural gas price cap, countries still at odds, 14.12.2022, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/business/energy/eu-unity-stake-countries-try-break-gas-price-cap-impasse-2022-12-13/> (дата обращения: 14.03.2024).

³ Девять стран ЕС выступили против потолка цен на газ, 19.12.2022, *РИА Новости*, URL: https://ria.ru/20221219/evrosoyuz-1839750917.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Statement by President von der Leyen on energy, 07.09.2022, *European Commission*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5389 (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ Russia doubles down on Ukraine war while EU leaders are divided on how to finance weapons, 21.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/russia-doubles-down-ukraine-war-while-eu-leaders-divided-how-finance-weapons/> (дата обращения: 01.04.2024).

⁶ Finnish leader says Russia is preparing for 'long conflict with the West', 13.03.2024, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finnish-leader-says-russia-is-preparing-long-conflict-with-west-2024-03-13/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁷ Parliament calls on the EU to give Ukraine whatever it needs to defeat Russia, 29.02.2024, *European Parliament*, URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240223IPR18097/parliament-calls-on-the-eu-to-give-ukraine-whatever-it-needs-to-defeat-russia> (дата обращения: 14.03.2024).

Украины, в то время как у стран, отдаленных от России, желание поддержки снижается¹. Данное национальное разделение частично сглаживается при анализе наднационального уровня, где евробюрократия практически не выражает дивергенции, а европарламентарии редко выступают в защиту национальных геополитических приоритетов. Это сводит процесс дивергенции лишь к статусу сегментации.

В то же время, учитывая многосоставной характер элиты, отдельные политические деятели ЕС приходят к пониманию, что «доступное пространство для принятия новых мер становится все более ограниченным»². Дальнейший тренд к интенсификации поддержки Украины повысит степень «воинственной интеграции» [37; 38], что, с другой стороны, потенциально вызовет ответную реакцию противников подобного вектора ЕС уже в формате фрагментации или поляризации. Однако заметность повышения дивергенции будет зависеть от охвата элит, отступающих от тезиса об экзистенциальной необходимости для ЕС наращивания поддержки Украины.

Фрагментация элит ЕС

Попытка использовать внешнюю консолидацию в качестве рычага сближения сопряжена со стремлением к снижению угрозы дивергенции перед лицом общих вызовов [10]. Инициативы в этом направлении были предприняты и представителями элиты крупнейших государств ЕС [38]. Однако интуитивная связь между коллективным внешним противником и консолидацией может быть динамичной [39] и даже обманчивой. В результате может не только не произойти объединения, но и возникнуть прямо противоположная тенденция к фрагментации.

В отдельных случаях поводом для фрагментации служат вопросы о степени поддержки Украины, особенно такие конфронтационные меры, как поставка крылатых ракет *Taurus* или заявления о возможности отправки военного контингента, выдвинутые президентом Франции Э. Макроном³. По этим сюжетам позиции О. Шольца⁴ и Э. Макрона прямо противоположны. О. Шольц открыто заявил, что «на украинской земле не будет ни сухопутных войск, ни солдат, отправленных туда европейскими странами или государствами НАТО»⁵, и высказался против поставок ракет *Taurus*⁶. В этих вопросах дивергенция переходит в качественно новое состо-

¹ As U. S. Support for Ukraine Falters, Europe Splits on Filling the Gap. 10.01.2024, *The New York Times*, URL: <https://www.nytimes.com/2024/01/10/world/europe/ukraine-war-support-europe.html> (дата обращения: 14.03.2024).

² ЕС сообщил о трудностях с согласованием 14 пакета санкций против России, 09.04.2024, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/04/2024/6615901a9a79474b4ac42a4c> (дата обращения: 16.03.2024).

³ Macron calls Russia threat 'existential' ahead of meeting with Tusk, Scholz, 15.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/newsletter/brussels-playbook/macron-calls-russia-threat-existential-ahead-of-meeting-with-tusk-scholz/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ Bundeskanzler Olaf Scholz: Wir erleben eine Zeitenwende, 2022, *Deutscher Bundestag*, URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw08-sondersitzung-882198> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ Send missiles to Ukraine or stand accused of appeasing Russia? Olaf Scholz must choose, 03.04.2024, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/03/send-missiles-to-ukraine-or-stand-accused-of-appeasing-russia-olaf-scholz-must-choose> (дата обращения: 16.03.2024).

⁶ Germany's Scholz says sending Taurus missiles to Ukraine is 'out of the question', 13.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/germanys-scholz-says-sending-taurus-missiles-to-ukraine-is-out-of-the-question/> (дата обращения: 16.03.2024).

ание, так как противоположные позиции закрепляют линии разрыва во мнениях. Принятие противоположной позиции не рассматривается как приемлемое, однако коммуникация по ним продолжается.

Фрагментация во мнениях из-за ситуации с ракетами и наземными войсками на Украине частично объяснима отсутствием прямого лидерства среди национального сегмента европейской элиты. По этой причине евробюрократия¹ и европарламентарии предпринимают попытки сокращения линий разрыва через смещение инициативы в дальнейшей милитаризации на себя. Так, вопреки позиции О. Шольца европарламентарии призывают к отправке ракет *Taurus* на Украину². Однако границы между суверенными и наднациональными инициативами и обоюдное давление лишь дополнительно фрагментируют элиты как внутри государств, так и между уровнями системы элит ЕС по особенно чувствительным вопросам.

Аналогичная тенденция присутствует и в Европарламенте. Вопреки ожидаемой консолидации депутатов, произошел обратный эффект, выявивший существовавшие и до СВО идеологические и региональные разделительные линии [32]. Прежде всего речь идет о разделительной линии между развитыми и развивающимися странами ЕС, а также растущей изоляции депутатов-евроскептиков [40]. Данные тенденции могут быть определены по косвенным индикаторам, а именно по интенсивности сетевых взаимосвязей внутри социальных медиа, наблюдаемых с начала СВО. Так, несмотря на изначальный общий всплеск сетевой активности всех групп европарламентариев с началом конфликта, евроскептические круги снизили свое участие в вербальной поддержке и сетевом обсуждении вопросов, связанных с конфликтом на Украине [32]. Речь идет не только о маргинальных и радикальных группах, но и в целом о сторонниках альтернативной политической повестки. В силу слабой ретрансляции их позиции через классические медиа важной площадкой для них становятся социальные сети, в которых и фиксируется фрагментация.

Подобная тенденция не только иллюстрирует переход к более выраженному виду дивергенции, но и, что показательно, вскрывает фрагментацию единственного института ЕС, избираемого гражданами напрямую. В сравнении с более гомогенной линией евробюрократов это означает, что степень расхождения поддержки европейских инициатив и политики по отношению к России может существенно различаться при сопоставлении избираемой и назначаемой части европейской элиты. Это способствует, в свою очередь, фрагментации не только политических групп внутри Европарламента, но и различных частей наднациональной евроэлиты.

Поляризация элит ЕС

Наиболее проблемной составляющей в вопросах внешней политики ЕС является идеологическая дивергенция, пересекающаяся с вопросом связей различных элит с Россией. В научном и политическом дискурсе закрепилось представление о прямой зависимости европейских правоконсервативных кругов от России или о близости с ней [41; 42]. Однако на деле ситуация складывается двойственно. Обзор 37 крайне правых партий [43] и анализ их деятельности в Европарламенте [44] показывает, что фрагментация существует и между ними. Часть элит стремительно

¹ Von der Leyen wants to be a wartime president. Now she has to convince EU leaders, 21.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-wartime-president-ukraine-eu-rope-election/> (дата обращения: 16.03.2024).

² Parliament calls on the EU to give Ukraine whatever it needs to defeat Russia, 29.02.2024, *European Parliament*, URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240223IPR18097/parliament-calls-on-the-eu-to-give-ukraine-whatever-it-needs-to-defeat-russia> (дата обращения: 16.03.2024).

отмежевалась от поддержки России после начала СВО¹, а другие, используя культурно-цивилизационные аргументы, оправдывают свою позицию по отношению к политике России².

Еще более важным является то, что сдвиги в европейской политике и номинальная консолидация европейского пространства не смогли «делегитимировать» правые идеологические взгляды. После кратковременного отката они, наоборот, вызвали рост электоральной поддержки правых сил. Часть правых политиков воспользовалась пророссийской риторикой в качестве инструмента критики ухудшения экономического положения в Европе [43]. Эти наблюдения воспроизводимы в рамках как национального, так и наднационального сегмента евроэлиты, что формирует основу для перехода политической дивергенции в стадию поляризации. Вместе с тем данная тенденция происходит на политической периферии и часто прослеживается в кругах, имеющих высокие культурные и экономические связи с Россией.

Наиболее ярким проявлением поляризации при этом становится прямое стремление политического мейнстрима заблокировать политическую повестку пророссийски настроенных правых кругов. В 2024 г. в преддверии выборов в Европейский парламент это стремление получило отражение в скандале вокруг издания «Voice of Europe»³, пропагандирующего пророссийские взгляды по вопросам санкций и ситуации на Украине. Весьма остро данная ситуация затронула немецких крайне правых политиков⁴, однако распространилась и на представителей аналогичных политических кругов⁵ Франции, Италии, Нидерландов и др. В выступлении У. фон Дер Ляйен звучало особое беспокойство тем, что представители правой элиты противодействуют ЕС⁶.

Идеологическая дивергенция в сочетании с наметившейся поляризацией по вопросам взаимодействия с Россией наблюдается не только в правых политических кругах, но в отдельных случаях и на противоположной, левой стороне политического спектра. Дифференцированное понимание левого течения показывает, что одна его часть — это идеологически посткоммунистические течения, а другая — течения социал-демократического толка. На идеологическую разобщенность левых сил указывают более пророссийские взгляды со стороны первых (выраженные, к примеру, в прямых призывах этих немецких левых сил к мирному урегулированию⁷) и явная антироссийская позиция вторых [31]. Но, как и в случае с правым течением, подобная тенденция отражает скорее маргинальные, а не основные политические противоречия в Европе.

¹ What are Marine Le Pen's ties to Vladimir Putin's Russia? 21.04.2022, *Le Monde*, URL: https://www.lemonde.fr/en/les-decodeurs/article/2022/04/21/what-are-marine-le-pen-s-ties-to-vladimir-putin-s-russia_5981192_8.html (дата обращения: 16.03.2024).

² Голландский депутат покинул группу в Европарламенте из-за позиции по России, 25.10.2022, *РИА Новости*, URL: <https://ria.ru/20221025/evroparlament-1826603223.html> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Russian influence scandal rocks EU, 29.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/voice-of-europe-russia-influence-scandal-election/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ EU's Russiagate hits German far right, 03.04.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/russiagate-hits-german-far-right-european-parliament-afd/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ 'I hope Ukraine will lose': What MEPs told Russian propaganda channel, 11.04.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/i-hope-ukraine-will-lose-meps-russian-propaganda-channel/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁶ Von der Leyen castigates far-right AfD over Russiagate scandal. 13.04.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-germany-afd-russia-scandal-voice-of-europe/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ Mehr Milliarden für den Krieg, 14.03.2024, *Die Linke im Europäischen Parlament*, URL: <https://dielinke-europa.eu/2024/mehr-milliarden-fuer-den-krieg/> (дата обращения: 16.03.2024).

Если рассматривать поляризацию не с точки зрения поддержки России, а с позиции оценки действий по поддержке Украины в рамках СВО, то разделительные линии намечаются между правящими элитами и оппозиционными силами [45]. В особенности это затрагивает вопросы эффективности санкций¹. Оппозиционные силы, вопреки ожиданиям консолидации, часто используют конфликт и его национальные издержки в качестве инструмента усиления своей электоральной поддержки. При этом провоенная политика действующих властей позиционируется с точки зрения зависимости от выбранного пути. В данном вопросе выборы в Европарламент также намечают тенденцию именно к поляризации, что подтверждается ростом опасений² об усилении оппозиционных и радикальных сил в новом составе Европарламента.

Таким образом, опыт ЕС иллюстрирует многофакторную и сложную для анализа среду, в которой образование разделительных линий по внешнеполитическим вопросам сочетается с разной степенью дивергенции. Поляризация между поддержкой и противопоставлением политики России в среде европейских элит носит ограниченный и маргинальный характер, в то время как фрагментация и сегментация имеют более выраженное проявление. В отдельных случаях существующие в публичном пространстве политические ожидания от поляризации не совпадают с реальными разделительными линиями. По этой причине применение градации степени дивергенции позволяет избежать ложного определения реальной общеевропейской повестки. Оно четко объясняет структуру коммуникации элит ЕС, в частности между бюрократией и партийными элитами.

Заключение

Представляется, что сформулированная нами модель изучения разделительных линий элит ЕС по вопросам отношений с Россией имеет три принципиально важных переменных для анализа. Во-первых, основой выступает градация степени дивергенции элит, формирующей разделительные линии. Она включает в себя сегментацию элит, их фрагментацию и поляризацию. Во-вторых, многосоставный характер элиты ЕС требует включения в рамки анализа европейских наднациональных элит (избираемых и назначаемых) наравне с традиционными национальными элитами. Представителям государственной элиты при этом отводится роль артикуляции интересов на уровне отдельных институтов ЕС. В-третьих, принципиальное значение имеет форма постановки вопроса об отношениях с Россией, по которому возможно формирование разделительных линий. Так, наблюдается показательная разница среди элит в зависимости от того, идет ли речь о степени разрыва отношений с Россией (экономических, культурных и т. д.), или о степени участия в конфликте на Украине. Кроме того, большое значение в определении разрывов и степени дивергенции играют географические и идеологические переменные, которые сочетаются со статусом той или иной элиты в рамках властных структур. Данные факторы чаще всего и определяют итоговое воплощение степени дивергенции элит.

Реальная поляризация (с наивысшей степенью разделительных линий) кроется в поиске наднациональными элитами средств для репутационного роста, а также способов активизации процесса «воинственной интеграции». В идеологически и географически разделенных политических кругах это воспринимается полярно, особенно в условиях наднационального демократического дефицита. Рост полярности соотносится с переходом обсуждаемой проблематики из социально-эконо-

¹ Оппозиция Австрии считает, что от санкций ЕС против РФ выиграли Индия, КНР и США, 28.02.2024, TACC, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20100345> (дата обращения: 16.03.2024).

² A Far-Right Takeover of Europe Is Underway, 13.03.2024, *Foreign Policy*, URL: <https://foreign-policy.com/2024/03/13/eu-parliament-elections-populism-far-right/> (дата обращения: 16.03.2024).

мической области в военно-политическую сферу. Расхождение запросов национальных или идеологических групп по этим вопросам в составе наднациональных органов способен потенциально спровоцировать переход элит на более высокие ступени дивергенции.

Вместе с тем, как показывает многоуровневый анализ проблематики в ЕС, жесткая поляризация, а следовательно, и появление глубоких разделительных линий остаются в текущих условиях скорее гипотетическим сценарием развития для элит ЕС. Реальное положение дел связано лишь с наличием тенденции к обострению сегментации, переходящей по отдельным разделительным линиям в фазу фрагментации. Именно это явление снижает вероятность сохранения консолидированной позиции элит и стран ЕС по России, в то время как наличие определенных политических групп, выступающих против наращивания конфронтации, а также институциональные сложности создают условия для углубления разделительных линий.

Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01280 «Разделительные линии в правящих кругах Запада при формировании политики в отношении России в условиях современной конфронтации».

Список литературы

1. Котта, М. 2012, Политические элиты и становление политической системы на примере Европейского союза, *Сравнительная политика*, т. 3, № 3, с. 24—45. EDN: QCMETL
2. Kubacki, K., Rundle-Thiele S., Pang B., Carins J., Parkinson J., Fujihira H., Ronto R. 2017, An Umbrella Review of the Use of Segmentation in Social Marketing Interventions, In: Dietrich, T., Rundle-Thiele, S., Kubacki, K. (eds.), *Segmentation in Social Marketing*, Springer, Singapore, https://doi.org/10.1007/978-981-10-1835-0_2
3. D'Annunzio, A., Russo, A. 2015, Net Neutrality and internet fragmentation: The role of online advertising, *International Journal of Industrial Organization*, vol. 43, p. 30—47, <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2015.07.009>
4. Dahlberg, L. 2007, Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation, *New Media & Society*, vol. 9, № 5, p. 827—847, <https://doi.org/10.1177/1461444807081228>
5. Zanotti, L. 2022, Populism and Polarisation, in: *The Populism Interviews*, Routledge.
6. Белоборова, О. Д. 2016, Социальная фрагментация как сущностный феномен дифференциации, *PolitBook*, № 4, с. 56—64. EDN: ZBJVJJ
7. Колядин, А. М. 2016, Политическая элита и национально-государственная идеология, *Юридическая наука: история и современность*, № 12, с. 178—184. EDN: YWUNZY
8. Banda, K. K., Cluverius, J. 2018, Elite polarization, party extremity, and affective polarization, *Electoral Studies*, vol. 56, p. 90—101, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.09.009>
9. Enders, A. M. 2021, Issues versus Affect: How Do Elite and Mass Polarization Compare?, *The Journal of Politics*, vol. 83, № 4, p. 1872—1877, <https://doi.org/10.1086/715059>
10. Myrick, R. 2021, Do External Threats Unite or Divide? Security Crises, Rivalries, and Polarization in American Foreign Policy, *International Organization*, vol. 75, № 4, p. 921—958, <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
11. Orian Harel, T., Maoz, I., Halperin, E. 2020, A conflict within a conflict: intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict, *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 34, p. 52—57, <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
12. Sohlberg, J. 2017, The Effect of Elite Polarization: A Comparative Perspective on How Party Elites Influence Attitudes and Behavior on Climate Change in the European Union, *Sustainability*, vol. 9, № 1, 39, <https://doi.org/10.3390/su9010039>
13. Кучеров, М. А., Харкевич, М. В. 2024, «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности, *Вестник московского университета. Сер. XXV. Международные отношения и мировая политика*, т. 15, № 4, с. 61—83, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83>

14. Hooghe, L., Marks, G. 2009, A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus, *British Journal of Political Science*, vol. 39, № 1, <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
15. Braun, M. 2020, Postfunctionalism, Identity and the Visegrad Group, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 58, № 4, p. 925—940, <https://doi.org/10.1111/jcms.12994>
16. Funke, M., Schularick, M., Trebesch, C. 2023, Populist Leaders and the Economy, *American Economic Review*, vol. 113, № 12, p. 3249—3288, <https://doi.org/10.1257/aer.20202045>
17. Snower, D. J., Bosworth, S. J. 2021, Economic, social and political fragmentation: Linking knowledge-biased growth, identity, populism and protectionism, *European Journal of Political Economy*, vol. 67, 101965, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101965>
18. Карабущенко, П. Л., Оськина, О. И. 2021, Постправда карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада, *Современная наука и инновации*, № 2, с. 187—196, <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2021.2.20>
19. Macy, M. W., Willer, R. 2002, From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling, *Annual Review of Sociology*, vol. 28, p. 143—166, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117>
20. Bache, I., Flinders, M. 2004, *Multi-level Governance*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/0199259259.001.0001>
21. Оленченко, В. А., Межевич, Н. М. 2021, Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии, *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 25—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>
22. Стрежнева, М. В. 2009, Структурирование политического пространства в Европейском союзе (многоуровневое управление), *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, с. 38—49. EDN: LHJKNT
23. Cotta, M. 2012, Political Elites and a Polity in the Making: The Case of the EU, *Historical Social Research*, vol. 37, № 1, p. 167—192.
24. Lengyel, G., Best, H., Verzichelli, L. (eds.). 2012, *The Europe of Elites, A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites*, URL: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199602315.do> (дата обращения: 15.04.2024).
25. Sperling, J., Webber, M. 2019, The European Union, Security Governance and Collective Securitization, *West European Politics*, vol. 42, p. 228—260, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510193>
26. Henökl, T. 2020, An alternative reading of EU foreign policy administration, *The Routledge Handbook of Critical European Studies*, Routledge.
27. Hurrelmann, A., DeBardeleben, J. 2009, Democratic dilemmas in EU multilevel governance: untangling the Gordian knot, *European Political Science Review*, vol. 1, № 2, p. 229—247, <https://doi.org/10.1017/S1755773909000137>
28. Nicoli, F. 2020, Democratic Deficit and Its Counter-Movements: The Eurocentric-Eurosceptic Divide in Times of Functional Legitimacy: In Baldassari, M. et al. (eds.), *Anti-Europeanism: Critical Perspectives Towards the European Union*, Cham, Springer International Publishing, p. 13—29, https://doi.org/10.1007/978-3-030-24428-6_2
29. Portela, C., Pospieszna, P., Skrzypczyńska, J., Walentek, D. 2021, Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia, *Journal of European Integration*, 43, № 6, p. 683—699, <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
30. Giumelli, F. 2017, The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 55, № 5, p. 1062—1080, <https://doi.org/10.1111/jcms.12548>
31. Stolle, D. 2024, Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans?, *European Political Science*, vol. 23, p. 218—233, <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
32. Chueri, J., Törnberg, P. 2024, Did Russia's invasion of Ukraine unite Europe? Cohesion and divisions of the European Parliament on Twitter', *Political Research Exchange*, vol. 6, № 1, 2299121, <https://doi.org/10.1080/2474736X.2023.2299121>

33. Романова, Т.А. 2017, Уровни анализа как инструмент оценки эволюции отношений России и Евросоюза, *Современная Европа*, №2, с. 30—42, <https://doi.org/10.15211/soveurope220173042>
34. Леушкин, Д. В., Самойлов, Н. Г. 2022, Логика столкновения “демократий” с “автократиями” в видении европейских и американских элит, *Современная Европа*, №1, с. 208—219. EDN: FIBAPB
35. Романова, Т.А., Павлова, Е.Б. 2013, Россия и страны Евросоюза: партнерство для модернизации, *Мировая экономика и международные отношения*, №8, с. 54—61. EDN: QZPYLX
36. David, D., Gower, J., Haukkala, H. 2013, *National Perspectives on Russia: European Foreign Policy in the Making?*, Routledge.
37. Genschel, P. 2022, Bellicist integration? The war in Ukraine, the European Union and core state powers, *Journal of European Public Policy*, vol. 29, №12, p. 1885—1900, <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141823>
38. Genschel, P., Leek, L., Weyns, J. 2023, War and integration. The Russian attack on Ukraine and the institutional development of the EU, *Journal of European Integration*, vol. 45, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2183397>
39. Evrigenis, I. D. 2007, *Fear of Enemies and Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509636>
40. Wellings, B. 2023, Nationalism and European disintegration, *Nations and Nationalism*, vol. 29, №4, p. 1164—1178, <https://doi.org/10.1111/nana.12884>
41. Ramos, J. M., Raab, N. 2022, Russia Abroad, Russia at Home: The Paradox of Russia’s Support for the Far Right, *Russian Politics*, vol. 7, №1, p. 69—97, <https://doi.org/10.30965/24518921-00604012>
42. Shekhovtsov, A. 2017, *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315560991>
43. Ivaldi, G., Zankina, E. (eds.). 2023, *The impact of the Russia–Ukraine War on right-wing populism in Europe*. European Center for Populism Studies (ECPS), Brussels, <https://doi.org/10.55271/rp0010>
44. Holesch, A., Zagórski, P. 2023, Toxic friend? The impact of the Russian invasion on democratic backsliding and PRR cooperation in Europe, *West European Politics*, vol. 46, №6, p. 1178—1204, <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2202981>
45. Hooghe, L. Marks, G., Bakker, R., Jolly, S., Polk, J., Rovny, J., Steenbergen, M., Vachudova, M.A. 2024, The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine’, *European Union Politics*, <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>

Об авторах

Константин Константинович Худoley, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0666-1120>

Юрий Юрьевич Колотаев, ассистент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

DIVIDING LINES IN THE EU'S COMMON FOREIGN POLICY: RUSSIA AS A POLARISING FACTOR

K. K. Khudoley

Y. Y. Kolotaev

Saint Petersburg University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Received 20 April 2024

Accepted 15 July 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5

© Khudoley, K. K., Kolotaev, Y. Y., 2024

Amid the ongoing confrontation between Russia and the West, the processes of consolidation and divergence among political elites are crucial for understanding the mechanisms that form dividing lines. This is particularly important when examining the elites of the European Union in their opposition to Russia. This article aims to develop a framework for analysing the dividing lines among EU elites in the context of relations with Russia. The analysis employs a multi-tier model establishing a relationship between the 'depth' of a dividing line and the degree of elite disunity. The model includes two levels of analysis of dividing lines within the EU: supranational and national. The research demonstrates that, depending on the degree of interest misalignment and the availability of communication channels, elite divergence can result in segmentation, fragmentation or polarisation. Each of the tiers of divergence increasingly reduces the likelihood of forming a common EU position on foreign policy issues. All three tendencies — segmentation, fragmentation and polarisation — are observed within the EU in relation to Russia at different levels of elite analysis. Crucial to the formation of a dividing line is the aspect of EU–Russia relations in question: the degree of distancing from the country or support for, and funding of, containment. Additional variables include factors such as the regional affiliation of the elite, their ideology and position within the power structure. Among all levels of analysis, polarisation is most evident in the efforts of supranational elites to promote 'militant integration', which conflicts with the interests of national elites and citizens of member states.

Keywords:

Russia, European Union, Europe, elites, dividing lines, fragmentation, polarisation, segmentation

References

1. Kotta, M. 2012, Political elites and the formation of political system on the example of the European Union, *Comparative politics*, vol. 3, № 3, p. 24–45. EDN: QCMETL
2. Kubacki, K., Rundle-Thiele, S., Pang, B., Carins, J., Parkinson, J., Fujihira, H., Ronto, R. 2017, An Umbrella Review of the Use of Segmentation in Social Marketing Interventions, In: Dietrich, T., Rundle-Thiele, S., Kubacki, K. (eds.), *Segmentation in Social Marketing*, Springer, Singapore, https://doi.org/10.1007/978-981-10-1835-0_2
3. D'Annunzio, A., Russo, A. 2015, Net Neutrality and internet fragmentation: The role of online advertising, *International Journal of Industrial Organization*, vol. 43, p. 30–47, <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2015.07.009>

To cite this article: Khudoley, K. K., Kolotaev, Y. Y., 2024, Dividing lines in the EU's common foreign policy: Russia as a polarising factor, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 87–107. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5

4. Dahlberg, L. 2007, Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation, *New Media & Society*, vol. 9, № 5, p. 827—847, <https://doi.org/10.1177/1461444807081228>
5. Zanotti, L. 2022, Populism and Polarisation, in: *The Populism Interviews*, Routledge.
6. Belobrova, O. 2016, Social fragmentation as the essential phenomenon of differentiation, *PolitBook*, № 4, p. 56—64. EDN: ZBJVJJ
7. Kolyadin, A. M. 2016, Political elite and national-state ideology, *Legal science: history and the presence*, № 12, p. 178—184. EDN: YWUNZY
8. Banda, K. K., Cluverius, J. 2018, Elite polarization, party extremity, and affective polarization, *Electoral Studies*, vol. 56, p. 90—101, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.09.009>
9. Enders, A. M. 2021, Issues versus Affect: How Do Elite and Mass Polarization Compare?, *The Journal of Politics*, vol. 83, № 4, p. 1872—1877, <https://doi.org/10.1086/715059>
10. Myrick, R. 2021, Do External Threats Unite or Divide? Security Crises, Rivalries, and Polarization in American Foreign Policy, *International Organization*, vol. 75, № 4, p. 921—958, <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
11. Orian Harel, T., Maoz, I., Halperin, E. 2020, A conflict within a conflict: intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict, *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 34, p. 52—57, <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
12. Sohlberg, J. 2017, The Effect of Elite Polarization: A Comparative Perspective on How Party Elites Influence Attitudes and Behavior on Climate Change in the European Union, *Sustainability*, vol. 9, № 1, p. 39, <https://doi.org/10.3390/su9010039>
13. Kuchеров, M. A., Kharkevich, M. V. 2023, 'Bottom-up securitization': A visual turn in security studies, *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, № 4, p. 61—83, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83> (in Russ.).
14. Hooghe, L., Marks, G. 2009, A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus, *British Journal of Political Science*, vol. 39, № 1, <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
15. Braun, M. 2020, Postfunctionalism, Identity and the Visegrad Group, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 58, № 4, p. 925—940, <https://doi.org/10.1111/jcms.12994>
16. Funke, M., Schularick, M., Trebesch, C. 2023, Populist Leaders and the Economy, *American Economic Review*, vol. 113, № 12, p. 3249—3288, <https://doi.org/10.1257/aer.20202045>
17. Snower, D. J., Bosworth, S. J. 2021, Economic, social and political fragmentation: Linking knowledge-biased growth, identity, populism and protectionism, *European Journal of Political Economy*, vol. 67, 101965, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101965>
18. Karabushenko, P. L., Oskina, O. I. 2021, The post-truth of carnival political culture of the modern collective western elite, *Modern Science and Innovations*, № 2, p. 187—196, <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2021.2.20>
19. Macy, M. W., Willer, R. 2002, From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling, *Annual Review of Sociology*, vol. 28, p. 143—166, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117>
20. Bache, I., Flinders, M. 2004, *Multi-level Governance*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/0199259259.001.0001>
21. Olenchenko, V. A., Mezhevich, N. M. 2021. The Visegrad Group and the Baltic Assembly: coalitions within the EU as seen through Russian foreign policy, *Baltic Region*, vol. 13, № 3, p. 25—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>
22. Strezhneva, M. V. 2009, Structuring of political space in European Union, *World Economy and International Relations*, № 12, p. 38—49. EDN: LHJKNT
23. Cotta, M. 2012, Political Elites and a Polity in the Making: The Case of the EU, *Historical Social Research*, vol. 37, № 1, p. 167—192.
24. Lengyel, G., Best, H., Verzichelli, L. (eds.). 2012, *The Europe of Elites. A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites*, URL: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199602315.do> (accessed 15.04.2024).
25. Sperling, J., Webber, M. 2019, The European Union, Security Governance and Collective Securitization, *West European Politics*, vol. 42, p. 228—260, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510193>

26. Henökl, T. 2020, An alternative reading of EU foreign policy administration, *The Routledge Handbook of Critical European Studies*, Routledge.
27. Hurrelmann, A., DeBardeleben, J. 2009, Democratic dilemmas in EU multilevel governance: untangling the Gordian knot, *European Political Science Review*, vol. 1, № 2, p. 229—247, <https://doi.org/10.1017/S1755773909000137>
28. Nicoli, F. 2020, Democratic Deficit and Its Counter-Movements: The Eurocentric-Euro-sceptic Divide in Times of Functional Legitimacy: In Baldassari, M. et al. (eds.), *Anti-European-ism: Critical Perspectives Towards the European Union*, Cham, Springer International Publishing, p. 13—29, https://doi.org/10.1007/978-3-030-24428-6_2
29. Portela, C., Pospieszna, P., Skrzypczyńska, J., Walentek, D. 2021, Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia, *Journal of European Integration*, 43, № 6, p. 683—699, <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
30. Giumelli, F. 2017, The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 55, № 5, p. 1062—1080, <https://doi.org/10.1111/jcms.12548>.
31. Stolle, D. 2024, Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans?, *European Political Science*, vol. 23, p. 218—233, <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
32. Chueri, J., Törnberg, P. 2024, Did Russia's invasion of Ukraine unite Europe? Cohesion and divisions of the European Parliament on Twitter', *Political Research Exchange*, vol. 6, № 1, 2299121, <https://doi.org/10.1080/2474736X.2023.2299121>
33. Romanova, T. A. 2017, Levels of analysis as an instrument to assess the evolution of Eu-Russian relations, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 30—42, <https://doi.org/10.15211/soveurope220173042>
34. Leushkin, D. V., Samoilov, N. G. 2022, Logic of Confrontation between “Democracies” and “Autocracies” viewed by European and American Elites, *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 208—219. EDN: FIBAPB
35. Romanova, T. A., Pavlova, E. B. 2013, Russian and EC countries: partnership for modernization, *World Economy and International Relations*, № 8, p. 54—61. EDN: QZPYLX
36. David, D., Gower, J., Haukkala, H. 2013, *National Perspectives on Russia: European Foreign Policy in the Making?*, Routledge.
37. Genschel, P. 2022, Bellicist integration? The war in Ukraine, the European Union and core state powers, *Journal of European Public Policy*, vol. 29, № 12, p. 1885—1900, <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141823>
38. Genschel, P., Leek, L., Weyns, J. 2023, War and integration. The Russian attack on Ukraine and the institutional development of the EU, *Journal of European Integration*, vol. 45, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2183397>
39. Evrigenis, I. D. 2007, *Fear of Enemies and Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509636>
40. Wellings, B. 2023, Nationalism and European disintegration, *Nations and Nationalism*, vol. 29, № 4, p. 1164—1178, <https://doi.org/10.1111/nana.12884>
41. Ramos, J. M., Raab, N. 2022, Russia Abroad, Russia at Home: The Paradox of Russia's Support for the Far Right, *Russian Politics*, vol. 7, № 1, p. 69—97, <https://doi.org/10.30965/24518921-00604012>
42. Shekhovtsov, A. 2017, *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315560991>
43. Ivaldi, G., Zankina, E. (eds.). 2023, *The impact of the Russia-Ukraine War on right-wing populism in Europe*, European Center for Populism Studies (ECPS), Brussels, <https://doi.org/10.55271/rp0010>
44. Holesch, A., Zagórski, P. 2023, Toxic friend? The impact of the Russian invasion on democratic backsliding and PRR cooperation in Europe, *West European Politics*, vol. 46, № 6, p. 1178—1204, <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2202981>

45. Hooghe, L. Marks, G., Bakker, R., Jolly, S., Polk, J., Rovny, J., Steenbergen, M., Vachudova, M.A. 2024, The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine', *European Union Politics*, <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>

The authors

Prof Konstantin K. Khudoley, Head of the Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0666-1120>

Yury Y. Kolotaev, Assistant professor, Department of European Studies, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КУРС НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: НОВЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Н. В. Смородинская

Д. Д. Катуков

Институт экономики РАН,
117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32

Поступила в редакцию 06.08.2024 г.
Принята к публикации 07.09.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-6
© Смородинская Н. В., Катуков Д. Д.,
2024

Исследуется глобальный тренд начала 2020-х гг., связанный с секьюритизацией промышленных стратегий и курсом на технологическую самодостаточность / суверенитет (ТС) развитых и развивающихся стран в условиях геополитической фрагментации мировой экономики. Выявлены характерные черты этого процесса в контексте эволюции моделей промышленной политики. Рассмотрены параметры (мотивы, задачи, инструменты, риски) курса на ТС в странах Запада (ЕС и США) и у ведущих стран — участниц БРИКС (Китай, Индия, Бразилия). Показано, что страны Запада стремятся к продуктовой и технологической независимости от Китая при завоевании глобального лидерства в сфере полупроводниковых (США) и зеленых (ЕС) технологий; Китай — к центральному месту в мировой экономике при технологической независимости от Запада, а курс на ТС в Индии и Бразилии обусловлен структурными проблемами их экономик и рисками замедления роста. На этом фоне проанализирован курс на ТС в России: его логика, модель проектов, ограничения и риски реализации в условиях санкционного давления. Выявлены отличия российского курса от зарубежных аналогов и риски возрастания технологической зависимости России от Китая. Сделан вывод, что достижение ТС, диктуемое соображениями безопасности, может оказаться более трудной задачей, чем ожидают правительства всех типов стран.

Ключевые слова:

технологический суверенитет, экономическая самодостаточность, геополитическая фрагментация, секьюритизация промышленной политики, френдшоринг, критические технологии, декаплинг США и Китая, российская технологическая политика

В результате тридцатилетнего развития глобализации, основанной на политике открытых рынков, и расширения многосторонней кооперации взаимозависимость национальных экономик настолько сильно возросла, что преимущества их участия в глобальных цепочках и углубленном разделении труда стали подрываться в ходе возникающих конфликтов.

Во-первых, усложнение нелинейной сетевой среды повысило хрупкость мировой экономики, когда любой локальный сбой в цепочках поставок (кибератака, стихийное бедствие и др.) может вызвать волну экономических шоков, получаю-

Для цитирования: Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 108—135.
doi:10.5922/2079-8555-2024-3-6

щих мгновенное глобальное распространение. После кризиса пандемии 2020 г. подобные волновые шоки породили политические трения между странами, призывы к деглобализации и усилению протекционизма [1]. Во-вторых, мир столкнулся с вепонизацией (weaponization) своей экономической связности: такие крупнейшие поставщики, как Китай, начали использовать фактор взаимозависимости в качестве оружия для геополитического давления на партнеров и демпинг для вытеснения конкурентов, что вылилось в торговые конфликты Китая сначала с США, а затем и с ЕС. В-третьих, возникшие вооруженные конфликты и новые санкционные барьеры дополнительно ограничили свободу торговли, разорвав устойчивые связи. Наложение в 2022 г. беспрецедентных внешних ограничений на Россию разрушило ее прямые контакты с Западом, а многие третьи страны столкнулись с угрозой попадания под вторичные санкции [2]. Наконец, обострение глобального технологического соперничества между США и Китаем, особенно за рынок полупроводников, создало угрозу фронтального технологического декаплинга — разъединения мирового производства на две обособленные экосистемы.

В целом технологическая гонка и снижение в последние годы уровня доверия между Западом и Востоком привели к тому, что страны стали воспринимать свою многостороннюю кооперацию уже не как преимущество, а как источник зависимости и подрыва национальной безопасности [3; 4]. Это породило секьюритизацию международных экономических отношений и тренд фрагментации мировой экономики на геополитические блоки, формируемые на принципах *френдшипинга* — требования выстраивать торгово-производственные взаимодействия только с «дружественными», идеологически близкими партнерами [5]. Возможное разделение мировой экономики на три сегмента — союзников США (условный Запад), союзников Китая (условный Восток) и группу неприсоединившихся государств, маневрирующих между первыми и вторыми, будет, по оценкам экспертов, угнетать торговлю, тормозить мировой ВВП и осложнять национальное развитие стран из-за возросших издержек [6].

Аналогичная секьюритизация происходит и во внутренней экономической политике государств. С начала 2020-х гг. все больше развитых и развивающихся стран перенацеливают свои промышленные стратегии с прежних приоритетов повышения эффективности на задачу обеспечения безопасности — укрепление своей продуктовой и технологической самодостаточности как минимум в стратегических секторах. Для России, находящейся под беспрецедентными западными санкциями, перспектива достижения технологического суверенитета является особым концептуальным и практическим вызовом.

В настоящей статье мы пытаемся выяснить, в какой мере российский курс на технологический суверенитет является отражением глобального тренда и чем он отличается от аналогичных стратегий, реализуемых сегодня другими странами. Вначале мы выявляем характерные черты процесса секьюритизации промышленной политики в контексте эволюции ее исторических моделей (разд. 1), затем рассматриваем конкретные задачи и инструменты курса на технологическую самодостаточность в странах Запада (ЕС и США) и у ведущих стран — участниц БРИКС (Китай, Индия и Бразилии) (разд. 2, 3). На этом фоне мы анализируем логику российского курса на технологический суверенитет и намеченные правительством меры его достижения (разд. 4). Наконец, мы показываем отличия российского курса от зарубежных аналогов, а также объективные ограничения и риски, сопряженные с его успешной реализацией (разд. 5). В заключении оценивается реалистичность идеи технологической самодостаточности в условиях геополитической фрагментации мировой экономики.

1. Эволюция моделей промышленной политики и поворот к секьюритизации

Специфика нынешнего исторического момента заключается в том, что к идее повышения экономической и технологической самодостаточности, или достижения технологического суверенитета (далее ТС), начали одновременно обращаться самые разные группы стран. И в развитом, и в развивающемся мире эта идея стала фокусом национальной промышленной политики, что во многом ломает логику ее поступательной эволюции в соответствии с ходом технологического прогресса и усложнения производства.

Действительно, на протяжении семи десятилетий, начиная с 1950-х гг., концептуальные и практические изменения в национальных промышленных стратегиях определялись задачей модернизации экономики на данном историческом этапе в целях повышения ее эффективности и долгосрочной устойчивости. На трендовом уровне в этой эволюции можно обнаружить исторический переход от преимущественно вертикальной промполитики к преимущественно горизонтальной и последующую попытку синтезировать оба подхода в системную модель, призванную устранить функциональные недостатки и усилить преимущества двух предыдущих (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция моделей промышленной политики до 2020-х гг.

Тип модернизации	Догоняющая индустриализация (1950—1980-е)	Интернационализация и рыночный транзит (1980—2000-е)	Инновационный переход в условиях глобализации (середина 2000-х—2010-е)
Модель промышленной политики и ее концепция	Вертикальная, или классическая (азиатский девелопментализм)	Горизонтальная (неоклассический Вашингтонский консенсус, неошумпетерианская теория роста)	Системная (пост-Вашингтонский консенсус, постдевелопментализм, теория сложности)
Цель	Критическая масса новых отраслей, импортозамещение и экспорт готовой продукции	Критическая масса рыночных институтов, открытость экономики и рост ее эффективности через дерегуляцию	Критическая масса сетевых экосистем для развития индустрий 4.0 и лучшего участия в глобальных цепочках
Типовые образцы	Япония, Южная Корея, позднее — другие «азиатские тигры»	Развитые и транзитные экономики Европы, другие формирующиеся рынки	Страны Скандинавии, США, ЕС, другие развитые и крупные развивающиеся страны
Статус и функции государства	Верховен и девелопер отраслей / технологий (задает бизнесу приоритеты, стимулирует их реализацию)	Супервайзер на либерализованных рынках (поддержка конкурентной среды и созидательного разрушения)	Сетевой партнер для бизнеса и науки, координатор связей (поддержка сетевых коммуникаций и коллаборации)
Методы государственных интервенций	Вертикальные (бюджетная поддержка отдельных секторов, отбор и взращивание «победителей»)	Горизонтальные (рамочные правила игры для всех отраслей, улучшение рыночных перераспределительных механизмов)	Горизонтальные с вертикальной проекцией (соединение «победителей», отобранных рынками, в кластерные сети)
Организация связей в системе	Вертикально-иерархические	Вертикально-горизонтальные	Горизонтально-сетевые, коллаборация на базе платформ

Источник: составлено по: [7—10].

К середине — концу 2010-х гг. многие страны ОЭСР интегрировали в свои промышленные стратегии кластерный и экосистемный подходы, характерные для системной модели и нацеленные на продвижение к экономике знаний. Среди них были бывшие азиатские законодатели классической промполитики, близкие к ней европейские страны (Франция), Евросоюз в целом, ранее культивировавший горизонтальную модель, а также те технологически передовые экономики, которые раньше вообще не проводили какой-либо формальной промышленной политики (США, Канада, Великобритания, Нидерланды). По тому же пути инновационного перехода стали идти и крупные развивающиеся страны, формируя интернет-платформы и институты для сетевых коммуникаций и стратегии по наилучшему использованию этих институтов [7].

Однако в 2020 г. тренд резко поменялся. Кризис пандемии и волновые сбои в глобальной системе поставок побудили многие западные страны, особенно в Европе, перенастроить промышленную политику на фактор угрозы внешних шоков — принять меры для большей самообеспеченности жизненно важной потребительской продукцией (медицинские изделия и др.), снижения зависимости ключевых отраслей от критического промежуточного импорта из Азии, поощрения бизнеса к укреплению резильентности своих трансграничных цепочек путем диверсификации и/или решоринга (возврата на национальную территорию) их звеньев [1].

К концу 2023 г., с расширением географии стран, конфликтующих с Китаем, и переходом российско-украинского конфликта в затяжную стадию, в мире произошло не просто синхронное возрождение активной промполитики, а ее полная перезагрузка (reloading) [11]. На разных континентах в экономическую логику промышленных стратегий, обычно связанную с повышением национальной конкурентоспособности, вошли политические и геополитические приоритеты, связанные с обеспечением национальной безопасности¹. По сути, такие приоритеты стали кумулятивной реакцией стран на риски и вызовы последних пяти лет (включая возросший потенциал информационных войн, вооруженных конфликтов и внутренних социальных напряжений), но их ключевой подоплекой все же послужила растущая угроза странам «Большой семерки», другим национальным экономикам и в целом мировому порядку со стороны широкой китайской практики вепонизации торговли [12]. Стремясь снизить зависимость от Китая и защититься от потерь, США и ЕС начали проводить политику дерискинга (derisking) — стимулировать географическую реконфигурацию глобальных цепочек на принципах френдшоринга.

Возможная фрагментация мировой экономики на блоки союзников и недругов и предопределила курс стран на расширение экономической и технологической самодостаточности. При всех страновых различиях этого курса (представленных нами далее) в нем можно обнаружить ряд общих и весьма противоречивых черт.

Во-первых, впервые в национальных промышленных стратегиях приоритеты безопасности начали доминировать над приоритетами эффективности, охватывая две малосовместимых задачи: достижение самодостаточности больше тяготеет к атрибутике индустриальной эпохи, тогда как ускорение технологического развития — к эпохе распределенного производства. Поскольку глобализация принесла выгоды всем типам экономик, позволив многим развивающимся странам, от Китая

¹ Под экономической безопасностью понимается область международной экономической политики, охватывающая любые меры государственного вмешательства, нацеленные на смягчение внешних экономических рисков (от шока пандемии до последствий изменения климата), которые могут нанести ущерб национальной безопасности страны или ее долгосрочному благосостоянию. Goodman, M. P. 2024, Policymaking is all about trade-offs, *Greenberg Center for Geoeconomic Studies*, URL: <https://www.cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs> (дата обращения: 02.04.2024).

до Вьетнама, совершить рывок в развитии [13], правительства стремятся не столько вернуться к замкнутым производственным цепочкам, сколько сохранить преимущества участия в глобальных. Но поиски компромисса на принципах френдшоринга подрывают естественный ход экономической интеграции [6]. Объединение стран в блоки на основе геополитических и ценностных предпочтений при намеренном свертывании межблоковой торговли отнюдь не тождественно рыночной регионализации мировых интеграционных процессов, когда звенья глобальных цепочек все больше концентрируются по трем макрорегионам мира (Северная Америка, Европа, АТР), где образуются открытые производственные экосистемы сетевых связей [1].

Во-вторых, помимо снижения доверия между Западом и Востоком у курса на самодостаточность имеются и внутренние драйверы. Как считают правительства, прежняя ориентация на регулирующие возможности свободных рынков недостаточна для ответа на нынешние вызовы. Поэтому везде, включая США и наиболее благополучные страны Европы (где отношение к активной промполитике всегда было прохладным), государство широко возвращается в экономику, а власти готовы идти на беспрецедентные бюджетные вливания в те отрасли и технологии, которые они находят стратегически важными для безопасности [14]. Тем самым в национальных стратегиях резко повышается роль бюджетного стимула и государственных перераспределительных механизмов, больше присущих классической модели промполитики. Это особенно характерно для Китая и ряда других стран с формирующимися рынками, которые всегда полагали, что активные бюджетные интервенции лучше отвечают их национальным интересам. В то же время крупнейшие экономики стремятся ограничить конкурентоспособность стран-соперников и добиться исключительных преимуществ на передовых технологических рынках, что сильно отличается от идеи государства-девелопера, ориентированного на укрепление национальной конкурентоспособности [4].

В-третьих, и развитые, и развивающиеся страны сдвигают фокус промполитики с узконаправленных отраслевых задач на реализацию масштабных «проектов-миссий» (импортозамещение в высокотехнологичных секторах, технологическая независимость, ускоренный зеленый переход, решение крупных социальных проблем типа устранения неравенства), которые, как считается, не под силу частному бизнесу и требуют широкого инвестиционного участия со стороны государства. С одной стороны, переориентация на амбициозные «миссии» и технологические прорывы подпитывается популярными нарративами о государстве-предпринимателе, изложенными в работах Марианы Маццукато [15]. С другой — в контексте стратегий обеспечения безопасности правительства стали воспринимать технологическую модернизацию (освоение индустрий 4.0) как результат крупномасштабных бюджетных программ, что расходится с принципами обеспечения технологического развития в шumpетерианской и эволюционной теориях (наличие конкурентных рынков с постепенными инновациями, созидательным разрушением и обратными связями) [16]. В итоге современная функция государства, еще недавно связанная с культивированием горизонтальной партнерской среды и инновационных экосистем, де-факто отходит на второй план. Из связки параллельного развития технологических и институциональных инноваций зачастую вычленяется первая составляющая (цифровизация, роботизация и др.), что чревато появлением экономических деформаций, особенно в странах с формирующимися рынками (такими, как Китай или Россия).

Заметим, что в современной экономической науке отсутствуют какие-либо концептуальные или эмпирические обоснования того, что развивать индустрии нового поколения лучше в режиме френдшоринга и ТС. Наоборот, существующие исследования выявляют издержки подобного курса, указывая, что возрождение

импортных тарифов и нетарифных способов защиты национальных рынков может тормозить мировую торговлю, мировой ВВП и сам инновационный переход, приводя к обратному эффекту — подавлению промышленного экспорта и замедлению национальных экономик [11; 17]. Тем не менее правительства идут на протекционистские меры в порядке макроэкономического компромисса, рассчитывая, что они помогут устранить гораздо большие риски для устойчивого роста. Под давлением геополитических обстоятельств новая модель промполитики набирает обороты, а фрагментация мировой экономики на блоки выглядит почти неизбежной.

Хотя параметры этой фрагментации на сегодня неясны, ведущие аналитические центры видят ее конституирующий признак в технологическом декаплинге (разъединении) между США и Китаем, что ведет, по их мнению, к распаду мировой экономики на Западный блок (США и их союзники, включая ЕС), недружественный ему Восточный блок (Китай и его союзники, включая Россию) и группу нейтральных стран (Бразилия, Индия, Турция и др.), стремящихся продолжить торговлю и деловые связи с обоими блоками [18; 19]. Другие исследователи фокусируются на растущем противостоянии развитому миру со стороны развивающегося: последний уже сегодня создает половину мирового ВВП, наращивая свою долю в торговых и инвестиционных потоках, а страны БРИКС, пригласившие в свое объединение шесть новых членов, производят в совокупности около 30 % мирового ВВП, оспаривая в этом отношении доминирование стран «Большой семерки» [11]. На этом фоне российские экономисты склонны рассматривать геополитическую фрагментацию как процесс естественной регионализации, оптимистично полагая, что реконфигурация глобальных цепочек позволит глобальному Югу создать новые интеграционные объединения и центры силы, а России — стать одним из лидеров этой новой волны за счет курса на развитие технологического потенциала [20].

2. Курс на технологическую самодостаточность в странах Запада (ЕС и США)

Евросоюз

В ЕС триггером секьюритизации промышленной политики послужили три события — Брексит (2016—2020), волновые сбои в поставках при шоке пандемии (2020) и возрастание геополитических рисков с началом российско-украинского конфликта (2022) [21]. Разворот в сторону экономической безопасности, начиная с энергетической (ускоренный выход Европы в 2022—2023 гг. из зависимости от российских углеводородов), был облегчен тем, что первые политико-правовые решения были подготовлены здесь заранее, в рамках концепции «стратегического суверенитета», появившейся в конце 2010-х гг.

Концепция стратегического суверенитета завершила эволюцию официальных взглядов ЕС на отношения с остальным миром — переход от тотальной открытости с акцентом на многостороннюю кооперацию (1990—2000-е) к избирательному сотрудничеству (2010-е), а затем к курсу на самообеспечение в критических областях (2020-е). Демократические подходы ЕС к кооперации с третьими странами не изменились, но в них усилилась защитная компонента: теперь эти страны ранжируются от группы единомышленников (как потенциальных партнеров) до группы недружественных, которых следует экономически сдерживать, купируя риски конфликтов и потерь [22]. При этом понятие суверенитета трактуется в ЕС как инструментальная политика, охватывающая его внутренний и внешний территориальный контуры. Внутри Европы речь идет о проектах углубления интеграции, защиты отраслей от внешних угроз и о сокращении критической зависимости стран-членов (особенно

Германии) от поставок из Китая и других центров экономического влияния. Одновременно суверенитет — это инструмент управления источниками внешних угроз путем распространения вовне нормативной силы ЕС (например, глобальное внедрение углеродного налога для вытеснения производств, угрожающих экологии Европы)¹.

Курс на ТС сформировался в Европе в рамках этой общей концепции суверенитета, реализуя ее в контексте способности ЕС самостоятельно производить критически важную продукцию и контролировать ключевые высокотехнологичные сектора [23]. К критической относится продукция целого спектра секторов, связанных с использованием трех групп передовых технологий — зеленых, цифровых (включая полупроводники) и биотехнологий. Приоритетное развитие этих секторов, достижение здесь продуктовой и технологической самодостаточности увязаны с ключевыми целями курса на ТС (табл. 2.). Эти цели очерчены в Стратегии экономической безопасности ЕС (июнь 2023 г.), описывающей направления и инструменты обновленной промышленной политики². Идея ТС пронизывает и связывает друг с другом все ключевые общеевропейские программы, принятые в этой области начиная с 2022 г.

Таблица 2

Курс на достижение технологической самодостаточности в ЕС и США

Параметр	Евросоюз	США
Основные программы и документы (год принятия, объемы финансирования)	План REPowerEU (2022 г., 210 млрд евро до 2027 г.) Промышленный план «Зеленый курс» (2023 г., 250 млрд евро до 2050 г.) Европейский закон о чипах (2023 г., 43 млрд евро до 2030 г.) Платформа стратегических технологий для ЕС (2024)	Закон о чипах и науке (2022 г., 53 млрд долл. до 2030 г.) Закон о снижении инфляции (2022 г., 370 млрд долл. до 2030 г.) Президентские указы: об американских цепочках поставок (2021); об инвестициях в сфере критических технологий в страны риска (2024)
Цели и задачи	Снижение зависимости от Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии по трем группам технологий (дерискинг) Реформа энергопотребления Ускорение цифрового и зеленого перехода Глобальное лидерство в сфере зеленых технологий	Декаплинг с Китаем по двум группам критических технологий (жесткий дерискинг) Ускорение зеленого перехода Снижение неравенства и оживление депрессивных промзон Глобальное лидерство в сфере полупроводников
Отраслевые приоритеты (критические технологии)	Зеленые технологии Цифровые технологии (индустрии 4.0, чипы и др.) Биотехнологии	Зеленые технологии Полупроводники текущего и следующего поколения

¹ Круглый стол «“Стратегическая автономия” ЕС: сущность, проявления и последствия для России», 21.12.2023, *Российский совет по международным делам*, URL: <https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-strategicheskaya-avtonomiya-es-sushchnost-proyavleniya-i-posledstviya-dlya-rossii> (дата обращения: 22.12.2023).

² Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council on “European Economic Security Strategy”, 20.06.2023, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023JC0020> (дата обращения: 21.06.2023).

Окончание табл. 2

Параметр	Евросоюз	США
Главные инструменты и подходы	Перестройка цепочек поставок (френдшоринг и райтшоринг) Стимулирование инвестиций и выпуска в критических секторах (бюджетные субсидии) Диверсификация поставщиков ископаемого топлива Антидемпинговые пошлины Вложения в профильные НИОКР и подготовку кадров	Перестройка цепочек поставок (френдшоринг и райтшоринг) Стимулирование спроса на собственную продукцию хайтека (налоговые льготы) Инновационные экосистемы и кластеры (микроэлектроника) Инвестиции в модернизацию промышленной базы Антидемпинговые пошлины Вложения в профильные НИОКР и подготовку кадров

Источник: составлено по официальным документам ЕС и США.

Самые большие средства из фондов ЕС выделены на программу энергетической безопасности REPowerEU (выхода Европы из зависимости от углеводородов) и связанный с ней план перевода промышленности на зеленую энергетику (Green Deal Industrial Plan). Реализация плана должна обеспечить Европе не только энергопереход, но и будущее глобальное лидерство в создании и использовании зеленых технологий, необходимых для развития индустрий 4.0. Вторым приоритетом является программное стимулирование производства полупроводников для ускорения цифрового и зеленого перехода (European Chips Act). Помимо фонда ЕС для венчурного финансирования стартапов в 2024 г. была создана Платформа STEP — система «одного окна» для заявок на целевое финансирование от компаний с перспективными бизнес-проектами в области стратегических технологий.

Европейский курс на ТС неразрывно связан с концепцией дерискинга (de-risking) — политикой управления рисками в условиях взаимозависимого мира (борьба с вепонизацией торговли, утечкой технологий и др.)¹. Она предусматривает сокращение импортной торговли с Китаем в секторах, использующих вышеупомянутые критические технологии, снижение зависимости от поставок чипов из стран Юго-Восточной Азии и создание в этих секторах резильентных глобальных цепочек с надежными поставщиками — пусть даже ценой уменьшения объемов выпуска и возрастания издержек [5]. Еврокомиссия стимулирует бизнес (через ключевые программы и за счет бюджетных субсидий) к перестройке цепочек на принципах френдшоринга и к диверсификации их звеньев на принципах райтшоринга (right-shoring) — не столько повсеместного возврата мощностей в Европу из-за ее пределов (решоринг), сколько более «правильного» размещения звеньев в тех третьих странах, где безопасность поставок выше и где можно вложиться в инновации. При этом Европа продолжает рассматривать Китай не только как конкурента или системного соперника, но и как выгодного торгового партнера, с которым следует

¹ Впервые идея дерискинга была озвучена в марте 2023 г. главой Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен, позднее она была перенята администрацией США. Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre, 30.03.2023, *European Commission*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (дата обращения: 31.03.2023).

развивать, где возможно, дальнейшее сотрудничество, купируя риски возможных угроз [22]. Одновременно ЕС намерен укреплять ослабленные в последнее десятилетие связи со США.

В целом в управлении технологическим развитием Еврокомиссия стремится к компромиссу между недавним ультрарыночным подходом США и ультрагосударственным подходом Китая [22]. В интересах безопасности она усиливает централизованное перераспределение ресурсов в пользу приоритетных секторов, одновременно требуя от бизнеса строго дифференцировать свои внешние связи. На перспективу укрепления самодостаточности будут, очевидно, работать возможности объединения усилий 27 стран-членов и потенциал Европы как одной из трех сетевых «фабрик» мира, где в масштабах макрорегиона достигнута плотная взаимозависимость этих стран по линии промежуточных поставок [1]. Вместе с тем с точки зрения конкурентных вызовов нельзя не учитывать, что сегодня Европа попала в ловушку технологий средней сложности: она заметно отстает от США и Китая по уровню развития цифровых секторов и биотехнологий, по внедрению радикальных инноваций и в целом по инновационной активности бизнеса [24].

США

В США курс на ТС (в данном случае — технологическую самодостаточность) продиктован геополитическим противостоянием с Китаем и возросшей зависимостью от него до опасных для экономики масштабов [25]. Однако триггером для отступления США от ультралиберальной трактовки промышленной политики послужил не столько торговый конфликт с Китаем при президентстве Трампа, сколько рыночный дефицит медицинских масок при шоке пандемии [26]. Весной 2021 г. указ Байдена вмешался в работу американских цепочек поставок с целью сделать их не только более резильентными перед шоками, но и менее зависимыми от импортных компонентов. Еще через год администрация США начала реализацию «современной американской промышленной стратегии» (Modern American Industrial Strategy), призванной укрепить глобальную конкурентоспособность страны и ее национальную безопасность¹. Новый курс, получивший законодательное оформление, выделил две критических группы технологий и связанных с ними секторов для целей приоритетной бюджетной поддержки и выхода из зависимости от поставок из Китая — зеленые технологии и полупроводники (см. табл. 2).

В частности, Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act) выделяет беспрецедентные бюджетные средства (по когда-либо известным меркам поддержки отраслей) на восстановление страной прежней доли мирового рынка полупроводников (37 % вместо нынешних 12 %), на освоение производства чипов следующего поколения и на реконфигурацию в этой отрасли глобальных цепочек американских многонациональных компаний (МНК) — на тех же, что и в ЕС, принципах френдшоринга и райтшоринга. США стремятся завоевать в сфере полупроводников мировое лидерство, чтобы в принципе остаться в будущем глобальным технологическим лидером в противостоянии Китаю. Одновременно ради развития цифровой экономики в целом Закон стимулирует партнерство бизнеса с ведущими университетами, активизируя самообразование региональных инновационных кластеров [27].

Другой закон — о снижении инфляции (Inflation Reduction Act) — отразил в названии остроту момента в августе 2022 г., когда мировой энергетический шок,

¹ Remarks on executing a Modern American Industrial Strategy by NEC Director Brian Deese, 13.10.2022, *The White House*, URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-on-executing-a-modern-american-industrial-strategy-by-nec-director-brian-deese> (дата обращения: 14.10.2022).

вызванный санкциями против России и ее контрсанкциями, обернулся для Запада разгоном потребительских цен. Но по своему содержанию Закон нацелен на ускорение зеленого перехода. Он предусматривает многомиллиардные субсидии и программы финансирования инвестиций в строительство инфраструктуры для новой энергетики, в сокращение промышленных выбросов и энергозатрат, в декарбонизацию транспорта и наращивание собственного производства ныне импортируемых электромобилей. Кроме того, США запланировали ассигнования в новейшие образовательные программы по критическим технологиям и в создание высокооплачиваемых рабочих мест (в том числе для смягчения проблемы неравенства), а также — различные бюджетные стимулы для модернизации депрессивных промышленных районов, образовавшихся в ходе многолетнего офшоринга.

На внешнем контуре США следуют в фарватере европейской концепции дерискинга, но адаптируют ее к своей новой формуле взаимодействий с Китаем — «тесный двор, высокий забор» («small yard, high fence»)¹. Этот принцип означает, что для достижения самодостаточности и сохранения глобального лидерства США готовы пойти на решительное прерывание торгово-инвестиционных связей с Китаем, но такой декаплинг коснется лишь узкого круга критических секторов. В 2024 г., стремясь предотвратить утечку своих передовых технологий и появление новых китайских конкурентов, администрация США ввела полный или частичный запрет на размещение частных инвестиций в «странах риска» применительно к трем передовым секторам (полупроводники и микроэлектроника, квантовая криптография и некоторые системы искусственного интеллекта).

Заметим, что, как и в Европе, успешная реализация курса на ТС сопряжена для США со многими рисками. Так, даже беспрецедентные вложения в полупроводниковую отрасль могут оказаться недостаточными на фоне ее объективных инвестиционных потребностей и в сравнении с еще большими тратами в этой сфере со стороны Китая.

3. Курс на технологическую самодостаточность в ведущих странах БРИКС (Китай, Индия, Бразилия)

Kumai

В Китае курс на ТС (технологическую самодостаточность) выстраивается в русле зеркального геополитического противостояния с США. Разворот в этом направлении (после проводимого с 1990-х гг. курса на экономическую открытость) прослеживается с середины 2010-х гг., со стратегии «Сделано в Китае 2025», а окончательная секьюритизация китайской структурной политики была стимулирована торговой войной с США в 2018 г., шоком пандемии и обострением внешнеполитического дискурса по Тайваню. Последний пятилетний план экономического развития страны на 2021—2025 гг. провозгласил достижение ТС стратегической опорой национального развития [28].

Китайский курс на ТС неотделим от экономической самодостаточности, а его установки и бюджет «растворены» в двух широких концептуальных документах — стратегии «Двойная циркуляция» (далее ДЦ) и ранее принятой внешнеэконо-

¹ Эта формула была запущена в США в конце 2022 г. советником по национальной безопасности Джейком Салливаном. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden-Harris Administration's National Security Strategy, 12.10.2022, *The White House*, URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy> (дата обращения: 13.10.2022).

мической инициативе «Пояс и путь» (табл. 3). Их реализация преследует две цели: гарантировать независимость от Запада, сделав невозможным любое санкционное сдерживание страны, и занять к 2049 г. (столетию основания КНР) центральное место в глобальной экономике, вытеснив США с доминирующих позиций на периферических рынках, будь то микроэлектроника или зеленые технологии [28].

Таблица 3

Курс на достижение технологической и экономической самодостаточности в Китае

Параметр	Содержание
Основные стратегии и документы (год принятия, объемы финансирования)	Стратегия двойной циркуляции (2020 г., минимальные бюджетные вложения в год — 24 8 млрд долл., или около 1,5 % ВВП) Инициатива «Пояс и путь» (2013 г., совокупные вложения на конец 2023 г. — 1 трлн долл.) XIV Пятилетний план экономического развития (2021 — 2025)
Цели и задачи	Занятие центрального места в мировой экономике (к 2049 г.) Декаплинг с США в сфере полупроводников Продуктовая и технологическая независимость от Запада в критических отраслях Глубокая цифровая трансформация промышленности Ликвидация технологического отставания от Запада в максимально широком круге отраслей Продуктовое и технологическое доминирование на рынках глобального Юга
Отраслевые приоритеты («ключевые технологии»)	Полупроводники Цифровые технологии Зеленые технологии Авиакосмическая сфера Биотехнологии
Главные инструменты и подходы	Массированное бюджетное стимулирование цифрового перехода (особенно по полупроводникам) Стимулирование внутреннего спроса Диверсификация звеньев трансграничных цепочек и достраивание внутренних завершенных цепочек в широком круге отраслей (максимальная локализация) Защита перспективных высокотехнологичных компаний от внешней конкуренции (импортные тарифы и субсидии) Привлечение иностранных инвестиций в сектора с наибольшим технологическим отставанием Демпинговые и иные меры для вытеснения западных компаний с мировых рынков информационно-коммуникационных и зеленых технологий

Источник: составлено по [28 — 30].

Идея ДЦ сводится к сочетанию самодостаточности (внутренняя ресурсная циркуляция с опорой на собственные технологии и рост внутреннего спроса) со скорректированной внешнеэкономической открытостью (внешняя циркуляция с выходом из зависимости от импортных технологий и опорой на альтернативные, незападные рынки). Главная задача стратегии — обеспечить Китаю ресурсную и продуктовую самодостаточность по «ключевым стретжевым технологиям» (key core technologies) — всем существующим или вновь появляющимся технологиям, способным принести стране критические стратегические преимущества, если она

контролирует их создание, распространение и использование¹. На практике речь идет не только об ускоренном развитии индустрий 4.0, но и о максимально возможной локализации широкого круга производств с высокотехнологичными продуктами, которые китайские фирмы пока не могут произвести либо производят с импортной составляющей, будь то компоненты или экспертные знания [28]. Официального списка приоритетных секторов не существует, но в литературе приводится перечень из 35 технологий, семь из которых относятся к полупроводниковой отрасли [30]. Избавление от импортной зависимости и стимулирование внутреннего спроса расцениваются в Китае как страховка от утраты западных рынков в случае декаплинга с США или ужесточения западных санкций. Показательно, что ежегодные объемы финансирования мероприятий стратегии значительно превосходят (в полупроводниках — в разы) совокупные многолетние бюджеты программ ТС в США и Европе.

«Пояс и путь» служит внешним контуром стратегии ДЦ. Соединяя логистические сети Европы, Азии и Африки, эта инициатива призвана обеспечить Китаю открытость альтернативных рынков сырья и сбыта, а также — планируемое продуктивное и технологическое доминирование в странах глобального Юга. Предполагается, что со временем эти страны сформируют торгово-экономический блок во главе с Китаем, где логистические и торговые связи будут подчинены принципу «ось — спицы» (hub-and-spoke): участники будут развивать двусторонние взаимодействия с Китаем и через Китай в гораздо большей мере, чем прямые горизонтальные контакты друг с другом [29].

Для достижения этих целей китайское руководство намерено ускорить цифровизацию промышленности. Одновременно оно усиливает цифровой и централизованный контроль над бизнесом, направляя его действия в намеченное русло с помощью сочетания жесткой регуляции со щедрыми бюджетными стимулами (массивные субсидии, инвестиционные фонды и др.). Китай будет диверсифицировать поставщиков сырья и рынки сбыта в своих глобальных цепочках, а также возвращать их срединные звенья в страну, достраивая завершённые промышленные цепочки на своей территории по широкому кругу секторов. Одновременно он будет привлекать иностранных инвесторов в те отрасли, которые испытывают наибольшее технологическое отставание. Иными словами, Китай пытается следовать компромиссу: внедрять собственные разработки везде, где возможно, в том числе при протекционистской защите перспективных отраслей от импортной конкуренции, но оставаться при этом открытым для иностранных инвестиций и технологий в проблемных сферах.

В последние годы Китаю удалось поднять самообеспечение ряда ключевых секторов, добиться отдельных впечатляющих успехов в сфере науки и инноваций, а также выйти на беспрецедентный уровень вложений в НИОКР (по объёму и динамике) на фоне США и Европы. Между тем эмпирические исследования свидетельствуют о низкой производственной и макроэкономической отдаче этих колоссальных государственных вложений: замещение частных рыночных мотиваций масштабным бюджетным стимулом не делает экономику эффективней. Так, предприятия — участники стратегии «Сделано в Китае 2025» привлекли широкие субсидии и даже нарастили собственные вложения в НИОКР, но никак не повысили при этом уровень производительности [31]. В стратегии ДЦ быстрое достижение самодостаточности за счет бюджетных стимулов также, похоже, становится самоцелью, превалирующей над задачей улучшения качества роста и социальных пара-

¹ Key core technologies, 2024, *The Center for Strategic Translation*, URL: <https://www.strategic-translation.org/glossary/key-core-technologies> (дата обращения: 09.07.2024).

метров развития экономики. Более того, литература указывает на будущие риски разединения с Западом: по мере отхода от емких рынков США и Европы Китаю будет все труднее сохранять прежние конкурентные преимущества [29], а доминирование на рынках глобального Юга мало способствует достижению им глобального технологического лидерства.

Индия и Бразилия

Индия и Бразилия относятся к тем крупным развивающимся странам, где курс на самодостаточность разворачивается под влиянием однотипных структурных проблем. Участие в глобальных цепочках открыло этим странам доступ к передовым технологиям и позволило сделать экономический рывок, но в силу изначальных структурных деформаций в экономике (отраслевых, пространственных, в сфере занятости и др.) выгоды от этого рывка стали распределяться неравномерно среди секторов, регионов и социальных групп. Это усилило внутренние диспропорции, неравенство в доходах и, как следствие, риски торможения роста. Правительства, однако, стали воспринимать эту проблему не столько как структурно-институциональную, сколько как прямое негативное следствие прежней модели роста, основанной на широком открытии экономики и ее интеграции в мировую. Поэтому они берут курс на самодостаточность, полагая, что усиление бюджетных перераспределительных механизмов позволит им удержать и направить в проблемные сферы крупные доходы, которые до сих пор утекали из экономики в виде прибылей западных МНК. То обстоятельство, что без притока иностранных инвестиций и технологий этих дополнительных доходов просто бы не было, нередко остается вне поля зрения.

Так, Индия в течение 30 лет (1991—2019) шла по пути рыночных реформ и внешнеэкономической либерализации вслед за успешными странами Юго-Восточной Азии (импорт промежуточных товаров ради более доходного экспорта), что обеспечило ей высокие темпы роста (в отдельные годы до 8 %), развитие инфраструктуры и человеческого капитала, позволив стать пятой по размеру экономикой мира [32]. Однако растущее неравенство в развитии отраслей и территорий, сжимающаяся обрабатывающая промышленность (низкодоходная и трудоемкая), нарастающий дефицит в торговле с Южной Кореей, Японией и Китаем (экспорт сырья при импорте готовой продукции), массовая бедность и затухание темпов роста — весь этот комплекс проблем разочаровал власти в либерализации и глобализации. К 2020 г., после серии конкурентных провалов на динамичных рынках стран Юго-Восточной Азии, Индия вышла из соглашений о свободной торговле с этими странами, а шок пандемии (со спадом ВВП на 7 % и вакцинным дефицитом) заставил ее отказаться, несмотря на 8 лет переговоров, от вступления во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (RCEP) [32]. В 2020 г. она запустила альтернативную стратегию «Самодостаточный Бхарат» (Atmanirbhar Bharat), призванную уменьшить внешнюю зависимость, повысить самодостаточность и одновременно сохранить преимущества рыночной экономики — без возврата к протекционизму и автаркии. Дополнительным триггером для курса на ТС стали риски недоступности критического импорта при жестком декаплинге между США и Китаем, особенно на фоне обострения политических конфликтов Индии со странами-соседями.

С новым курсом Индия намерена преодолеть отсталость, сделать экономику конкурентоспособной и стать к 2047 г. (к столетию независимости) развитой стра-

ной (с доходами выше среднего уровня) на основе инклюзивного и устойчивого роста (создать более доходные рабочие места и снизить неравенство). Этому должны способствовать пять крупных направлений стратегии [32]:

1) стимулирование роста — более 7 % в год, с достижением экономии на масштабах;

2) госинвестиции в инфраструктуру — для зеленого и цифрового перехода (обеспечить энергоэффективность, создать новые рабочие места);

3) модернизация экономической системы — через цифровизацию и освоение новейших технологий (при сотрудничестве с США);

4) активная демография — использовать демографический дивиденд, обеспечить молодежи рост квалификаций (через вложения в здравоохранение и образование);

5) стимулирование и усложнение внутреннего спроса — покрывать спрос промышленности собственной продукцией при сокращении импорта и экспорте лишь излишков производства (через спрос на инновации, выстраивание собственных завершенных цепочек с учетом емкости внутреннего рынка).

Ведущие специалисты по индийской экономике [33], однако, указывают, что разворот Индии к самодостаточности основан на трех фундаментальных заблуждениях: о большой емкости внутреннего рынка, о преобладающем значении внутреннего спроса и о невозможности наращивать экспорт в условиях фрагментации мировой экономики. В реальности Индия по-прежнему обладает огромным экспортным потенциалом в трудоемких отраслях (на них мало влияет фрагментация), но реализовать эти возможности можно лишь в условиях экономической открытости, а не ориентации на внутренний рынок и самодостаточность.

Бразилия повернула в сторону ТС, следуя аналогичным мотивам антиглобализма в условиях углубившихся структурных дисбалансов, стремясь к «более справедливому» перераспределению ресурсов и доходов, ослаблению зависимости от промежуточного импорта в ситуации внезапных шоков, повышению самодостаточности в преддверии возможного разделения мировой технологической экосистемы на американскую и китайскую. Как и индийская, бразильская экономика подверглась преждевременной деиндустриализации, причем сжатие сектора промышленной обработки (его доля в ВВП устойчиво снижалась с конца 1980-х гг. почти до 10 %) усугубляется здесь высокой теневой занятостью (более 40 % трудоспособного населения) [34], что затрудняет межотраслевой переток трудовых ресурсов.

Бразильский курс на ТС получил отражение в Новой промышленной стратегии, рассчитанной на 10 лет (2023—2033). Стратегия охватывает шесть проектов-миссий, разработанных властями совместно с М. Мацукато. Каждый проект преследует амбициозные цели, обеспечен бюджетным финансированием и связан с укреплением самодостаточности (прежде всего на базе цифровых и особенно зеленых технологий)¹:

1) продовольственная безопасность: модернизация цепочек агропромышленного комплекса (с требованием к бизнесу закупать 95 % необходимого оборудования на внутреннем рынке);

2) здравоохранение: снижение зависимости от импорта в области фармакологии и медоборудования (с задачей покрывать 70 % спроса за счет собственной продукции);

¹ Brazil launches new industrial policy with development goals and measures up to 2033, 26.01.2024, *Presidência da República*, URL: <https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2024/01/brazil-launches-new-industrial-policy-with-development-goals-and-measures-up-to-2033> (дата обращения: 27.01.2024).

3) благосостояние городской среды: модернизация жилищной и транспортной инфраструктуры с переходом на зеленые технологии (с повышением вклада бразильских фирм на 25 % в глобальные цепочки зеленого транспорта);

4) цифровая трансформация промышленности: с повышением доли предприятий, использующих цифровые технологии, с 23,5 до 90 %;

5) биоэкономика и зеленый переход: увеличение на 50 % доли биотоплива в транспорте, снижение выбросов на 30 %, стимулирование новой энергетики и производства зеленых товаров;

6) оборона: достижение полной автономии в производстве 50 % критических технологий (ядерная энергетика, связь, беспилотники и др.).

Хотя Бразилия имеет долгую историю масштабных государственных программ, большинство из них не достигали своих целей, так как упирались в изъяны бразильской институциональной среды (провалы в координации, неверный подбор инструментов, противоречивые стратегические приоритеты) [35]. Эти изъяны ставят под вопрос реализацию проектов-миссий, требующих намного более сложных управленческих навыков. В целом и для Индии, и для Бразилии вопросы улучшения системы институтов являются более верным ключом к проблемам ослабления внутренних дисбалансов и возросшего неравенства, чем курс на самодостаточность. Как известно из литературы и практики, эти проблемы порождаются не столько глобализацией как таковой, сколько реалиями научно-технического прогресса. Так, в эпоху усложнения производства усиление социальной дивергенции наблюдается даже в таких богатых странах, как США, что объясняется, согласно выводам Эрика Маскина, возрастанием разрыва между высоко- и низкооплачиваемым трудом в ходе обновления состава профессий и требует больших вложений в образование [36].

4. Логика и санкционная специфика российского курса на суверенитет

Для стран, попавших под масштабные санкции, курс на технологическую самодостаточность выглядит естественным и безальтернативным. Правительства, начиная с Ирана, активно разворачивают такой курс через промышленную и/или научно-технологическую политику, рассчитывая удержать экономику на современном уровне развития и даже вывести ее на передовые технологические рубежи. Задача достижения ТС была поставлена в России уже после санкций 2014 г. — много раньше появления аналогичного глобального тренда. Но сегодня она признана главным стратегическим курсом до 2030—2035 гг., который преследует три цели: массовое импортозамещение, переход на отечественные передовые технологии и выравнивание пространственного развития за счет крупных инвестиций [37; 38]. Содержание этого курса очерчено в трех взаимодополняющих друг друга документах в сфере технологической политики — Концепции технологического развития России на период до 2030 г., Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации»¹. Их них следует, что наращивание российским бизнесом контроля над внутренним рынком должно стать приоритетом в сравнении с замещением западного импорта восточным.

Исходя из Концепции, под курсом на ТС в России понимается развертывание не менее десятка крупномасштабных мегапроектов («проекты ТС») по созданию на

¹ Концепция утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 г. (<http://government.ru/news/48570/>) ; Стратегия — Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. (<http://kremlin.ru/acts/bank/50358>) ; а Закон пока является законопроектом, принятым Госдумой в первом чтении 18.06.2024 (<http://regulation.gov.ru/p/142132>). Здесь же см. положения этих документов.

территории страны (или в рамках международной кооперации, но под российским контролем) собственных линий разработки критических и сквозных технологий и производству на этих линиях современной высокотехнологичной продукции, замещающей промежуточный и конечный импорт в приоритетных отраслях. По сути, проекты ТС должны обеспечить организационные начала и бюджетное финансирование для выстраивания крупным бизнесом множества завершенных отраслевых цепочек, охватывающих все стадии создания определенного продукта, относимого к высокотехнологичным («проекты полного инновационного цикла»). Список технологий, виды продукции (товаров и услуг) со статусом высокотехнологичной, круг приоритетных отраслей и, главное, перечень мегапроектов с обеспеченным бюджетным финансированием определяются и утверждаются правительством — как главным агентом реализации технологической политики¹.

Судя по первой десятке утвержденных мегапроектов с охватом 13 приоритетных отраслей (машиностроение, химия, фармацевтика, электроника, энергетика и др.), на практике речь идет о поддержке государством выпуска на российских технологиях и российском оборудовании широчайшего спектра продуктов — от лекарств, станков и дизельных двигателей до производства сжиженного природного газа, судов и беспилотников. Для того чтобы такая продукция имела гарантированных производителей и покупателей, управление российским технологическим развитием будет перестроено под жесткую административную вертикаль. Как отмечается в Стратегии, после 2022 г. Россия вынуждена перейти от прежнего этапа выстраивания инновационно ориентированной экономики (2002—2021) к этапу мобилизационного развития в условиях санкционного давления, что требует консолидации экономических субъектов и ресурсов под определяемые государством приоритеты. Тем самым Россия берет на вооружение атрибутику классической промполитики. Это подтверждается пояснениями экспертов и властей по поводу возврата к инвестиционно ориентированной экономике, где бизнес при поддержке государства будет наращивать инвестиции в основной капитал и модернизацию производства — предполагаемую основу для запуска механизмов устойчивого роста [38].

Логика реализации мегапроектов также больше соответствует эпохе догоняющего индустриального развития, чем современным условиям развития инноваций. Согласно закону «О технологической политике в Российской Федерации» во главе вертикали ожидаемо стоит правительство — с вышеперечисленными функциями отбора приоритетов (отраслевых, технологических, продуктовых). У каждого мегапроекта имеется куратор в лице того или иного вице-премьера (в зависимости от группы отраслей), который выполняет надзорные функции и координирует деятельность двух центральных участников процесса — комплекса «квалифицированных заказчиков» (крупнейшие госкомпании и различные госорганизации) и комплекса «головных исполнителей» (крупные компании или их группы, выступающие лидером отрасли) (рис. 1). С точки зрения задач куратора итогом проекта ТС считается заключение долгосрочного соглашения между заказчиками и исполнителями: первые гарантируют длительный спрос и приобретение высокотехнологичной продукции, вторые — ее производство и поставку на основе выстраивания отраслевой цепочки полного цикла. При таких взаимных гарантиях рыночная конкурентоспособность и экспортный потенциал производимой продукции фактически выносятся за скобки.

¹ Еще в апреле 2023 г. Правительство утвердило список «проектов ТС», охватывающих 13 приоритетных отраслей и ряд сопутствующих технологий, подлежащих разработке. В октябре 2023 г. был утвержден перечень первых десяти мегапроектов, каждый из которых должен получить из бюджета не менее 10 млрд руб. (<http://government.ru/news/49869/>).

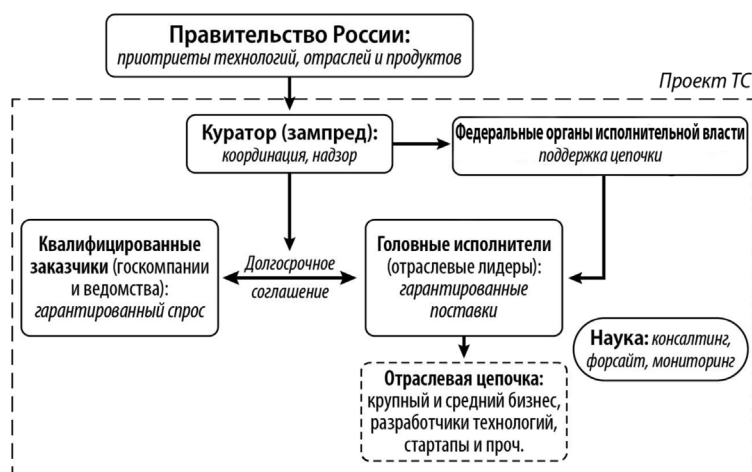

Рис 1. Схема организации российских проектов технологического суверенитета

Источник: составлено по официальным документам технологической политики РФ.

В состав цепочек, выстраиваемых головным исполнителем, могут входить малые и средние предприятия, вузы и научные организации, в том числе в роли разработчиков собственных технологических линий. Предполагается, что между участниками цепочек сформируется взаимовыгодное партнерство [39]. Однако, судя по документам, велика вероятность того, что они будут взаимодействовать не столько напрямую, сколько через чиновников федеральных ведомств, осуществляющих непосредственную координацию их деятельности и ее бюджетное стимулирование (льготы, субсидии, ассигнования). Приоритеты в бюджетной поддержке отдаются крупным, укоренившимся в отраслях компаниям, включая государственные, тогда как новые, быстрорастущие фирмы (стартапы) должны будут, по замыслу, включаться в цепочки крупных как субподрядчики. Фундаментальной науке (включая Российскую академию наук) и приравненным к ней аналитическим центрам отводится, судя по всему, достаточно пассивная роль консультантов, которые помогают продвижению проектов ТС на различных уровнях (разработка форсайтов, корректировка перечня отраслевых приоритетов, мониторинг эффективности проводимой политики).

Российские власти рассчитывают, что «мобилизационный» подход к достижению ТС обеспечит прорыв в развитии. Как следует из Концепции, всего через шесть лет Россия должна резко (в 2,5 раза) снизить зависимость от иностранных технологий, не менее резко (в 2,3 раза) поднять уровень инновационной активности бизнеса, довести до 75 % долю собственной высокотехнологичной продукции в объеме потребления, почти вдвое нарастить выпуск инновационных товаров на базе собственных разработок и принципиально отойти от сырьевой специализации экономики, увеличив в 1,5 раза объем несырьевого неэнергетического экспорта. В какой мере удастся осуществить эти амбициозные планы, покажет время. Однако при оценке их реалистичности важно учитывать сопутствующие риски.

Исходным неблагоприятным обстоятельством выглядит то, что еще до санкций российская экономика отличалась многолетним недофинансированием сферы НИОКР, низкой инновационной активностью бизнеса и замедленным технологическим обновлением. По данным Росстата, на протяжении последних десятилетий совокупные затраты России на НИОКР не превышали 1,1 % ВВП (в 2022 г. они

опустились до исторического минимума в 0,94 %). Вклад частного бизнеса в эти затраты оставался на уровне 30 % (на фоне 70 % в развитых странах), а доля инновационно активных фирм в совокупной численности компаний устойчиво держалась на минимуме около 10 %¹.

Другой исходной помехой может оказаться сжатие базы накопленных знаний. Как известно из современной теории инноваций, успешное развитие технологий выступает результатом не столько действия бюджетных стимулов, сколько длительных накопительных эффектов наращивания базы знаний [40]. Уход из России иностранных компаний и специалистов, дополненный релокацией за рубеж квалифицированных отечественных кадров, подрывает эту базу и наносит технологическому потенциалу страны долгосрочный ущерб, который трудно восполнить подобно замещению товарного импорта.

Еще один тип рисков касается самой схемы выстраивания проектов ТС. И мировой опыт, и кластерная теория говорят о том, что образование вертикальных цепочек, где сеть субподрядчиков сконцентрирована вокруг заказов и бюджетных возможностей одной крупной «якорной» компании, а горизонтальные кросс-связи развиты слабо, — не самая продуктивная организационная структура для развития технологических инноваций, особенно когда такие цепочки выстраиваются методом сверху, при государственном отборе приоритетов и участников [7].

Главные же риски проистекают из специфических закономерностей функционирования подсанкционных экономик. Внешние запреты нередко делают их полужакрытыми системами с разросшимся теневым сектором, где происходит деформация рыночных саморегуляторов, искажение бизнес-стимулов и возврат к менее эффективным формам управления, характерным для индустриальной эпохи. В целях устранения провалов рынка и сопротивления санкционному давлению правительства начинают замещать рыночные перераспределительные механизмы бюджетными и административными, причем в свете широкого импортозамещения это распространяется на массовый круг отраслей. Такая политика может облегчить жизнь отдельным группам предприятий, но порождает системные ограничения в области развития технологического и производственного потенциалов. Опираясь на собственные силы и дружественных партнеров, страна может добиться подъема отдельных высокотехнологичных секторов (например, в сфере ИТ или ВПК), но, как свидетельствует опыт Ирана, шансы на продвижение в технологических компетенциях и подъем технологического уровня всей экономики у нее обычно небольшие [41]. Провал иранской «экономики сопротивления» также показывает, что даже при успешном развертывании новых отраслей совершить эффективное расширение сырьевого экспорта не получается: рынки адаптируют экономику к санкциям в режиме технологического упрощения и падения доходности, закрепляя ее прежнюю сырьевую специализацию [42].

5. Отличия российского курса от глобального тренда

Российский курс на ТС часто трактуется как проекция глобального тренда. Однако за его внешним сходством с аналогами в других странах (возрастание роли крупномасштабных бюджетных проектов, расширение гособоронзаказа, защита внутренних рынков и др.) кроются важные внутренние отличия, определяемые санкционной спецификой.

Во-первых, в различных странах мира достижение ТС хотя и связано с проектами-миссиями, но все же касается конкретного круга секторов. По их охвату США реализуют наиболее узкий вариант ТС, Европа — средний, а Китай — наиболее

¹ Росстат, 2024, URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 09.07.2024).

широкий. Россия же разворачивает мегапроекты под задачу замещения импорта и обладания самодостаточным набором технологий в подавляющем большинстве промышленных отраслей. Такая задача выглядит сегодня неподъемной даже для развитой страны, а в подсанкционной экономике форсированный перевод промышленности на собственные технологические линии может сопровождаться снижением, а не повышением производственных стандартов. Помехой в этой области выглядит и многолетняя тенденция упрощения российской экономики: в Глобальном индексе экономической сложности Россия опустилась в 2000-е гг. из третьего десятка в шестой (из 133 стран мира) и осталась на этом уровне к 2022 г.¹

Во-вторых, если западные страны сосредоточены на национальном контроле над новейшими сквозными технологиями, то для России первоочередным приоритетом является замещение критических импортных технологий отечественными (пусть даже предыдущих поколений), перестройка логистических цепочек и локализация производства [43]. Лишь на втором этапе Россия планирует опереться на собственные передовые разработки и обеспечить ускоренное догоняющее развитие методом технологического скачка [39]. Однако, как свидетельствует литература, ориентация на технологический скачок — крайне рискованная ставка в политике обеспечения самодостаточности, даже при успешно подготовленных инженерных кадрах [44]. К тому же России будет трудно реализовать дорогостоящие технологические проекты мирового уровня в силу их некупаемости в условиях санкций. Одна из главных проблем — отсутствие эффекта масштаба: даже при гарантированных госзаказах внутренний спрос на сложную новейшую продукцию в России объективно узок, а возможности ее выведения на внешние рынки могут купироваться санкциями и недостаточной конкурентоспособностью.

В-третьих, у развитых и многих развивающихся экономик неотъемлемой частью ТС являются вопросы энергетической безопасности на базе возобновляемых источников. С 2023 г. курс на зеленый переход взяли ведущие участники БРИКС. Считается, что именно такой курс открывает наиболее перспективное окно возможностей для технологического скачка — как потому, что зеленые технологии (например, электромобили) требуют радикальной технологической модернизации целого ряда отраслей, так и потому, что ориентация страны на достижение углеродной нейтральности порождает интенсивный спрос на зеленую продукцию [45]. В России же задача ускоренного зеленого перехода не входит в стратегическую повестку, а рост вложений Китая и других дружественных стран в новую энергетику рассматривается, скорее, как угроза безопасности, ведущая к потере экспортных и бюджетных доходов. Это снижает готовность российской экономики к будущему технологическому скачку, особенно на фоне ограниченного доступа к глобальному рынку технологий и курса на массовое импортозамещение.

Наконец, в отличие от западного геополитического блока, где перестройка глобальных цепочек предполагает усиление кооперации в кругу развитых стран, партнерство России со странами Восточного блока едва ли укрепит ее позиции на новейших технологических направлениях. Цепочки же «полного инновационного цикла», выстраиваемые Россией на своей территории, могут не отвечать потребностям современного сложного производства.

Точно так же могут не оправдаться надежды российских экспертов и властей на то, что фрагментация откроет России новые перспективы взаимовыгодной кооперации с дружественными странами Азии и глобального Юга [20].

¹ The Atlas of Economic Complexity, *The Growth Lab at Harvard Kennedy School*, URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/countries/186> (дата обращения: 20.06.2024).

В частности, России будет трудно наладить сбалансированную производственную кооперацию с Китаем, гарантирующую ей сохранение ТС. Тренд возрастания ее зависимости от Китая сложился задолго до санкций 2022 г., особенно по линии промежуточного импорта, тогда как встречная зависимость китайской промышленности от российских поставок и рынков сбыта оставалась к началу 2020-х гг. крайне незначительной (рис. 2).

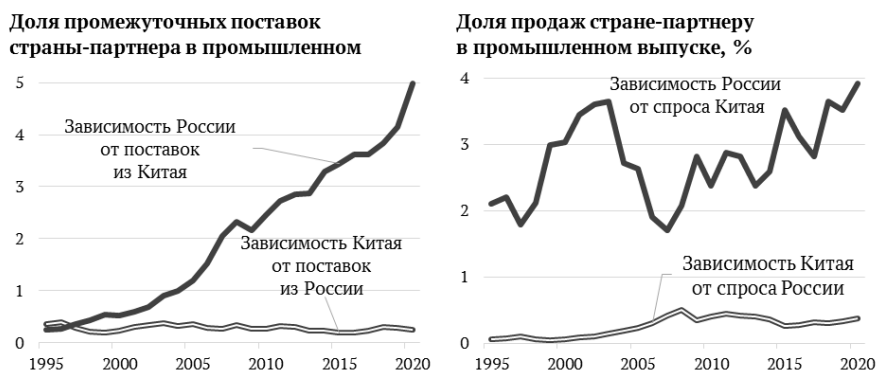

Рис. 2. Асимметрия производственных взаимозависимостей России и Китая (по потокам добавленной стоимости), 1995—2020 гг.

Источник: составлено по методике Р. Болдуина [46], по данным OECD TiVA database, 2023 г.

С переключением связей на Восток Россия широко открыла свой рынок для притока китайских товаров и капиталов, но Китай пока не обнаружил готовности размещать в России прямые инвестиции или допускать в свою экономику российскую несырьевую продукцию. Сегодняшняя Россия интересна ему прежде всего как источник дешевого сырья (не только углеводородов, но и редких металлов, необходимых для технологического соперничества со США), как рынок сбыта автомобилей и других готовых изделий по повышенным ценам, а также как удобный полигон для отработки механизмов сопротивления санкциям. В последние два года Китай резко нарастил объемы торговли с Россией, но преимущественно ради извлечения сверхдоходов в условиях своего ценового диктата на рынке продавца и покупателя. Для России же торговля с Китаем служит важнейшим фактором поддержания экономического роста, что создает для нее критические виды зависимостей: производственную — от китайских промежуточных поставок (включая товары двойного назначения), бюджетную — от китайского нефтегазового спроса, валютную — от состояния юаня и прохождения платежей через китайские банки в условиях вторичных санкций. При этом торговая экспансия России в страны глобального Юга осложнена мощной конкуренцией со стороны Китая, имеющего ценовые преимущества в промышленном экспорте в силу фактора экономии на масштабах.

Похоже, при любой конфигурации Восточного партнерского блока Россия сохранит свою асимметричную зависимость от Китая, что вынудит ее во многом следовать его технико-технологическим решениям — даже при интенсивном развитии собственных.

* * *

Хотя процесс геополитической фрагментации обсуждается сегодня в мире в контексте снижения зависимости наций от поставок из недружественных стран, в литературе отмечается, что его главным драйвером может служить нарастающая

борьба между США и Китаем, между Западом и Востоком за глобальное технологическое лидерство [4]. Как бы то ни было, движение в сторону технологической самодостаточности становится чертой промышленных стратегий самых разных по типу экономик. У каждой из них имеются свои мотивы укрепления собственной производственной и технологической базы, но само это движение отражает противоречивое специфику исторического момента: с одной стороны, цифровизация и зеленый переход, призванные снизить уровень затрат и повысить эффективность, с другой — декаплинг, секьюритизация, вторжение в экономическую повестку политически мотивированных факторов, повышающих потенциальные издержки.

Ключевые издержки связаны с прерыванием поставок критического промежуточного импорта. Как показывает мировой опыт, такое ограничение в торговле несет стране потери в создании добавленной стоимости, что обычно оборачивается сокращением промышленного выпуска и торможением роста ВВП. Интегральный индекс геополитической фрагментации, разработанный специалистами из МВФ, выявляет, что разъединение мировой экономики на блоки негативно скажется на всех странах с точки зрения упущенного роста, причем страны с формирующимися рынками столкнутся здесь с гораздо большими потерями, чем развитые [47]. Другими словами, перестройка глобальных цепочек на принципах френдшоринга может иметь болезненные макроэкономические последствия, а достижение самодостаточности, диктуемое соображениями безопасности или технологического соперничества, оказаться более трудной задачей, чем ожидают правительства. Риски, рассмотренные нами выше в отношении ЕС, США, трех крупных развивающихся экономик и самой России, порождают дополнительные сомнения в успешности ее решения.

В сравнении с другими странами для России прямые потери от фрагментации, скорее всего, окажутся менее ощутимыми — шоки разъединения с Западом она успешно прошла еще в 2022 г. Однако противостоять технологической гегемонии США или Китая для России нереально [48]. На более длинном горизонте санкции и меры адаптации к ним ставят ее в уязвимое положение, порождая длительный макроэкономический стресс, высокую инфляцию и потребность бизнеса в постоянном расширении бюджетного стимула [42]. В этой ситуации намеченная бюджетная поддержка промышленности в рамках российских мегапроектов по суверенитету может определенное время обеспечивать положительную динамику ВВП, но рассчитывать на ее длительный стимулирующий эффект, очевидно, не следует: санкции препятствуют полноценному запуску рыночных драйверов роста.

Более того, масштабные вливания в мегапроекты могут покрыть санкционные издержки крупного российского бизнеса (включая госкомпании), но не привести при этом к достижению намеченных целей в сфере технологического развития. Проблема не сводится к самому количеству отраслевых приоритетов, а упирается в вышеописанные структурные и институциональные барьеры. России важно не допустить сценария, когда интересы крупного бизнеса в получении субсидий и сохранении отраслевого лидерства будут подавлять возможности роста и развития средних технологических компаний (частных и смешанных), которые как раз являются эпицентром новых разработок, способны наладить кооперацию с университетами, научными организациями и малыми инновационными фирмами [39]. Кроме того, при курсе на ТС остро встает вопрос о переливе технологий, капиталов и кадров из оборонных производств в гражданские — традиционное узкое место в российской промышленной политике.

При всей возросшей роли развивающихся стран в мировой экономике блоковое объединение с геополитически близкими партнерами также может не принести России ожидаемых стратегических выигрышей. Ни по своим экономическим

возможностям, ни по характеру своего отношения к сотрудничеству эти страны не в состоянии компенсировать ей утрату западных рынков в части привлечения инвестиций и новейших технологий. При этом в условиях фрагментации мира они, скорее всего, останутся главными бенефициарами российского санкционного положения, продолжая зарабатывать на механизмах ценового арбитража [3].

Высокая нефтяная выручка, до сих пор позволявшая России оплачивать дорожающий импорт и перекрывать возросшие транзакционные издержки, может оказаться недостаточной в случае дальнейшего экономического торможения Китая или переключения Индии на нефтяные поставки из Саудовской Аравии и Венесуэлы. В этой ситуации определенным облегчением стал бы приток в экономику китайских капиталов, что, однако, зависит не только от усилий российской стороны, но и от стратегии дальнейших взаимодействий Китая с Западом. Даже при курсе Китая на ТС рынки США и Европы остаются приоритетными для китайского бизнеса, а местные компании и банки стремятся соблюдать санкционный режим во избежание вторичных санкций. Что не зависит от внешних обстоятельств, так это решимость российских властей последовать примеру Китая в области наращивания бюджетных вложений в науку, особенно фундаментальную. В условиях санкций такой подход в принципе должен стать императивом: без интенсивного укрепления базы знаний России будет трудно сохранить приемлемый технологический уровень.

В рассмотренных исторических обстоятельствах курс России на ТС остается безальтернативным сценарием. Но реалистичный подход заключается в том, что даже при оптимизации этого курса он вовсе не гарантирует автоматического продвижения страны по пути повышения инновативности и динамичности экономического роста. Следует учитывать, что самоадаптация экономики к санкциям всегда сопровождается ее переходом на более низкую технологическую траекторию, и этот пониженный уровень сложности обеспечивает ей новую сбалансированность и естественную самодостаточность. Попытки же правительств реализовать более позитивный сценарий адаптации, сделав экономику более производительной и доходной, чем это позволяет балансирующая работа рынков, пока нигде не увенчались успехом.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России». Авторы выражают благодарность двум анонимным рецензентам за полезные комментарии и замечания.

Список литературы

1. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. 2021, Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности, *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 78—107, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-5>
2. Morgan, T. C., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2023, Economic sanctions: evolution, consequences, and challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 37, № 1, p. 3—29, <https://doi.org/10.1257/jep.37.1.3>
3. Либман, А. М. 2024, Внешнеэкономические условия развития России: изоляция и переориентация, *Вопросы теоретической экономики*, № 2, с. 7—18, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18
4. Mariotti, S. 2024, “Win-lose” globalization and the weaponization of economic policies by nation-states, *Critical Perspectives on International Business*, vol. 19, № 1, <https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089>

5. Tung, R.L., Zander, I., Fang, T. 2023, The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research, *International Business Review*, vol. 32, №6, 102195, <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102195>
6. Aiyar, S., Ilyina, A., Chen, J., Kangur, A., Trevino, J., Ebeke, C., Gudmundsson, T., Soderberg, G., Schulze, T., Kunaratskul, T., Ruta, M., Garcia-Saltos, R., Rodriguez, S. 2023, Geo-economic fragmentation and the future of multilateralism, *IMF Staff Discussion Notes*, №23/001, <https://doi.org/10.5089/9798400229046.006>
7. Смородинская, Н.В. 2015, *Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу*, М., Институт экономики РАН. EDN: WXCOYJ
8. Kuznetsov, Y., Sabel, C. 2014, New open economy industrial policy: Making choices without picking winners, in: Dutz, M.A., Kuznetsov, Y., Lasagabaster, E., Pilat, D. (eds.), *Making innovation policy work: Learning from experimentation*, Paris, OECD Publishing, p. 35—48, <https://doi.org/10.1787/9789264185739-5-en>
9. Rodrik, D. 2009, Industrial policy: don't ask why, ask how, *Middle East Development Journal*, vol. 1, №1, p. 1—29, <https://doi.org/10.1142/S1793812009000024>
10. Warwick, K. 2013, Beyond industrial policy: Emerging issues and new trends, *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, №2, <https://doi.org/10.1787/5k4869clw0xp-en>
11. Aiginger, K., Ketels, C. 2024, Industrial policy reloaded, *Journal of Industry, Competition and Trade*, vol. 24, №7, <https://doi.org/10.1007/s10842-024-00415-8>
12. Cha, V.D. 2023, Collective resilience: deterring China's weaponization of economic interdependence, *International Security*, vol. 48, №1, p. 91—124, https://doi.org/10.1162/isec_a_00465
13. Grier, K.B., Grier, R.M. 2021, The Washington Consensus works: causal effects of reform, 1970—2015, *Journal of Comparative Economics*, vol. 49, №1, p. 59—72, <https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.09.001>
14. Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., Ruta, M. 2024, The return of industrial policy in data, *The World Economy*, vol. 47, №7, p. 2762—2788, <https://doi.org/10.1111/twec.13608>
15. Mazzucato, M. 2021, *Mission economy: A moonshot guide to changing capitalism*, London, Allen Lane.
16. Metcalfe, S., Broström, A., McKelvey, M. 2024, On knowledge and economic transformation: Joseph Schumpeter and Alfred Marshall on the theory of restless capitalism, *Industry and Innovation*, vol. 31, №2, p. 1—14, <https://doi.org/10.1080/13662716.2024.2376318>
17. Boer, L., Rieth, M. 2024, The macroeconomic consequences of import tariffs and trade policy uncertainty, *IMF Working Papers*, №WP/24/13.
18. Baqaee, D., Hinz, J., Moll, B., Schularick, M., Teti, F.A., Wanner, J., Yang, S. 2024, What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy, *Kiel Policy Briefs*, №170.
19. Panon, L., Lebastard, L., Mancini, M., Borin, A., Caka, P., Cariola, G., Essers, D., Gentili, E., Linarello, A., Padellini, T., Requena, F., Timini, J. 2024, Inputs in distress: geoeconomic fragmentation and firms' sourcing, *Questioni di Economia e Finanza*, №861.
20. Широв, А.А. (ред.). 2024, *Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России*, Научный доклад, М., Динамик Принт, <https://doi.org/10.47711/sr2-2024>
21. Roch, J., Oleart, A. 2024, How 'European sovereignty' became mainstream: the geopolitisation of the EU's 'sovereign turn' by pro-EU executive actors, *Journal of European Integration*, vol. 46, №4, p. 545—565, <https://doi.org/10.1080/07036337.2024.2326831>
22. Romanova, T.A. 2024, In different languages 2.0, *Russia in Global Affairs*, vol. 22, №1, p. 72—92, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-1-72-92>
23. European Commission 2024, *Science, research and innovation performance of the EU — 2024: A competitive Europe for a sustainable future*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, <https://doi.org/10.2777/965670>
24. Dietrich, A., Dorn, F., Fuest, C., Gros, D., Presidente, G., Mengel, P.-L., Tirole, J. 2024, Europe's middle-technology trap, *EconPol Forum*, vol. 25, №4, p. 32—59.
25. von Daniels, L. 2024, Economy and national security: US foreign economic policy under Trump and Biden, *SWP Research Papers*, №11, <https://doi.org/10.18449/2024RP11>
26. Bown, C.P. 2022, How COVID-19 medical supply shortages led to extraordinary trade and industrial policy, *Asian Economic Policy Review*, vol. 17, №1, p. 114—135, <https://doi.org/10.1111/aep.12359>

27. Reynolds, E. B. 2024, U.S. industrial transformation and the “how” of 21st century industrial strategy, *Journal of Industry, Competition and Trade*, vol. 24, 8, <https://doi.org/10.1007/s10842-024-00420-x>
28. Zenglein, M. J., Gunter, J. 2023, *The party knows best: Aligning economic actors with China's strategic goals*, Berlin, MERICS.
29. Herrero, A. G. 2021, What is behind China's Dual Circulation Strategy, *China Leadership Monitor*, № 69.
30. Murphy, B. 2022, Chokepoints: China's self-identified strategic technology import dependencies, *Center for Security and Emerging Technology*, <https://doi.org/10.51593/20210070>
31. Li, G., Branstetter, L. G. 2024, Does “Made in China 2025” work for China? Evidence from Chinese listed firms, *Research Policy*, vol. 53, № 6, 105009, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105009>
32. Kumar, S. 2024, Development strategy for future India and Atmanirbhar Bharat: a way forward, *Contemporary World Economy*, vol. 1, № 4, p. 72—90, <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-4-72-90>
33. Chatterjee, S., Subramanian, A. 2023, India's inward (re)turn: is it warranted? Will it work? *Indian Economic Review*, vol. 58, № S1, p. 35—59, <https://doi.org/10.1007/s41775-023-00156-1>
34. Iasco-Pereira, H. C., Morceiro, P. C. 2024, Industrialization and deindustrialization: an empirical analysis of some drivers of structural change in Brazil, 1947—2021, *Brazilian Journal of Political Economy*, vol. 44, № 3, p. 177, <https://doi.org/10.1590/0101-31572024-3645>
35. Suzigan, W., Garcia, R., Assis Feitosa, P. H. 2020, Institutions and industrial policy in Brazil after two decades: have we built the needed institutions? *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 29, № 7, p. 799—813, <https://doi.org/10.1080/10438599.2020.1719629>
36. Maskin, E. 2015, Why haven't global markets reduced inequality in emerging economies? *World Bank Economic Review*, vol. 29, № suppl_1, p. S48—S52, <https://doi.org/10.1093/wber/lhv013>
37. Ленчук, Е. Б. 2023, Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики, *Проблемы прогнозирования*, т. 34, № 4, с. 54—66, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-54-66>
38. Широв, А. А. (ред.). 2024, *Россия 2035: к новому качеству национальной экономики*, Научный доклад, М., Артик Принт, <https://doi.org/10.47711/sr1-2024>
39. Дежина, И. Г., Пономарёв, А. К. 2022, Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России, *Управление наукой: теория и практика*, т. 4, № 3, с. 53—68, <https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.3.5>
40. Powell, W. W., Snellman, K. 2004, The knowledge economy, *Annual Review of Sociology*, vol. 30, № 1, p. 199—220, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100037>
41. Дежина, И. Г. (ред.). 2023, *Новые страны в научно-технологической повестке России*, Аналитический доклад, М., Сколтех. EDN: WQALNT
42. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. 2023, *Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России*, Научный доклад, М., Институт экономики РАН.
43. Дементьев, В. Е. 2023, Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства, *Terra Economicus*, т. 21, № 1, с. 6—18, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18>
44. Lee, K., Malerba, F. 2017, Catch-up cycles and changes in industrial leadership: windows of opportunity and responses of firms and countries in the evolution of sectoral systems, *Research Policy*, vol. 46, № 2, p. 338—351, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.09.006>
45. Altenburg, T., Corrocher, N., Malerba, F. 2022, China's leapfrogging in electromobility. A story of green transformation driving catch-up and competitive advantage, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 183, № 4, 121914, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121914>
46. Baldwin, R., Freeman, R., Theodorakopoulos, A. 2022, Horses for courses: Measuring foreign supply chain exposure, *NBER Working Papers*, № 30525, <https://doi.org/10.3386/w30525>
47. Fernández-Villaverde, J., Mineyama, T., Song, D. 2024, Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect, *NBER Working Papers*, № 32638, <https://doi.org/10.3386/w32638>
48. Хейфец, Б. А. 2020, Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России, *Вопросы экономики*, № 6, с. 104—120, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-104-120>

Об авторах

Наталья Вадимовна Смородинская, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН, Россия.

E-mail: smorodinskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4741-9197>

Даниил Дмитриевич Катук, научный сотрудник, Институт экономики РАН, Россия.

E-mail: dkatukov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3839-5979>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

MOVING TOWARDS TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: A NEW GLOBAL TREND AND THE RUSSIAN SPECIFICS

N. V. Smorodinskaya

D. D. Katukov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia

Received 06 August 2024

Accepted 07 September 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-6

© Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D.,
2024

This paper investigates the global trend of the early 2020s, characterized by securitization of industrial strategies and the course towards technological self-sufficiency/sovereignty (the TS course) in both developed and developing countries, accompanied by geopolitical fragmentation of the world economy. We first identify typical features of the process of securitization of industrial policy in the context of its historical models' evolution, then consider parameters of the TS course, including motives, objectives, tools, and risks, in Western nations (EU and USA) and in leading BRICS members (China, India, Brazil). It is shown that Western countries strive for product and technological independence from China while aiming for global leadership in the field of semiconductor (USA) or green (EU) technologies. Conversely, China aims for a central role in the global economy, prioritizing technological independence from the West. In India and Brazil, the TS course is shaped by structural economic challenges and the risks of growth slowdown. Against this background, we proceed to examine Russia's TS course, analyzing its rationale, design of TS projects, as well as limitations and risks posed by sanctions. Then we highlight distinctions between Russia's TS course and its foreign analogues, as well as reveal risks of Russia's increasing technological

To cite this article: Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., 2024, Moving towards technological sovereignty: a new global trend and the Russian specifics, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 108–135. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-6

dependence on China. The conclusion suggests that achieving TS, driven by security imperatives, may present a more formidable challenge than anticipated by governments across different types of countries.

Keywords:

technological sovereignty, economic self-sufficiency, geopolitical fragmentation, securitization of industrial policy, friendshoring, critical technologies, US-China decoupling, Russia's technology policy

References

1. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., Malygin, V. E. 2021, Global value chains in the age of uncertainty: advantages, vulnerabilities, ways for enhancing resilience, *Baltic Region*, vol. 13, № 3, p. 78—107, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-5>
2. Morgan, T. C., Syropoulos, C., Yotov, Y. V. 2023, Economic sanctions: evolution, consequences, and challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 37, № 1, p. 3–29, <https://doi.org/10.1257/jep.37.1.3>
3. Libman, A. M. 2024, Foreign economic conditions for Russia's development: isolation and reorientation, *Issues of Economic Theory*, № 2, p. 7—18, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18
4. Mariotti, S. 2024, “Win-lose” globalization and the weaponization of economic policies by nation-states, *Critical Perspectives on International Business*, vol. 19, № 1, <https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089>
5. Tung, R. L., Zander, I., Fang, T. 2023, The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research, *International Business Review*, vol. 32, № 6, 102195, <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102195>
6. Aiyar, S., Ilyina, A., Chen, J., Kangur, A., Trevino, J., Ebeke, C., Gudmundsson, T., Soderberg, G., Schulze, T., Kunaratskul, T., Ruta, M., Garcia-Saltos, R., Rodriguez, S. 2023, Geo-economic fragmentation and the future of multilateralism, *IMF Staff Discussion Notes*, № 23/001, <https://doi.org/10.5089/9798400229046.006>
7. Smorodinskaya, N. V. 2015, *Globalized economy: From hierarchies to a network order*, Moscow, Institute of Economics RAS. EDN: WXCOYJ
8. Kuznetsov, Y., Sabel, C. 2014, ‘New open economy industrial policy’ in Dutz, M. A., Kuznetsov, Y., Lasagabaster, E., Pilat, D. (eds.), *Making innovation policy work: Learning from experimentation*, Paris, OECD Publishing, p. 35—48, <https://doi.org/10.1787/9789264185739-5-en>
9. Rodrik, D. 2009, Industrial policy: don't ask why, ask how, *Middle East Development Journal*, vol. 1, № 1, p. 1—29, <https://doi.org/10.1142/S1793812009000024>
10. Warwick, K. 2013, Beyond industrial policy: Emerging issues and new trends, *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, № 2, <https://doi.org/10.1787/5k4869clw0xp-en>
11. Aiginger, K., Ketels, C. 2024, Industrial policy reloaded, *Journal of Industry, Competition and Trade*, vol. 24, 7, <https://doi.org/10.1007/s10842-024-00415-8>
12. Cha, V. D. 2023, Collective resilience: deterring China's weaponization of economic interdependence, *International Security*, vol. 48, № 1, p. 91—124, https://doi.org/10.1162/isec_a_00465
13. Grier, K. B., Grier, R. M. 2021, The Washington Consensus works: causal effects of reform, 1970–2015, *Journal of Comparative Economics*, vol. 49, № 1, p. 59—72, <https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.09.001>
14. Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., Ruta, M. 2024, The return of industrial policy in data, *The World Economy*, vol. 47, № 7, p. 2762—2788, <https://doi.org/10.1111/twec.13608>
15. Mazzucato, M. 2021, *Mission economy: A moonshot guide to changing capitalism*, London, Allen Lane.
16. Metcalfe, S., Broström, A., McKelvey, M. 2024, On knowledge and economic transformation: Joseph Schumpeter and Alfred Marshall on the theory of restless capitalism, *Industry and Innovation*, vol. 31, № 2, p. 1—14, <https://doi.org/10.1080/13662716.2024.2376318>
17. Boer, L., Rieth, M. 2024, The macroeconomic consequences of import tariffs and trade policy uncertainty, *IMF Working Papers*, № WP/24/13

18. Baqaee, D., Hinz, J., Moll, B., Schularick, M., Teti, F. A., Wanner, J., Yang, S. 2024, What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy, *Kiel Policy Briefs*, № 170.
19. Panon, L., Lebastard, L., Mancini, M., Borin, A., Caka, P., Cariola, G., Essers, D., Gentili, E., Linarello, A., Padellini, T., Requena, F., Timini, J. 2024, Inputs in distress: geoeconomic fragmentation and firms' sourcing, *Questioni di Economia e Finanza*, № 861.
20. Shirov, A. A. (ed.). 2024, *Transformation of the world economy: Possibilities and risks for Russia*, Scientific report, Moscow, Dynamic Print
21. Roch, J., Oleart, A. 2024, How 'European sovereignty' became mainstream: the geopolitisation of the EU's 'sovereign turn' by pro-EU executive actors, *Journal of European Integration*, vol. 46, № 4, p. 545—565, <https://doi.org/10.1080/07036337.2024.2326831>
22. Romanova, T. A. 2024, In different languages 2.0, *Russia in Global Affairs*, vol. 22, № 1, p. 72—92, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-1-72-92>
23. European Commission 2024, *Science, research and innovation performance of the EU — 2024: A competitive Europe for a sustainable future*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, <https://doi.org/10.2777/965670>
24. Dietrich, A., Dorn, F., Fuest, C., Gros, D., Presidente, G., Mengel, P.-L., Tirole, J. 2024, Europe's middle-technology trap, *EconPol Forum*, vol. 25, № 4, p. 32—39.
25. von Daniels, L. 2024, Economy and national security: US foreign economic policy under Trump and Biden, *SWP Research Papers*, № 11, <https://doi.org/10.18449/2024RP11>
26. Bown, C. P. 2022, How COVID-19 medical supply shortages led to extraordinary trade and industrial policy, *Asian Economic Policy Review*, vol. 17, № 1, p. 114—135, <https://doi.org/10.1111/aepr.12359>
27. Reynolds, E. B. 2024, U.S. industrial transformation and the “how” of 21st century industrial strategy, *Journal of Industry, Competition and Trade*, vol. 24, 8, <https://doi.org/10.1007/s10842-024-00420-x>
28. Zenglein, M. J., Gunter, J. 2023, *The party knows best: Aligning economic actors with China's strategic goals*, Berlin, MERICS.
29. Herrero, A. G. 2021, What is behind China's Dual Circulation Strategy, *China Leadership Monitor*, № 69.
30. Murphy, B. 2022, Chokepoints: China's self-identified strategic technology import dependencies, *Center for Security and Emerging Technology*, <https://doi.org/10.51593/20210070>
31. Li, G., Branstetter, L. G. 2024, Does “Made in China 2025” work for China? Evidence from Chinese listed firms, *Research Policy*, vol. 53, № 6, 105009, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105009>
32. Kumar, S. 2024, Development strategy for future India and Atmanirbhar Bharat: a way forward, *Contemporary World Economy*, vol. 1, № 4, p. 72—90, <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-4-72-90>
33. Chatterjee, S., Subramanian, A. 2023, India's inward (re)turn: is it warranted? Will it work? *Indian Economic Review*, vol. 58, № S1, p. 35—59, <https://doi.org/10.1007/s41775-023-00156-1>
34. Iasco-Pereira, H. C., Morceiro, P. C. 2024, Industrialization and deindustrialization: an empirical analysis of some drivers of structural change in Brazil, 1947—2021, *Brazilian Journal of Political Economy*, vol. 44, № 3, p. 177, <https://doi.org/10.1590/0101-31572024-3645>
35. Suzigan, W., Garcia, R., Assis Feitosa, P. H. 2020, Institutions and industrial policy in Brazil after two decades: have we built the needed institutions? *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 29, № 7, p. 799—813, <https://doi.org/10.1080/10438599.2020.1719629>
36. Maskin, E. 2015, Why haven't global markets reduced inequality in emerging economies? *World Bank Economic Review*, vol. 29, № suppl_1, p. S48—S52, <https://doi.org/10.1093/wber/lhv013>
37. Lenchuk, E. B. 2023, Technological modernization as a basis for the anti-sanctions policy, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 34, № 4, p. 54—66, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-54-66>
38. Shirov, A. A. (ed.). 2024, *Russia 2035: toward a new quality of national economy*, Scientific report, Moscow, Artique Print, <https://doi.org/10.47711/sr1-2024>

39. Dezhina, I. G., Ponomarev, A. K. 2022, Approaches to ensuring Russia's technological self-sufficiency, *Science Management: Theory and Practice*, vol. 4, № 3, p. 53–68, <https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.3.5>
40. Powell, W. W., Snellman, K. 2004, The knowledge economy, *Annual Review of Sociology*, vol. 30, № 1, p. 199–220, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100037>
41. Dezhina, I. G. (ed.). 2023, *New countries on Russia's science and technology agenda. Analytical report*, Moscow, Skoltech. EDN: WQALNT
42. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., Malygin, V. E. 2023, *The problem of economic sustainability under sanctions: Iran's experience and risks for Russia*, Moscow, Institute of Economics, RAS.
43. Dementiev, V. E. 2023, Technological sovereignty and priorities of localization of production, *Terra Economicus*, vol. 21, № 1, p. 6–18, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18>
44. Lee, K., Malerba, F. 2017, Catch-up cycles and changes in industrial leadership: windows of opportunity and responses of firms and countries in the evolution of sectoral systems, *Research Policy*, vol. 46, № 2, p. 338–351, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.09.006>
45. Altenburg, T., Corrocher, N., Malerba, F. 2022, China's leapfrogging in electromobility. A story of green transformation driving catch-up and competitive advantage, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 183, № 4, 121914, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121914>
46. Baldwin, R., Freeman, R., Theodorakopoulos, A. 2022, Horses for courses: Measuring foreign supply chain exposure, *NBER Working Papers*, № 30525, <https://doi.org/10.3386/w30525>
47. Fernández-Villaverde, J., Mineyama, T., Song, D. 2024, Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect, *NBER Working Papers*, № 32638, <https://doi.org/10.3386/w32638>
48. Kheifets, B. A. 2020, Technological rise of China: new challenges for Russia, *Voprosy Ekonomiki*, № 6, p. 104–120, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-104-120>

The authors

Dr. Nataliya V. Smorodinskaya, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: smorodinskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4741-9197>

Daniel D. Katukov, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: dkatukov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3839-5979>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НЕРАВЕНСТВО СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ НА ЛАТВИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-РЫНКЕ ЦИФРОВОГО МАРКЕТИНГА

Э. Чижо¹

Н. Богданова¹

И. Миетуле²

А. Кокаревича³

Я. Кудиньш¹

¹ Даугавпилсский университет,
LV-5401, Латвия, Даугавпилс, ул. Виенибас, 13

² Резекненская академия технологий,
LV-4601, Латвия, Резекне, Аллея Атбривошанас, 115

³ Рижский университет имени Страдыня,
LV-1007, Латвия, Рига, ул. Дzirциема, 16

Поступила в редакцию 22.03.2024 г.

Принята к публикации 29.07.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-7

© Чижо Э., Богданова Н., Миетуле И.,
Кокаревича А., Кудиньш Я., 2024

Несмотря на широкое распространение цифровых технологий и их потенциал для снижения традиционных барьеров в бизнесе и коммуникации, существует значительное неравенство в доступе к инструментам цифрового маркетинга и выгодам от их использования среди жителей и предприятий Латвии. Целью данной статьи является анализ неравенства среди жителей и предприятий на латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга. Концептуальную основу исследования составляют модель принятия технологии, теория цифрового разрыва и основанный на теории социальных полей ресурсный подход в стратификационных исследованиях. Для динамического анализа статистических данных используется метод оценки кон(ди)вергенции показателей жителей и предприятий Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга. Эмпирической основой данного исследования являются данные латвийской статистики за 2013—2022 гг. (по некоторым показателям — 2023 г.). Результаты исследования показывают, что развитие цифрового маркетинга в Латвии происходит очень быстро, но при этом потенциал для развития все еще остается очень большим, поскольку при 90 %-ном удельном весе жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет, более 30 % латвийцев пока что ни разу не сделали покупку или заказ в интернете. Развитие цифрового маркетинга в Латвии снижает социально-демографическое и географическое неравенство среди жителей и предприятий на цифровом рынке по отношению к «цифровому неравенству входа» (доступа к интернет-рынку), но по отношению к «цифровому неравенству выхода» (отдачи от этого доступа) выравнивающие возможности цифрового маркетинга в Латвии (особенно в ее регионах) ограничены спецификой функционирования экономики, основанной на социальном капитале, в которой практически не работают модели и теории, разработанные для

Для цитирования: Чижо Э., Богданова Н., Миетуле И., Кокаревича А., Кудиньш Я. Неравенство среди жителей и предприятий на латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 136—162. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-7

экономики инноваций. Новизну данного исследования составляет комплексный анализ общего фона и динамики развития латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга в контексте цифрового неравенства среди жителей и предприятий.

Ключевые слова:

цифровой маркетинг, интернет-рынок, цифровое неравенство, цифровой разрыв, кон(ди)вергенция, коэффициент вариации, Латвия

Введение

В Латвии цифровой маркетинг активно используется уже более 15 лет (в мире — более 30 лет [1]) и по сути представляет собой комплекс мер, позволяющих продвигать на рынок и продавать товары и услуги с использованием электронных средств массовой информации. Львиную долю этого процесса занимает деятельность в интернете (представляющем собой технологическую основу для отдельного сегмента рынка маркетинговых услуг)¹, однако цифровой маркетинг охватывает также деятельность на радио и телевидении (не только открытая реклама, но и продвижение потребительских идей, стиля жизни — так называемой «скрытой повестки»)².

В 2023 г. мировой рынок цифрового маркетинга достиг стоимости почти 363,05 млрд долл. США, что обусловлено растущим числом пользователей цифровых каналов. Благодаря быстрому распространению интернет-рекламы и увеличению инвестиций в ИКТ и цифровые платформы ожидается дальнейший рост рынка цифрового маркетинга в прогнозируемый период 2024—2032 гг., при этом среднегодовой темп роста (англ. compound annual growth rate, CAGR) составит 13,1 %³. Северная Америка является ведущим региональным рынком цифрового маркетинга и продолжит доминировать в этой сфере в ближайшие годы. Ожидается, что в прогнозируемый период доля этого региона в общих расходах на цифровой маркетинг составит от 38 до 42 %. Большая целевая аудитория региона побуждает ключевых игроков и бренды Северной Америки выводить на рынок и продвигать свой контент, продукты и услуги в интернете, что, в свою очередь, способствует росту рынка цифрового маркетинга. Ожидается также, что в ближайшие годы произойдет значительный рост рынка цифрового маркетинга и в Азиатско-Тихоокеанском регионе — из-за высокой плотности населения региона, распространения интернета и растущей популярности смартфонов среди населения⁴.

В свою очередь, Латвия, согласно Индексу цифровой экономики и общества (англ. Digital Economy and Society Index, DESI) за 2021 г., хорошо справляется с подключением, использованием интернет-услуг и цифровизацией общественных служб, но степень цифровизации бизнеса среди малых и средних предприятий (МСП) и электронной коммерции значительно отстает от среднего уровня по Европейскому союзу (ЕС). Это делает Латвию одной из наименее развитых стран ЕС в этом аспекте, с самым низким уровнем веб-продаж бизнесу и прави-

¹ Интернет-рынок цифрового маркетинга — это сфера в интернете, в которой компании и бренды используют различные цифровые инструменты и платформы для продвижения продуктов, услуг и укрепления своего бренда среди целевой аудитории (Expert Market Research, 2023).

² Draudzīgs Internets. 2023, *Digitālais mārketinga — situācija Latvijā*, URL: <https://www.draudzigsinternets.lv/digitalais-marketinga-interneta/> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Expert Market Research. 2023, *Global Digital Marketing Market Outlook*, URL: <https://www.expertmarketresearch.com/reports/digital-marketing-market> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Ibid.

тельствам в ЕС¹. МСП в Латвии проходят определенный путь цифровой адаптации, при этом они отстают во всех областях цифровых технологий от крупных предприятий.

Несмотря на то что в настоящее время в Латвии зарегистрировано несколько десятков тысяч веб-сайтов предприятий, лишь небольшая часть из них способна привлечь посетителей из крупнейшей в мире поисковой системы Google. Недостаточное содержание, неправильные технические настройки или недостаточная популярность означает, что о существовании таких веб-сайтов знают только их владельцы². Для того чтобы веб-сайт был успешным и привлекал покупателей, о нем должны быть осведомлены потенциальные клиенты. Инструменты цифрового маркетинга могут помочь в этом, если используются правильные решения и веб-сайт адаптирован к передовой практике продаж [2]. Здесь наблюдается так называемое «цифровое неравенство» (англ. digital inequality)³, или «цифровой разрыв» (англ. digital divide) [3–5], среди предприятий, которое заключается в неравенстве технических, профессиональных, культурных и прочих возможностей и способностей успешно функционировать на интернет-рынке цифрового маркетинга.

Что касается потенциальных участников интернет-рынка цифрового маркетинга в Латвии, то по состоянию на 2022 г. 10 % населения страны (в Латгале — традиционно отставшем юго-восточном регионе Латвии [6] — 16,3 %) вообще не используют интернет регулярно (хотя бы раз в неделю)⁴, что означает их практическую недостижимость для инструментов цифрового маркетинга. В свою очередь, в 2019 г. — до пандемии COVID-19, ставшей толчком для усиления цифровизации многих сфер деятельности в большинстве стран мира, — удельный вес латвийцев, не использующих интернет хотя бы раз в неделю, составлял 16,3 % (в Латгале — 23,5 %)⁵.

В научной литературе [7; 8] и практике бизнеса [9] признается, что интернет-рынок цифрового маркетинга обладает потенциалом снижения цифрового неравенства среди жителей и предприятий. С другой стороны, результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что выравнивание возможностей в смысле равного доступа к интернету приводит к еще большему усилению неравенства по технологическому признаку, поскольку индивиды с изначально более высоким социально-экономическим статусом намного успешнее используют возможности, открывающиеся в интернете в целом и на интернет-рынке цифрового маркетинга в частности [10].

Таким образом, несмотря на широкое распространение цифровых технологий и их потенциал для снижения традиционных барьеров в бизнесе и коммуникации,

¹ European Commission. 2021, *Digital Economy and Society Index (DESI) 2021 Latvia*, URL: <https://www.varam.gov.lv/lv/media/29250/download> (дата обращения: 20.03.2024).

² Latvijas Republikas Vides aizsardzības un reģionālās attīstības ministrija (LR VARAM). 2020, *Latvijas uzņēmēju aptaujas rezultāti — Digitālo tehnoloģiju izmantošana uzņēmumos*, URL: <https://www.varam.gov.lv/lv/petijumi-e-parvaldes-joma> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Buhtz, K., Reinartz, A., König, A., Graf-Vlachy, L. 2014, Second-order digital inequality: the case of e-commerce, *Proceedings of the 35th International Conference on Information Systems*, Auckland, URL: <https://www.graf-vlachy.com/publications/Buhtz%20et%20al%202014%20Second-Order%20Digital%20Inequality-%20The%20Case%20of%20E-Commerce%20ICIS.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula DLM010: Iedzīvotāji, kuri lieto datoru / internetu (procentos no iedzīvotāju kopskaita attiecīgajā grupā), 2004—2023, *Statistikas datubāze*, URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/informacijas-tehn/ikt-majsaimniecibas/tabulas/dlm010-iedzivotaji-kuri-lieto?themeCode=EK> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Ibid.

существует значительное неравенство в доступе к инструментам цифрового маркетинга и выгодам от их использования среди жителей и предприятий Латвии. Это неравенство проявляется как в различиях в технической оснащенности и профессиональных компетенциях, так и в географическом и социально-экономическом разделении, что существенно влияет на вовлеченность жителей и предприятий в интернет-рынок цифрового маркетинга.

Цель данной статьи — анализ неравенства среди жителей и предприятий на латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга. Мы предполагаем, что развитие цифрового маркетинга в Латвии происходит очень быстро и снижает неравенство среди жителей и предприятий на интернет-рынке, то есть их цифровое неравенство. Эмпирической основой данного исследования являются данные латвийского Центрального статистического управления (ЦСУ) (*лат. Centrālā statistikas pārvalde, CSP*) за последние 10—11 лет (с 2013 по 2022 г. (по некоторым показателям — по 2023 г.)) о вовлеченности различных групп жителей и предприятий в интернет-рынок цифрового маркетинга.

Обзор и краткий анализ литературы

Термин «цифровой маркетинг» появился в 1990-е гг., в период стремительного развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) [11; 12]. В настоящее время цифровой маркетинг рассматривается как одна из четырех составляющих комплексной цифровизации предприятия, и все четыре взаимосвязанных элемента — развитие ИКТ (модернизация инфраструктуры), оцифровка операций, цифровой маркетинг и цифровой бизнес — «являются этапами цифрового путешествия большинства предприятий» [9, р. 12]. Концепт «цифрового путешествия» как длительного процесса (и тезис «трансформируйся или умри») используют также авторы «Отчета о цифровом путешествии МСП в Латвии 2021: Механизм цифровой трансформации» (*англ. «SMEs Digital Journey Report Latvia 2021: Mechanism of the Digital Transformation»*) для анализа процесса цифровой трансформации латвийских малых и средних предприятий (МСП), обычно начинающих свое «цифровое путешествие» с оцифровки общего администрирования и маркетинговых операций¹.

Следующим шагом является использование социальных сетей или участие в э-коммерции. Однако по мере появления на рынке более сложных технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект, — способность МСП их внедрять значительно снижается по сравнению с крупными предприятиями². И хотя некоторые эксперты утверждают, что цифровой маркетинг предоставляет равные возможности для роста каждому бизнесу³ [8], компетентность предприятий в сфере

¹ Rupeika-Apoga, R., Bule, L. 2021, *SMEs Digital Journey Report Latvia 2021: Mechanism of the Digital Transformation*, University of Latvia, Faculty of Business, Management and Economics, URL: https://www.bvef.lu.lv/fileadmin/user_upload/LU.LV/Apaksvietnes/Fakultates/www.bvef.lu.lv/Report.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

² Rupeika-Apoga, R., Bule, L. 2021, *SMEs Digital Journey Report Latvia 2021: Mechanism of the Digital Transformation*, University of Latvia, Faculty of Business, Management and Economics, URL: https://www.bvef.lu.lv/fileadmin/user_upload/LU.LV/Apaksvietnes/Fakultates/www.bvef.lu.lv/Report.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

³ Zwilling, M. 2014, Digital marketing is a great equalizer for startups, *Forbes*, 25.11, URL: <https://www.forbes.com/sites/martinzwilling/2014/11/25/digital-marketing-is-a-great-equalizer-for-startups/?sh=486eddc96bd4> (дата обращения: 20.03.2024).

цифрового маркетинга часто оставляет желать лучшего, поскольку «цифровой маркетинг — это больше, чем просто внедрение технологий, это еще и стратегии по интеграции технологий в бизнес-процессы» [13, р. 4].

Что касается поведения потенциальных клиентов предприятий на интернет-рынке цифрового маркетинга, то, к примеру, результаты исследования, проведенного в Литве, показывают, что литовские покупатели предпочитают традиционные покупки в магазинах, а не интернет-шопинг [2]. Так, 44 % покупателей посещают «физические» магазины более трех раз в неделю. Несмотря на предпочтение традиционных покупок, авторы исследования указывают на то, что рынок интернет-покупок в Литве по-прежнему растет. В рамках литовского исследования определены также ключевые характеристики интернет-магазинов, оказывающие наибольшее влияние на поведение покупателей в процессе интернет-шопинга. Ими оказались дизайн веб-сайта, его информативность, удобство, безопасность и популярность интернет-магазина [2]. В целом литовские исследователи подчеркивают важность адаптации стратегий цифрового маркетинга и интернет-продаж к предпочтениям и поведению местных потребителей, а также необходимость дальнейших исследований в этой области, особенно в различных географических регионах с похожими экономическими и культурными условиями [2], например в Латвии.

В научной литературе самой перспективной целевой аудиторией на интернет-рынке цифрового маркетинга признается молодежь [7; 14; 15]. К примеру, результаты исследования, проведенного в Пакистане, показывают, что молодые пакистанцы предпочитают привлекательные и хорошо спроектированные веб-сайты или социальные сети с множеством уникальных функций для покупки товаров и услуг — так, хороший дизайн веб-сайта и его функции увеличивают намерение покупки на 55,2 % [7]. Результаты факторного анализа показывают, что в целом маркетинг в социальных сетях определяет покупательское поведение молодежи в Пакистане на 53,5 %, а остальные 46,5 % обусловлены другими внешними и внутренними факторами, не относящимися к интернет-рынку, — такими как личные, социальные, психологические, культурные различия или экологические факторы [7].

На стремительно растущем во всем мире интернет-рынке цифрового маркетинга появилась и своя стратификация, чаще всего обозначаемая в научной литературе терминами «цифровое неравенство» или «цифровой разрыв». Исследователи выделяют несколько уровней цифрового неравенства — например, «эффекты первого и второго порядка» (англ. a first- and a second-order effect): эффект первого порядка создается от неравенства доступа к ИКТ, а эффект второго порядка — от неравенства в использовании ИКТ¹. Несмотря на утверждения некоторых исследователей о том, что цифровой разрыв со временем исчезнет в связи с увеличением доступа к интернету [4], результаты изучения интернет-поведения 2819 пользователей электронной коммерции в США за шесть месяцев показывают другую картину: даже при сопоставимом уровне доступа к интернету пользователи со сравнительно высоким социально-экономическим статусом извлекают большую выгоду от использования э-коммерции, чем пользователи со сравнительно низким

¹ Buhtz, K., Reinartz, A., König, A., Graf-Vlachy, L. 2014, Second-order digital inequality: the case of e-commerce. *Proceedings of the 35th International Conference on Information Systems*, Auckland, URL: <https://www.graf-vlachy.com/publications/Buhtz%20et%20al%202014%20Second-Order%20Digital%20Inequality-%20The%20Case%20of%20E-Commerce%20ICIS.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

социально-экономическим статусом¹. В частности, пользователи с более высоким доходом совершают покупки на большем количестве веб-сайтов в рамках определенной категории цифровых платформ; также с большей вероятностью они будут делать покупки на большем количестве цифровых платформ; констатируется положительное и значимое ($p < 0,01$) влияние дохода на использование альтернативных платформ электронной коммерции; также выявлена положительная связь между доходом и использованием веб-сайтов сравнения цен; пользователи с более высоким доходом с большей вероятностью используют электронные купоны или одновременно используют веб-сайты сравнения цен и электронные купоны. Таким образом, цифровое неравенство второго порядка демонстрирует, что некоторые индивиды получают меньшую выгоду от цифровых возможностей не столько из-за ограниченности доступа, сколько из-за ограниченности способностей использовать ИКТ.

Некоторые исследователи выделяют три уровня цифрового разрыва среди жителей [5; 14]: 1) доступ к интернету — разница в доступе к новейшим ИКТ (наличие или отсутствие материальной базы) и включает в себя не только владение специальными устройствами (смартфонами, компьютерами и др.), но и наличие доступа к интернету, а также его качественные характеристики (скорость, стоимость и др.); 2) использование интернета — разница в навыках, необходимых для эффективного использования ИКТ (наличие способностей не только потреблять контент, но и производить его, быть активным участником взаимодействия); 3) выгоды от использования интернета — разница в жизненных шансах и возможностях, обусловленных использованием ИКТ (этот уровень наиболее сложен для измерения и опирается на информацию об уровне цифровизации отдельных сфер жизни общества). Результаты исследования, проведенного в России [14], позволяют констатировать существование различий в доступе и использовании интернета между поколениями с точки зрения как владения цифровыми гаджетами, так и целей использования интернета. При этом отмечена положительная динамика среди представителей всех поколений в освоении интернета. Оценка цифрового разрыва третьего уровня позволила сделать вывод о наличии выгод от использования интернета для всех поколений в России [14].

В Латвии изучением различных аспектов интернет-рынка цифрового маркетинга и цифрового неравенства среди жителей, предприятий и даже самоуправлений активно занимаются на факультете бизнеса, управления и экономики Латвийского университета, в основном под руководством профессора Б. Слоки (B. Sloka). Результаты исследований показывают, что существует цифровое неравенство среди самоуправлений Латвии². Так, из 119 самоуправлений Латвии 13 не используют социальные сети вообще. Некоторые самоуправления используют до четырех различных социальных сетей, в то время как другие ограничиваются одной или двумя. В частности, 37 самоуправлений используют четыре различные социальные сети. Эти данные указывают на значительные различия в принятии и использовании ИКТ среди самоуправлений Латвии, что может

¹ Buhtz, K., Reinartz, A., König, A., Graf-Vlachy, L. 2014, Second-order digital inequality: the case of e-commerce. *Proceedings of the 35th International Conference on Information Systems*, Auckland, URL: <https://www.graf-vlachy.com/publications/Buhtz%20et%20al%202014%20Second-Order%20Digital%20Inequality-%20The%20Case%20of%20E-Commerce%20ICIS.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

² Sloka, B., Lase, K., Vitols, M. 2021, *Social Media Use in Municipalities in Latvia*, University of Latvia, URL: http://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/56470/Social_Media_Use.pdf?sequence=3&isAllowed=y (дата обращения: 20.03.2024).

усугублять цифровой разрыв среди жителей и предприятий на третьем уровне, опирающемся на уровень цифровизации местных административных и общественных услуг [5; 14].

Кроме того, латвийскими исследователями изучается проблема цифрового неравенства в домохозяйствах Латвии в зависимости от таких характеристик, как место проживания (регион, город или сельская местность), уровень доходов и уровень образования [16]. Используя данные латвийского Центрального статистического управления (ЦСУ) за 2019 г., К. Ласе (K. Lase) и Б. Слока выявили различия между доступом к интернету в городе и сельской местности, социально-экономические различия между жителями с разным доходом и образованием, которые влияют на их возможности доступа к интернету и цифровые навыки. Исследователи пришли к выводу о том, что латвийскому обществу необходимо укрепление мотивации к непрерывному обучению, инвестиции в ИКТ и повышение осведомленности жителей о важности цифровизации [16].

Несмотря на достаточно активное изучение интернет-рынка цифрового маркетинга и цифрового неравенства в Латвии, нам не удалось найти сколько-нибудь длительный динамический анализ изменений, происходящих на латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга в контексте цифрового неравенства среди жителей и особенно предприятий. Следовательно, пока что не сделано попытки подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что развитие цифрового маркетинга в Латвии происходит очень быстро и снижает неравенство среди жителей и предприятий на интернет-рынке. Кроме того, нет исследований, анализирующих общий фон и динамику развития латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга в контексте цифрового неравенства среди жителей и предприятий.

Концептуальная основа и методология исследования

Поскольку интернет-рынок цифрового маркетинга основан на технологии, то концептуальное понимание и описание поведения его потенциальных и реальных участников может основываться на модели принятия технологии (*англ.* technology acceptance model, TAM), разработанной Ф. Дэвисом (F. Davis) и объясняющей, как пользователи принимают и используют компьютеризированные информационные системы¹ [17]. Во-первых, важна воспринимаемая полезность (*англ.* perceived usefulness) новой технологии — степень, в которой индивид полагает, что использование определенной компьютеризированной информационной системы улучшит его работу (если технология воспринимается как полезная, она скорее будет принята и использована). Во-вторых, важна также воспринимаемая легкость использования (*англ.* perceived ease of use) новой технологии — степень, в которой индивид полагает, что применение технологии не потребует чрезмерных усилий. Если технология воспринимается как легкая в использовании, вероятность ее принятия со стороны потенциального пользователя увеличивается [17].

Восприятие полезности и легкости использования новой технологии, скорее всего, формируется под сильным влиянием социально-экономического статуса

¹ Davis, F. D. 1986, *A Technology Acceptance Model for Empirically Testing New End-User Information Systems: Theory and Results*, Ph.D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology, Sloan School of Management, URL: https://www.researchgate.net/publication/35465050_A_Technology_Acceptance_Model_for_Empirically_Testing_New_End-User_Information_Systems (дата обращения: 20.03.2024).

индивидов¹. Тогда можно ожидать, что латвийцы со сравнительно низким социально-экономическим статусом сочтут деятельность на интернет-рынке сложной и рискованной и будут менее мотивированы утилитарными выгодами от этой деятельности, что приведет к менее эффективному использованию ими инструментов цифрового маркетинга по сравнению с их согражданами со сравнительно высоким социально-экономическим статусом.

Концептуальные основы неравенства на интернет-рынке цифрового маркетинга более глубоко разясняются с помощью теории цифрового разрыва (*англ.* digital divide theory) Я. ван Дейка (J. van Dijk) [18; 19], используемой в тех исследованиях, которые выделяют несколько уровней цифрового неравенства² [3] или цифрового разрыва [5; 14]. Сам Я. ван Дейк выделяет четыре вида доступа к ИКТ [19]:

1) мотивационный доступ — интерес, желание и потребность использовать ИКТ; касается убеждений и отношения потенциальных пользователей к технологии, включая их интерес к ИКТ и восприятие их полезности;

2) материальный доступ — физическое наличие компьютера, смартфона и интернет-соединения; также включает в себя доступность и стоимость оборудования и услуг, что может быть значительным барьером для некоторых групп потенциальных пользователей;

3) навыки доступа — способности и навыки, необходимые для эффективного использования ИКТ (способность использовать программное и аппаратное обеспечение, способность искать, находить и обрабатывать информацию);

4) использование доступа — фактическое применение ИКТ в повседневной жизни, работе и обучении; как часто и как эффективно пользователи применяют технологии для достижения своих целей.

Я. ван Дейк подчеркивает, что все эти виды доступа к ИКТ взаимосвязаны и важны для понимания цифрового разрыва — недостаток в любом из них может стать препятствием для полноценного вовлечения в цифровое общество [18; 19]. Таким образом, основными причинами цифрового неравенства среди жителей и предприятий Латвии, расположенных на разных уровнях, являются неравенство в ИКТ-навыках и компетенциях, неравенство доступа к инфраструктуре, социально-экономическое неравенство (неравенство первого порядка), неравенство в эффективности использования возможностей, открывающихся на интернет-рынке цифрового маркетинга (неравенство второго порядка).

Еще одну парадигму для концептуального понимания и описания поведения потенциальных и реальных участников интернет-рынка цифрового маркетинга предлагает основанный на теории социальных полей (*англ.* theory of social fields) П. Бурдьё (P. Bourdieu) [20] ресурсный подход [21], активно используемый в исследованиях Даугавпилсского университета для изучения объема и структуры «ресурсного портфеля» и совокупного капитала различных социальных классов [22–24]. Ресурсный подход, или подход ресурсов-активов-капитала, разработанный Н. Тихоновой в качестве новой теоретической парадигмы в стратификационных исследованиях [21], основан на следующей методологической предпосылке: ресурсы, имеющиеся в распоряжении индивида / предприятия, в

¹ Buhtz, K., Reinartz, A., König, A., Graf-Vlachy, L. 2014, Second-order digital inequality: the case of e-commerce? *Proceedings of the 35th International Conference on Information Systems*, Auckland, URL: <https://www.graf-vlachy.com/publications/Buhtz%20et%20al%202014%20Second-Order%20Digital%20Inequality-%20The%20Case%20of%20E-Commerce%20ICIS.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

² Ibid.

результате их задействования (активации) могут быть превращены в его активы, которые, в свою очередь, могут принести социально-экономическую отдачу в результате их капитализации, то есть стать капиталом индивида / предприятия. Согласно методологии, разработанной В. Меньшиковым [22] и в дальнейшем модифицированной авторами [24], девять групп ресурсов — экономических, культурных, профессиональных, социальных, административных, политических, символических, физических и географических — образуют структуру «ресурсного портфеля», характерную для европейского сообщества¹. В Латвии на примере двух социальных страт — рабочих и «среднего класса» (выделенных на основе трех характеристик: доход, образование, самоидентификация) — была обнаружена статистически значимая разница в объеме «ресурсного портфеля», а также установлено, что рабочие менее успешно, чем представители «среднего класса», капитализируют имеющиеся в их распоряжении ресурсы, то есть менее способны превращать их в свой капитал [24]. Таким образом, социальные страты различаются между собой не столько спецификой ресурсов, сколько спецификой полученного из них капитала [24].

В целом нам представляется, что и модель принятия технологии, и теория цифрового разрыва, и основанный на теории социальных полей ресурсный подход в стратификационных исследованиях предлагают по сути общее концептуальное понимание того, что цифровое неравенство (как и любой другой вид неравенства) включает в себя два основных аспекта — неравенство возможностей (входа) и неравенство достижений (выхода). Каждый из вышеназванных и используемых в данном исследовании теоретико-методологических подходов объясняет механизм цифрового неравенства в разных системах координат и терминах, но все они признают тот факт, что равенство доступа к ИКТ еще не означает равенства результата («возможности компьютера сильно зависят от способностей того, кто за ним сидит»). В приложении к гипотезе данного исследования о том, что развитие цифрового маркетинга в Латвии снижает неравенство среди жителей и предприятий на интернет-рынке, это означает следующее: гипотеза может оказаться верной по отношению к «цифровому неравенству входа» и не совсем верной по отношению к «цифровому неравенству выхода».

В рамках данного исследования развитие интернет-рынка цифрового маркетинга концептуально понимается прежде всего в количественном аспекте — как увеличение относительного количества жителей и предприятий Латвии, потенциально и реально вовлеченных в интернет-рынок цифрового маркетинга. Эмпирически это интерпретируется как удельный вес жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет и делающих там покупки или заказы, а также удельный вес предприятий Латвии, имеющих веб-сайт и использующих социальные медиа в интернете.

¹ В других обществах структура «ресурсного портфеля» может быть иной. Например, результаты недавнего исследования в двух странах Юго-Восточной Азии — Индонезии и Таиланде [25] — показывают, что в этих обществах религиозный ресурс-актив-капитал играет важную роль в социальной стратификации, поскольку он используется в качестве стартовой основы для доступа к другим ресурсам и их активации-капитализации. Но в современной Латвии религиозная принадлежность людей не дает им никаких преимуществ [26], то есть не является детерминантой социальной стратификации, что, скорее всего, верно и для Европы в целом.

На рисунке 1 схематично представлена построенная на основе доступных статистических данных¹ структура жителей и предприятий Латвии, потенциально и реально вовлеченных в интернет-рынок цифрового маркетинга.

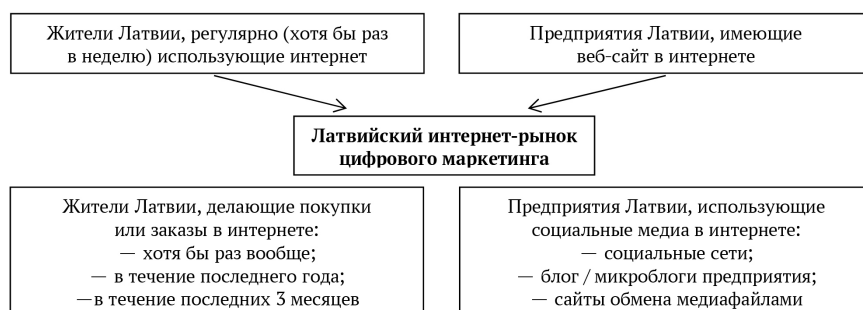

Рис. 1. Отражаемая в статистике структура потенциальных и реальных участников латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга

Источник: разработано на основе классификации, принятой в официальной латвийской статистике.

Для изучения динамики относительного количества жителей и предприятий Латвии, потенциально и реально вовлеченных в интернет-рынок цифрового маркетинга, то есть удельного веса жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет и делающих там покупки или заказы, а также удельного веса предприятий Латвии, имеющих веб-сайт и использующих социальные медиа в интернете, мы применяем метод оценки кон(ди)вергенции [27—29] показателей вовлеченности различных групп жителей и предприятий Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга за период времени с 2013 по 2022 г. (2023) при помощи сравнительного анализа (*англ. comparative analysis*) данных и расчета коэффициента вариации (*англ. coefficient of variation*)².

Концепция кон(ди)вергенции вполне применима для описания сближения или расхождения показателей вовлеченности различных групп жителей и предприятий Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга за определенный период времени, поскольку в экономическом и социальном контекстах конвергенция относится к процессу, когда определенные показатели различных групп или территорий сближаются [27]. Для подтверждения наличия конвергенции (снижения цифрового неравенства) или дивергенции (усиления цифрового неравенства) можно исполь-

¹ Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula DLM010: Iedzīvotāji, kuri lieto datoru / internetu (procentos no iedzīvotāju kopskaita attiecīgajā grupā), 2004—2023, *Statistikas datubāze*, URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/informacijas-tehn/ikt-majsaimniecibas/tabulas/dlm010-iedzivotaji-kuri-lieto?themeCode=EK>; Tabula EK1020: Iedzīvotāji, kuri ir vai nav veikuši pirkumus tiešsaistē internetā personiskiem mērķiem (procentos no iedzīvotāju kopskaita attiecīgajā grupā), 2013—2022, *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_IKT_EK_EK1/EK1020; Tabula DLU010: Datoru, interneta un mājaslapas lietošana uzņēmumos (% no uzņēmumu kopskaita attiecīgajā grupā), *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_IKT_DL_DLU/DLU010; Tabula DLU050. Sociālo mediju lietošana internetā uzņēmumos (% no uzņēmumu kopskaita attiecīgajā grupā), *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_IKT_DL_DLU/DLU050 (дата обращения: 20.03.2024).

² Marques, A., Soukiazis, E. 1998, *Per Capita Income Convergence across Countries and across Regions in the European Union. Some New Evidence*, Paper presented during the 2nd International meeting of European Economy organized by CEDIN(ISEG) in Lisbon, URL: http://www4.fe.uc.pt/ceue/working_papers/iconver.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

зовать статистические данные о динамике показателей вовлеченности различных групп жителей и предприятий Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга, чтобы определить степень сближения или расхождения этих показателей.

В научной (в основном эконометрической) литературе [27—29] выделяют два основных вида кон(ди)вергенции: β (бета)-кон(ди)вергенция (англ. β (beta)-con(di)vergence) и σ (сигма)-кон(ди)вергенция (англ. σ (sigma)-con(di)vergence). Это две разные концепции, используемые в основном экономистами для изучения меж-территориального сближения (конвергенция) или расхождения (дивергенция) по различным показателям [30—32]. Так, концепция β -конвергенции используется для описания процесса, при котором сравнительно бедные экономики растут более быстрыми темпами, чем сравнительно богатые, что со временем приводит к уменьшению разрыва измеряемых показателей между ними [31]. Ее можно назвать кон(ди)вергенцией (сближением или расхождением величины показателей) во времени и приложить к любым показателям и группам, в том числе и к показателям вовлеченности различных групп жителей и предприятий Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга за изучаемый период времени, ожидая подтверждения того, что отстающие группы жителей и предприятий увеличивали свою вовлеченность в интернет-рынок более быстрыми темпами.

В свою очередь, концепция σ -кон(ди)вергенции описывает уменьшение или увеличение вариативности (разброса) показателей между — в данном исследовании — различными группами жителей и предприятий. Ее можно назвать кон(ди)вергенцией (сближением или расхождением величины показателей) в пространстве (не только в физическом, но и в социально-экономическом), приводящей к снижению или усилению неравенства между изучаемыми группами. Вывод о наличии или отсутствии σ -кон(ди)вергенция величин показателей делается на основе динамического анализа коэффициента вариации [31], позволяющего оценить вариативность (разброс) признака в нормированных границах [33]. Коэффициент вариации рассчитывается как отношение стандартного отклонения к среднему арифметическому по выборке¹; если его значение меньше 10 %, то разброс относительно средней арифметической считается слабым, при 10—30 % — средним, при 30—60 % — сильным, при 60—100 % — очень сильным [33]. Коэффициент вариации может быть использован для анализа кон(ди)вергенции, особенно в контексте σ -кон(ди)вергенции [31].

Эмпирической основой данного исследования являются данные ЦСУ Латвии за последние 10—11 лет (с 2013 по 2022 г. (2023)) о вовлеченности жителей и предприятий в интернет-рынок цифрового маркетинга (рис. 1) по Латвии в целом и в зависимости от их социально-демографических и географических характеристик: для жителей — от возраста (16—24, 25—34, 35—44, 45—54, 55—64, 65—74 года), образования (ISCED 0—2 — нет школьного образования, образование ниже начального, основное или начальное образование; ISCED 3 — общее среднее образование; ISCED 5—8 — высшее образование²), типа экономической активности (занятые, безработные, школьники или студенты, другие экономически неактивные) и региона проживания (Рига, Пририжье, Видземе, Курземе, Земгале, Латгале); для предприятий — от количества занятых (10—49, 50—249, 250+ занятых³) и отрасли экономики (по классификации NACE 2).

¹ Marques, A., Soukiazis, E. 1998, *Per Capita Income Convergence across Countries and across Regions in the European Union. Some New Evidence*, Paper presented during the 2nd International meeting of European Economy organized by CEDIN(ISEG) in Lisbon, URL: http://www4.fe.uc.pt/ceue/working_papers/iconver.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

² В статистическом источнике нет данных по уровню образования ISCED 4.

³ В статистическом источнике есть данные только по предприятиям с количеством занятых 10+.

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с методологией данного исследования статистический анализ развития латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга в контексте цифрового неравенства среди жителей и предприятий включает в себя изучение динамики относительного количества потенциальных и реальных участников интернет-рынка цифрового маркетинга, то есть удельного веса жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет и делающих там покупки или заказы, а также удельного веса предприятий Латвии, имеющих веб-сайт и использующих социальные медиа в интернете.

Как показывают данные официальной статистики, удельный вес жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет, то есть потенциальных участников латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга, за последние 10 лет в целом по Латвии увеличился на 18,8 процентных пункта — с 71,2 % населения в 2013 г. до 90,0 % в 2022 г. (здесь и далее по тексту — рассчитано по данным ЦСУ Латвии). При этом наименьший прирост (16,8—17,2 процентных пункта) наблюдался в Риге и Пририжье, в которых на момент исходного 2013 г. был наибольший удельный вес жителей, регулярно использующих интернет (74,9 и 75,0 % соответственно). В свою очередь, наибольший прирост потенциальных участников интернет-рынка цифрового маркетинга наблюдался в периферийных регионах Латвии, хотя нельзя сказать, что в Латгале, где на момент исходного 2013 г. был наименьший удельный вес жителей, регулярно использующих интернет (64,9 %), прирост был самым большим (что характеризует β -конвергенцию, при которой показатели более отстающих групп растут быстрее).

Что касается σ -конвергенции, то разброс показателя регулярности использования интернета по регионам Латвии был слабым как в 2013 г. (5,4 %), так и в 2022 г. (3,2 %), при этом снизившись за 10 лет на 2,2 процентных пункта. Это свидетельствует о том, что по доступу к ИКТ, в отличие от большинства других социально-экономических показателей, в Латвии практически нет регионального неравенства (кроме того, региональная вариативность доступа к ИКТ продолжает снижаться, и самое большое снижение наблюдалось во время пандемии COVID-19 — с 4,2 % в 2020 г. до 2,8 % в 2021 г.). Это также свидетельствует в пользу гипотезы данного исследования о снижении географического неравенства среди жителей на интернет-рынке — по крайней мере в плане доступа на этот рынок.

В рамках данного исследования мы не анализировали регулярность использования интернета жителями Латвии в зависимости от их возраста, образования, типа экономической активности, а перешли сразу к анализу реальной вовлеченности жителей Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга в зависимости от всех этих показателей.

Как показывают данные рисунка 2, удельный вес жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, то есть реальных участников латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга, за последние 10 лет в целом по Латвии увеличился на 20,7—30,0 процентных пункта. При этом наибольший прирост цифровых покупателей произошел в группе сделавших покупку или заказ в интернете в течение последнего года, что свидетельствует об очень быстрых темпах развития латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга. При этом потенциал для развития все еще остается очень большим, поскольку на 2022 г., при 90 %-ном удельном весе жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет, более 30 % латвийцев пока что ни разу не сделали покупку или заказ в интернете.

Удельный вес жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, быстро сближается по географическому (региональному) признаку в разрезе как β -конвергенции, так и σ -конвергенции. Так, в полном соответствии с характеристикой β -конвергенции в тех регионах Латвии, в которых на момент 2013 г. наблюда-

лась наименьшая активность цифровых покупателей, этот показатель увеличивался в основном быстрее, чем в «продвинутых» регионах, сильно сокращая цифровой разрыв среди жителей Латвии по географическому признаку: например, удельный вес жителей Латгале, сделавших покупку или заказ в интернете в течение последнего года, увеличился с 16,3 % в 2013 г. до 49,8 % в 2022 г., то есть на 33,5 процентных пункта, тогда как в Риге это увеличение было наименьшим среди регионов Латвии — на 27,1 процентных пункта (с 41,0 % рижан в 2013 г. до 68,1 % в 2022 г.). Тем не менее так происходит не по всем показателям — например, удельный вес жителей, хотя бы раз сделавших покупку или заказ в интернете, в отстающей по этому показателю Латгале растет не самыми быстрыми темпами, уступая по темпам роста удельного веса цифровых покупателей практически всем остальным регионам Латвии, то есть по этому показателю β -конвергенции не происходит.

Рис. 2. Удельный вес жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете (по частоте покупок или заказов), 2013—2022 гг., % от общего числа жителей

Источник: составлено на основе данных официальной латвийской статистики¹.

Что касается σ -конвергенции, то здесь наблюдаются ярко выраженные процессы сближения величин показателей по географическому (региональному) признаку (то есть в географическом пространстве). Так, региональная вариативность активности жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, за последние 10 лет снизилась на 10,5—17,2 процентных пункта, но при этом Рига по-прежнему остается лидером, а Латгале отстает, но с меньшим отрывом.

Удельный вес жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, сближается по возрастному признаку так же быстро, как и по региональному — по крайней мере, в разрезе σ -конвергенции. Так, возрастная вариативность активности жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, за последние 10 лет снизилась на 15,1—17,6 процентных пункта, но при этом возрастная группа 25—34 лет по-прежнему остается лидером, а возрастная группа 55+ отстает, хотя и с меньшим отрывом.

¹ Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula EK1020: Iedzīvotāji, kuri ir vai nav veikuši pirkumus tiešsaistē internetā personiskiem mērķiem (procentos no iedzīvotāju kopskaita attiecīgajā grupā), 2013—2022, *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_IKT_EK_EKI/EK1020 (дата обращения: 20.03.2024).

По возрастному признаку β -конвергенция не происходит, поскольку отстающие возрастные группы не наращивают свою активность на интернет-рынке цифрового маркетинга быстрее, чем «продвинутые» возрастные группы. Интересно, что наибольшая скорость повышения покупательской активности на интернет-рынке наблюдается в возрастной группе 16—24 года (хотя на момент 2013 г. эта группа уже занимала 2-е место после возрастной группы 25—34 года). Косвенно это может свидетельствовать о том, что самая юная возрастная группа не столько повышает собственную покупательскую активность на интернет-рынке, сколько помогает это делать своим дедушкам и бабушкам — возрастной группе 55+, в которой тоже повышается интерес к интернет-рынку, но, скорее всего, недостает знаний и навыков обращения с ним.

Удельный вес жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, по образовательному признаку сближается (в разрезе σ -конвергенции) быстрее, чем по возрастному и региональному. Так, образовательная вариативность активности жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, за последние 10 лет снизилась на 18,9—25,2 процентных пункта, но при этом группа с высшим образованием по-прежнему остается лидером, а группа с самым низким уровнем образования отстает, хотя и с меньшим отрывом (особенно по показателю хотя бы раз сделавших покупку или заказ в интернете).

По образовательному признаку β -конвергенция, так же как и по возрастному, не происходит, поскольку группы с низким уровнем образования (ISCED 0—2 и ISCED 3) наращивают свою активность на интернет-рынке цифрового маркетинга быстрее, чем группа с высшим образованием только в плане апробации покупательской деятельности в интернете (по показателям хотя бы раз сделавших покупку или заказ в интернете или сделавших это в течение последнего года). В свою очередь, покупательская активность на интернет-рынке в плане покупок или заказов в течение последних 3 месяцев растет быстрее в группе с высшим образованием, которая и так была лидером в этом аспекте. Таким образом, можно утверждать, что жители Латвии с низким уровнем образования более активно пытаются войти на интернет-рынок цифрового маркетинга, но скорее всего, сталкиваются там с большими проблемами, чем пользователи с высшим образованием.

Удельный вес жителей Латвии, делающих покупки или заказы в интернете, достаточно быстро сближается и по типу экономической активности в разрезе σ -конвергенции, но β -конвергенции по этому признаку не происходит, то есть быстрее растет покупательская активность на интернет-рынке в тех группах, которые и так лидировали в этом аспекте, то есть среди занятых и учащейся молодежи, а безработные и другие экономически неактивные группы жителей Латвии увеличивают свою покупательскую активность на интернет-рынке меньшими темпами. При этом разброс величин показателя покупательской активности на интернет-рынке среди групп с различной экономической активностью за последние 10 лет все равно снизился на 12,8—13,8 процентных пункта (то есть произошла σ (сигма)-конвергенция), хоть и в меньшей степени, чем по возрастному, образовательному и географическому (региональному) признаку.

Таким образом, на момент 2013 г. наибольший коэффициент вариации (55,0—63,7%) покупательской активности жителей Латвии на интернет-рынке наблюдался по возрастному, образовательному признакам (47,1—54,3%) и по типу экономической активности (45,6—54,1%); довольно низкий коэффициент вариации (19,5—32,9%) был по географическому (региональному) признаку. За 10 лет разброс покупательской активности жителей Латвии на интернет-рынке существенно сократился, но на момент 2022 г. по-прежнему самый высокий коэффициент вариации (37,4—48,6%) был по возрастному признаку, затем — в отличие от 2013 г. —

следует коэффициент вариации по типу экономической активности (32,8—40,3 %), затем по образовательному признаку (22,2—35,4 %); коэффициент вариации по географическому (региональному) признаку снизился до 9,0—17,1 %.

Такое существенное снижение цифрового неравенства среди жителей Латвии в аспекте их доступа к интернет-рынку цифрового маркетинга и реальной вовлеченности в этот рынок за период с 2013 по 2022 г. произошло в основном за счет σ-конвергенции показателей покупательской активности жителей Латвии на интернет-рынке практически по всем анализируемым признакам. В свою очередь, β-конвергенция наблюдалась лишь в некоторых случаях, что все равно не помешало сокращению цифрового неравенства среди жителей Латвии (которое тем не менее по-прежнему есть). В целом статистические данные свидетельствуют в пользу того, что развитие цифрового маркетинга в Латвии происходит очень быстро и снижает социально-демографическое и географическое неравенство среди жителей на интернет-рынке.

Далее мы переходим к анализу вовлеченности предприятий Латвии в интернет-рынок цифрового маркетинга, начав с анализа удельного веса предприятий, имеющих веб-сайт в интернете. Согласно методологии данного исследования, именно такие предприятия являются потенциальными участниками интернет-рынка цифрового маркетинга, поскольку, как уже указывалось во введении, огромное количество веб-сайтов латвийских предприятий в реальности остаётся практически без внимания целевой аудитории, и об их существовании знают только сами владельцы.

Как показывают данные, представленные в таблице 1, удельный вес предприятий Латвии, имеющих веб-сайт в интернете, постоянно растет. Особенно большой прирост — больше 5 процентных пунктов в год — произошел во время пандемии COVID-19. Наблюдается β-конвергенция между малыми / средними и крупными предприятиями, в результате чего малые и средние предприятия увеличивают свое потенциальное присутствие на интернет-рынке цифрового маркетинга быстрее, чем крупные предприятия.

Таблица 1

**Удельный вес предприятий Латвии, имеющих веб-сайт в интернете, 2013—2023 гг.*,
% от всех предприятий с учетом количества занятых****

Группа предприятий	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2023	Разница 2023/2013, процентных пунктов
Все предприятия	55,7	55,9	59,0	63,5	62,9	63,0	64,8	62,6	67,8	67,3	+ 11,6
В том числе по количеству занятых:											
10—49	51,6	50,8	53,3	58,8	58,3	58,5	59,7	58,4	63,5	63,4	+ 11,8
50—249	74,5	78,4	83,8	84,2	82,5	82,8	86,4	81,0	87,3	86,0	+ 11,5
250+	92,1	94,8	94,6	96,3	96,2	95,0	95,0	94,1	95,5	98,1	+ 6,0
Коэффициент вариации, %	22,8	24,3	22,6	19,6	19,8	19,3	18,7	18,9	16,5	17,4	— 5,4

Примечание: * В статистике нет данных за 2022 г.

** В статистике есть данные только по предприятиям с количеством занятых 10+.

Источник: составлено на основе данных официальной латвийской статистики¹.

¹ Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula DLU010: Datoru, interneta un mājaslapas lietošana uzņēmumos (% no uzņēmumu kopskaita attiecīgajā grupā) 2009—2023, *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_IKT_DL_DLU/DLU010 (дата обращения: 20.03.2024).

Что касается σ -конвергенции среди предприятий Латвии с учетом количества занятых, то здесь также наблюдается процесс сближения величин показателей по наличию веб-сайта в интернете — с 22,8 % вариативности в 2013 г. до 17,4 % в 2022 г. (то есть – 5,4 процентных пункта за 11 лет) (табл. 1).

По отношению к разработке веб-сайта в интернете не происходит β -конвергенции предприятий Латвии в отраслевом разрезе, то есть в отраслях с практически одним и тем же удельным весом предприятий, имеющих веб-сайт в интернете на момент 2013 г. (например, в отраслях обрабатывающей промышленности (57,6 %), электричества, газоснабжения, отопления и кондиционирования воздуха, водоснабжения, сточных вод, утилизации и рекультивации отходов (57,0 %)), темпы прироста за последние 11 лет могли быть совершенно разными (в данном случае — 14,9 и 25,0 % в 2013 и 2022 гг. соответственно). В некоторых отраслях экономики, на момент 2013 г. имеющих сравнительно высокие показатели, наблюдается даже отрицательный прирост за 11 лет: гостиницы и ночлег (– 1,1 %), информационные и коммуникационные услуги (– 4,1 %), деятельность административных учреждений и предприятий обслуживания (– 3,9 %).

Что касается σ -конвергенции среди предприятий Латвии по отраслевому признаку, то здесь наблюдаются процесс сближения величин показателей наличия веб-сайта в интернете между группами предприятий — с 28,7 % вариативности в 2013 г. до 19,7 % в 2023 г. (то есть – 9,0 процентных пункта за 11 лет). Таким образом, цифровое неравенство среди предприятий Латвии по признакам их размеров и отраслевой принадлежности (по крайней мере в аспекте потенциального доступа к интернет-рынку цифрового маркетинга) уменьшается, и особенно выраженным это уменьшение было во время пандемии COVID-19: на 2,4 процентных пункта за один год пандемии по признаку количества занятых и на 2,2 процентных пункта по отраслевому признаку.

Далее мы переходим к анализу использования предприятиями Латвии социальных медиа в интернете, то есть к анализу реальной вовлеченности предприятий в интернет-рынок цифрового маркетинга. Согласно классификации, принятой в латвийской официальной статистике, социальные медиа в интернете включают в себя социальные сети, блог / микроблоги предприятия и сайты обмена медиафайлами.

Как показывают данные рисунка 3, среди предприятий Латвии, использующих социальные медиа в интернете, наибольший прирост (41,2 процентных пункта) за последние 11 лет наблюдается в использовании социальных сетей (что вполне согласуется со стратегией «если бизнес не присутствует в социальной сети — его нет на рынке»), а наименьший (6,4 процентных пункта) — в использовании блога / микроблогов предприятия.

Удельный вес малых, средних и крупных предприятий Латвии, использующих социальные медиа в интернете (то есть реальных участников интернет-рынка цифрового маркетинга), постоянно растет, и этот рост иногда превышает 50 процентных пунктов за 11 лет, как в случае использования социальных медиа у средних и крупных предприятий (хотя они и в 2013 г. использовали социальные сети чаще, чем малые предприятия). Вообще в плане использования социальных медиа (всех анализируемых видов) в интернете темпы прироста у крупных предприятий более быстрые, чем у средних и тем более малых предприятий, хотя изначально крупные предприятия и так лидировали по отношению к средним, а средние — по отношению к малым (то есть β -конвергенции здесь не происходит).

Что касается σ -конвергенции среди предприятий Латвии с учетом количества занятых, то здесь также наблюдается довольно стремительный процесс сближения (то есть снижения вариативности) величин показателей по использованию социальных медиа в интернете: за 11 лет — на 22,7 процентных пункта по социальным ме-

диа, на 5,1 процентных пункта по блогу / микроблогам предприятия и на 16,5 процентных пункта по сайтам обмена медиафайлами. Несмотря на такой довольно стремительный процесс конвергенции по показателям использования социальных медиа в интернете, крупные предприятия Латвии в этом аспекте по-прежнему сильно — на десятки процентных пунктов — опережают средние и тем более малые предприятия.

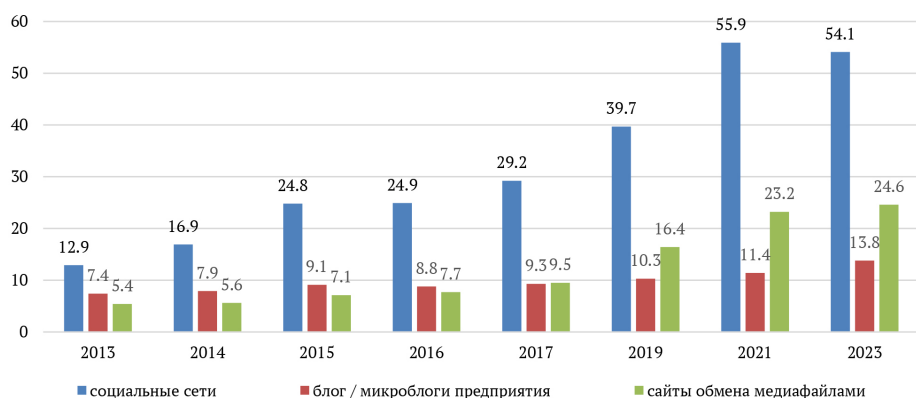

Рис. 3. Удельный вес предприятий Латвии, использующих социальные медиа в интернете (по видам социальных медиа), 2013—2023 гг.*, % от общего числа предприятий**

Примечание: *В статистике нет данных за 2018, 2020, 2022 гг.

** В статистике есть данные только по предприятиям с количеством занятых 10+.

Источник: составлено на основе данных официальной латвийской статистики¹.

Разброс величин показателя использования предприятиями социальных сетей по отраслям экономики в 2013 г. был очень сильным (80,3%), и за 11 лет он сократился на 54,8 процентных пункта, снизившись до 25,5%, то есть произошла стремительная σ (сигма)-конвергенция в использовании социальных сетей среди предприятий Латвии по отраслевому признаку (это самое большое снижение цифрового неравенства в рамках данного исследования).

Что касается β -конвергенции среди предприятий Латвии по отраслевому признаку, то здесь можно сказать, что отстающие отрасли растут быстрее (в полном соответствии с характеристикой β -конвергенции) — например, оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов с 12,7% использования социальных сетей в 2013 г. и приростом на 51,0 процентных пункта за 11 лет.

Разброс величин показателя использования предприятиями Латвии блога / микроблогов предприятия по отраслям экономики в 2013 г. был почти таким же сильным, как и в случае с социальными сетями (78,3 и 80,3% соответственно), но за 11 лет этот разброс сократился гораздо меньше, чем в случае с социальными сетями, — на 16,2 процентных пункта, снизившись до 62,1%, то есть σ -конвергенция в использовании блога / микроблогов предприятия среди предприятий Латвии не так существенна, как в случае с социальными сетями, в результате чего отраслевая

¹ Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula DLU050. Sociālo mediju lietošana internetā uzņēmumos (% no uzņēmumu kopskaita attiecīgajā grupā), *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pjxweb/lv/OSP_PUB/START_IKT_DL_DLU/DLU050 (дата обращения: 20.03.2024).

вариативность в использовании блога / микроблогов предприятия, хотя и снизилась, но по-прежнему остается очень сильной (лидером с большим отрывом здесь является отрасль информационных и коммуникационных услуг).

Что касается β -конвергенции среди предприятий Латвии по отраслевому признаку, то в отношении использования блога / микроблогов предприятия она не происходит, то есть отстающие в этом плане отрасли не растут быстрее, а иногда (например, в случае с оптовой, розничной торговлей и ремонтом автомобилей и мотоциклов) показывают даже отрицательный прирост. В то же время наибольший прирост (14,6 процентных пункта) в использовании блога / микроблогов предприятия наблюдается в отрасли информационных и коммуникационных услуг, и без того лидировавшей в 2013 г.

Разброс величин показателя использования предприятиями сайтов обмена медиафайлами по отраслям экономики в 2013 г. был еще сильнее (коэффициент вариации — 83,6 %), чем в случаях с социальными сетями и блогом / микроблогами предприятия, и за 11 лет этот разброс сократился почти наполовину — на 41,4 процентных пункта, снизившись до 42,2 %, то есть σ -конвергенция в использовании сайтов обмена медиафайлами среди предприятий Латвии была почти такой же существенной, как в случае с социальными сетями, в результате чего отраслевая вариативность в использовании сайтов обмена медиафайлами значительно снизилась.

Что касается β -конвергенции среди предприятий Латвии по отраслевому признаку, то в отношении использования сайтов обмена медиафайлами она не происходит (как и в случае с блогами / сайтами микроблогов), то есть отстающие (на момент 2013 г.) в этом плане отрасли могут демонстрировать как быстрый темп роста (например — розничная торговля, кроме торговли автомобилями и мотоциклами, с приростом в 23,4 процентных пункта), так и вполне умеренный (например, транспортировка и хранение с приростом в 14,2 процентных пункта), а лидер использования сайтов обмена медиафайлами в 2013 г. — отрасль информационных и коммуникационных услуг — показывает сравнительно большой прирост в 23,8 процентных пункта.

Таким образом, на момент 2013 г. наибольшее цифровое неравенство среди предприятий Латвии наблюдалось не столько в аспекте доступа на интернет-рынок цифрового маркетинга (по показателю владения веб-сайтом в интернете коэффициент вариации был 22,8 % по признаку размера предприятия (табл. 1) и 28,7 % по отраслевому признаку), сколько в аспекте реальной включенности в интернет-рынок (например, по показателю использования социальных сетей коэффициент вариации был 47,5 % по признаку размера предприятия и 80,3 % по отраслевому признаку). За 11 лет цифровое неравенство среди предприятий Латвии существенно сократилось, и на момент 2022 г. уже не наблюдается такой значительной разницы между неравенством среди предприятий в аспекте доступа на интернет-рынок цифрового маркетинга и в аспекте реальной вовлеченности в интернет-рынок. Так, по показателю владения веб-сайтом в интернете коэффициент вариации в 2022 г. снизился до 17,4 % по признаку размера предприятия, то есть на 5,4 процентных пункта (табл. 1), и до 19,7 % по отраслевому признаку, то есть на 9,0 процентных пунктов. В свою очередь, по показателю использования социальных сетей коэффициент вариации в 2022 г. снизился до 24,8 % по признаку размера предприятия, то есть на 22,7 процентных пункта, и до 25,5 % по отраслевому признаку, то есть на 54,8 процентных пункта.

Такое существенное снижение цифрового неравенства среди предприятий Латвии в аспекте их доступа к интернет-рынку цифрового маркетинга и реальной вовлеченности в этот рынок за период с 2013 по 2023 г. произошло в основном за счет

σ -конвергенции показателей владения веб-сайтом и использования социальных медиа в интернете. В свою очередь, β -конвергенция наблюдалась лишь в некоторых случаях, что все равно не помешало сокращению цифрового неравенства среди предприятий Латвии (которое тем не менее по-прежнему остается достаточно сильным).

Гипотезу данного исследования о том, что развитие цифрового маркетинга в Латвии происходит очень быстро и снижает неравенство среди жителей и предприятий на интернет-рынке, можно считать доказанной, но в завершение необходимо включить снижающееся цифровое неравенство в контекст снижения более общего неравенства в распределении доходов среди жителей Латвии в надежде увидеть сокращение неравенства и по коэффициенту Джини — одновременно со стремительным развитием цифрового маркетинга в Латвии. Статистические данные показывают, что за 10 лет снижение коэффициента Джини в Латвии составляет 1,5 процентных пункта. При этом на момент начала пандемии COVID-19 коэффициент Джини был выше, чем в 2013 г., и за два года пандемии снизился больше, чем за все 10 лет, — на 1,7 процентных пункта (рис. 4).

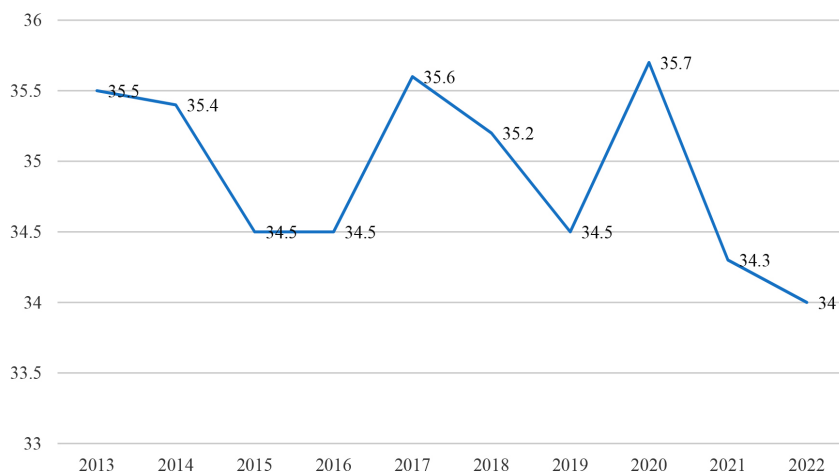

Рис. 4. Неравенство в распределении доходов среди жителей Латвии, коэффициент Джини, 2013—2022 гг., %

Источник: составлено на основе данных официальной латвийской статистики¹.

Ускоренное снижение неравенства во время пандемии COVID-19 можно объяснить с позиций теории цифрового разрыва, представленной в методологическом разделе данного исследования [18; 19], а именно четвертым видом доступа к ИКТ (их фактическим использованием и применением в повседневной жизни, работе и обучении), ставшим неотвратимой необходимостью лишь во время пандемии.

Тем не менее, как показывают проанализированные нами статистические данные, цифровое неравенство среди жителей и предприятий Латвии (как и более общее социально-экономическое неравенство) по-прежнему существует в больших масштабах, и начать объяснение его возможных причин можно с анализа случая, представленного в таблице 2.

¹ Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula NNI030. Džini koeficients (procentos), *Statistikas datubāze*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START__POP__NN__NNI/NNI030/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 20.03.2024).

Таблица 2

Сравнение двух фирм, работающих на латвийском интернет-рынке доставки продуктов питания и товаров первой необходимости

Сравниваемый показатель*	Интернет-магазин BARBORA	Интернет-магазин Vietējais top!
Территория доставки	Доставляют товар только в Рижском регионе и Пририжье	Доставляют товар даже в сельской местности в регионах
Конкуренты на территории доставки	Есть	Нет
Время доставки	День и время доставки выбирается клиентом в ходе оформления покупки из предложенных на веб-сайте вариантов	На веб-сайте нет опции выбора дня и времени доставки, но в информации о доставке пишется, что это происходит в тот же день, если оплата получена до 13.00—15.00
Дизайн веб-сайта	Веб-сайт оформлен красиво	Веб-сайт оформлен красиво
Информативность веб-сайта	Хорошая — товары сгруппированы (что облегчает их поиск), есть все необходимые разделы информации	Хорошая — товары сгруппированы (что облегчает их поиск), есть все необходимые разделы информации
Удобство веб-сайта	Веб-сайт достаточно удобен в работе — разделы товаров открываются быстро (но не очень удобен переход между ними), таблица выбора времени доставки появляется два раза, покупке всегда удавалось довести до конца	Веб-сайт очень неудобен в работе — разделы товаров открываются долго, часто происходят ненужные переключения из одной группы в другую, готовая корзина может «зависнуть» при оплате (в этом случае пришлось создавать новый профиль и делать заказ заново)
Дополнительные возможности	Есть раздел рецептов блюд, продукты для которых можно сразу корзиной заказать тут же на сайте, разделы новинок и «Мир вина», предлагаются шаблоны корзины для многократных покупок и др.	Нет
Бонусы	Предлагаются купоны и скидки по специальному коду	Предлагаются купоны и скидки по специальному коду
Поддержка в случае возникновения проблем	Предлагаются три канала связи — телефон, э-почта и разговор в Интернете; по всем каналам отвечают и помогают; если по телефону не могут ответить сразу, то всегда перезванивают	Предлагается два канала связи — телефон и э-почта; по телефону нельзя дозвониться (вне доступа), на э-письма не отвечают, при звонке в конкретный физический магазин, куда должен прийти заказ, отвечают, что все понимают и сочувствуют, но помочь ничем не могут, пока заказ «висит» в режиме ожидания, а «хозяин в отпуске»
Покупательский опыт	Многократный успешный опыт, но только в Рижском регионе и Пририжье, в регионах эта услуга недоступна	Отрицательный опыт (заказ не выполнен) — потеря времени на оформление заказа (начала он «завис» при оплате, и пришлось долго заказывать снова, поскольку группы товаров открываются долго), на момент подготовки статьи оформленный и оплаченный заказ «висел» в режиме ожидания почти неделю и уже потерял всякую актуальность для покупателя
Владельцы бизнеса	SIA «Patrika»	SIA «MADARA 89»
Юридический адрес фирмы	Рига: Maskavas iela 257, Riga, LV-1019	Курземе: Smiltene Baznīcas laukums 2, Smiltene, Smiltene novs, LV-4729

Примечание: * показатели частично сформулированы на основе [2].

Источник: составлено на основе и собственного опыта и информации на веб-сайтах фирм.

Результаты анализа случая двух фирм, работающих на латвийском интернет-рынке доставки продуктов питания и товаров первой необходимости, представленные в таблице 2, можно объяснить в рамках концепции и методологии данного исследования, опирающихся на модель принятия технологии, теорию цифрового разрыва и ресурсный подход в стратификационных исследованиях.

С помощью модели принятия технологии, работающей с субъективно воспринимаемыми пользователем полезностью и легкостью использования компьютерных информационных систем¹ [17], можно объяснить появление у пользователя покупательского опыта на интернет-рынке цифрового маркетинга следующим образом: услуга заказа и доставки продуктов питания и товаров первой необходимости субъективно воспринята пользователем как полезная и легкая в использовании. Но причины успешного покупательского опыта в первом случае и совершенно неудачного во втором с помощью этой модели объяснить нельзя. Не работает здесь и методологическая установка на то, что различия в социально-экономическом статусе пользователей определяют их неравенство в использовании инструментов цифрового маркетинга², поскольку как успешный, так и совершенно неудачный покупательский опыт являются достоянием одного и того же пользователя.

Теория цифрового разрыва и ее четыре вида доступа к ИКТ — мотивационный доступ, материальный доступ, навыки доступа и использование доступа [18; 19] — может объяснить результаты анализа случая недостатками в четвертом виде доступа, ставшими препятствием для успешного опыта на интернет-рынке цифрового маркетинга в случае с интернет-магазином «*Vietējais top!*» (табл. 2). В частности, в этом случае можно констатировать недостатки в плане использования доступа, то есть в эффективности фактического использования и применения ИКТ для осуществления и реализации заказа в интернете. В контексте цифрового разрыва по географическому (региональному) признаку, затрагиваемому данным исследованием, примечателен тот факт, что успешный покупательский опыт констатирован при сотрудничестве со столичным цифровым продавцом, а неудачный — с региональным, что вполне может иллюстрировать факт нахождения столичного региона Латвии, в отличие от всей остальной ее территории, на более высокой (и, что самое главное, — качественно иной (по движущим силам развития, по культуре бизнеса и т. д.)) стадии экономической развития. Этот факт глубоко изучен в работах исследователей Даугавпилсского университета [34; 35], но обычно не принимается во внимание как в экономических исследованиях, так и в экономической политике.

Скорее всего, результаты данного исследования можно объяснить в концептуальной парадигме основанного на теории социальных полей [20] ресурсного подхода или подхода ресурсов-активов-капитала [21], предполагающего, что ресурсы (в том числе и технологические, то есть мотивационный и материальный доступ к интернет-рынку и даже навыки обращения с ним), имеющиеся в распоряжении индивида / предприятия, могут быть превращены в его активы, которые, в свою очередь, могут стать капиталом индивида / предприятия. Таким образом, технологические (как и любые другие) ресурсы далеко не всегда становятся активами и тем

¹ Davis, F. D. 1986, *A Technology Acceptance Model for Empirically Testing New End-User Information Systems: Theory and Results*, Ph.D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology, Sloan School of Management, URL: https://www.researchgate.net/publication/35465050_A_Technology_Acceptance_Model_for_Empirically_Testing_New_End-User_Information_Systems (дата обращения: 20.03.2024).

² Buhtz, K., Reinartz, A., König, A., Graf-Vlachy, L. 2014, Second-order digital inequality: the case of e-commerce? *Proceedings of the 35th International Conference on Information Systems*, Auckland, URL: <https://www.graf-vlachy.com/publications/Buhtz%20et%20al%202014%20Second-Order%20Digital%20Inequality-%20The%20Case%20of%20E-Commerce%20ICIS.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

более капиталом (что и произошло во втором случае, представленном в таблице 2). В экономике, основанной на социальном капитале (а именно такой является экономика периферийных регионов Латвии — в отличие от столичного региона) ключевая роль отводится социальным связям, способствующим сотрудничеству между индивидами и группами, и в такой экономике сильнее всего выражена конвертация социального и административного капиталов в экономический [22]. Судя по очень низкому (около 2 %) уровню участия жителей Латгале в общественных организациях и политических партиях, выявленному исследователями Даугавпилсского университета [22], для периферийных регионов Латвии характерен скорее «закрытый» тип социального капитала (по М. Олсону), при котором интересы закрытой группы могут идти вразрез с общими интересами и приводить к социальной и экономической неэффективности [36].

В практическом смысле это означает, что для участников интернет-рынка цифрового маркетинга, продвигающих товар или услугу, мало иметь веб-сайт в интернете — надо еще суметь с помощью этого веб-сайта полностью выполнить заказ клиента (например, помочь ему разобраться, если оформленный и оплаченный заказ на доставку продуктов питания почти неделю «висит» в режиме ожидания), а для целевой аудитории мало иметь доступ к веб-сайту и способность работать с ним — надо еще подключать имеющиеся социальные связи или пытаться налаживать новые (если нет административного капитала), созваниваясь с физическими участниками цепочки поставок и выясняя, когда хозяин выйдет из отпуска, чтобы заняться «зависшим» на веб-сайте заказом. В таких условиях практически не работают модели и теории, разработанные для экономики, находящейся на инновационной стадии развития (в Латвии близко к этой стадии находится только Рига [35]).

Результаты данного исследования согласуются с результатами других исследований о том, что цифровой маркетинг является сильным выравнивающим фактором для жителей и предприятий, если его эффективно использовать для выхода на целевую аудиторию, привлечения клиентов и измерения результатов¹.

Выводы

По результатам данного исследования можно сделать следующие основные выводы о цифровом неравенстве среди жителей и предприятий и развитии интернет-рынка цифрового маркетинга в Латвии:

1) развитие цифрового маркетинга в Латвии происходит очень быстро, и толчком к этому развитию стала пандемия COVID-19, во время которой вынужденно увеличилось фактическое использование ИКТ в повседневной жизни, работе и обучении; тем не менее потенциал для развития все еще остается очень большим, поскольку при 90 %-ном удельном весе жителей Латвии, регулярно (хотя бы раз в неделю) использующих интернет, более 30 % латвийцев пока что ни разу не сделали покупку или заказ в интернете;

2) наблюдается значительное снижение цифрового неравенства среди жителей Латвии в аспекте доступа к интернет-рынку и реальной вовлеченности в этот рынок с 2013 по 2022 г. (происходит быстрая конвергенция (сближение) величин показателей покупательской активности почти по всем анализируемым признакам — возрасту, типу экономической активности и уровню образования, а также региону проживания);

3) несмотря на значительное снижения цифрового неравенства, оно по-прежнему существует в больших масштабах среди жителей и предприятий Латвии

¹ Zwilling, M. 2014, Digital marketing is a great equalizer for startups, *Forbes*, URL: <https://www.forbes.com/sites/martinzwilling/2014/11/25/digital-marketing-is-a-great-equalizer-for-startups/?sh=486eddc96bd4> (дата обращения: 20.03.2024).

(по-прежнему с большим отрывом — на десятки процентных пунктов — среди предприятий лидируют крупные предприятия и предприятия отрасли информационных и коммуникационных услуг, а среди жителей — экономически активные рожане 25—34 лет с высшим образованием).

Таким образом, цифровой маркетинг является сильным выравнивающим фактором для жителей и предприятий при условии его эффективного использования, а не только обеспечения равного физического доступа к ИКТ. В противном случае цифровой разрыв между жителями и предприятиями, более успешно (по разным причинам) капитализирующими свои технологические и другие ресурсы на интернет-рынке цифрового маркетинга, и теми, кому это не удается, может стать еще большим, чем он был на нецифровом рынке. На сегодняшний день развитие цифрового маркетинга в Латвии снижает социально-демографическое и географическое неравенство среди жителей и предприятий на цифровом рынке по отношению к «цифровому неравенству входа» (доступа к интернет-рынку), но по отношению к «цифровому неравенству выхода» (отдачи от этого доступа) выравнивающие возможности цифрового маркетинга в Латвии (особенно в ее регионах) ограничены спецификой функционирования экономики, основанной на социальном капитале.

Основным ограничением данного исследования является не исчерпывающий набор анализируемых статистических показателей, дающий представление об общем фоне и динамике развития латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга в контексте цифрового неравенства среди жителей и предприятий, но не освещающий многие, более детальные аспекты, связанные с использованием жителями и предприятиями Латвии различных инструментов цифрового маркетинга. Что касается направлений дальнейших исследований развития латвийского интернет-рынка цифрового маркетинга, то здесь отправной точкой может стать проведенный нами анализ случая (сравнение двух фирм, работающих на латвийском интернет-рынке доставки продуктов питания и товаров первой необходимости), отталкиваясь от которого можно более детально и комплексно изучать технологические, организационные, экономические, социальные аспекты интернет-рынка цифрового маркетинга и те ограничения, которые мешают цифровому маркетингу более эффективно снижать цифровое (и вместе с ним — социально-экономическое) неравенство в Латвии.

References

1. Weng, J. 2023, The evolution of digital marketing in the 21st century: three periods analysis, *BCP Business & Management*, № 38, p. 2041—2046, <https://doi.org/10.54691/bcpbm.v38i.4029>
2. Davidavičienė, V., Raudeliuniene, J., Jonyte-Zemlickiene, A., Tvaronaviciene, M. 2021, Factors affecting customer buying behavior in online shopping, *Marketing and Management of Innovations*, № 4, p. 11—19, <http://doi.org/10.21272/mmi.2021.4-01>
3. Arbeláez-Rendón, M., Giraldo, D.P., Lotero, L. 2023, Influence of digital divide in the entrepreneurial motor of a digital economy: a system dynamics approach, *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, vol. 9, № 2, 100046, <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100046>
4. Compaine, B. 2001, *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?*, Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 236 p., <https://doi.org/10.7551/mitpress/2419.001.0001>
5. Dobrinskaya, D.Y., Martynenko, T.S. 2019, Perspectives of the Russian information society: digital divide levels, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, № 1, p. 108—120, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120> (in Russ.).
6. Voronov, V.V. 2022, Small towns of Latvia: disparities in regional and urban development, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 39—56, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-3>
7. Ali, R., Komarova, V., Aslam, T., Peleckis, K. 2022, The impact of social media marketing on youth buying behaviour in an emerging country, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 9, № 4, p. 125—138, [http://doi.org/10.9770/jesi.2022.9.4\(6\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2022.9.4(6))

8. Umit Kucuk, S. 2009, The evolution of market equalization on the Internet, *Journal of Research for Consumers*, № 16, p. 1—15.
9. Pellicelli, M. 2023, *The Digital Transformation of Supply Chain Management*, Elsevier, <https://doi.org/10.1016/C2020-0-02458-8>
10. Ларина, Е. 2017, Понимание алгоритмических обществ. Гибридный интеллект и его зомби, *Свободная мысль*, № 5, с. 5—26.
- [Larina, Y. 2017, Understanding algorithmic societies. Hybrid intelligence and its zombies, *Free Thought*, № 5, p. 5—26 (in Russ.).]
11. Стыцюк, Р. 2020, Характерные черты и тренды развития цифрового маркетинга на российском рынке, *Вестник Алтайской академии экономики и права*, № 9 (1), с. 166—172, <https://doi.org/10.17513/vaael.1317>
- [Stytsiuk, R. 2020, Characteristics and trends of digital marketing development in the russian market, *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, № 9 (1), p. 166—172, <https://doi.org/10.17513/vaael.1317> (in Russ.).]
12. Zhixian, Y. 2018, Introduction to marketing. In: *Marketing Services and Resources in Information Organizations (A volume in Chandos Information Professional Series)*, Elsevier, p. 1—17, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100798-3.00001-5>
13. Masrianto, A., Hartoyo, H., Hubeis, A. V. S., Hasanah, N. 2022, Digital Marketing Utilization Index for evaluating and improving company digital marketing capability, *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, vol. 8, № 3, 153, <https://doi.org/10.3390/joitmc8030153>
14. Varlamova, Y. A. 2022, Intergenerational digital divide in Russia, *Mir Rossii*, vol. 31, № 2, p. 51—74, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74> (in Russ.).
15. Dunlop, S., Freeman, B., Jones, S. C. 2016, Marketing to youth in the digital age: the promotion of unhealthy products and health promoting behaviours on social media, *Media and Communication*, vol. 4, № 3, p. 35—49, <https://doi.org/10.17645/mac.v4i3.522>
16. Lase, K., Sloka, B. 2021, Digital inequalities in households in Latvia: problems and challenges, *Contemporary Issues in Social Science*, vol. 106, p. 355—366, <https://doi.org/10.1108/S1569-375920210000106022>
17. Davis, F. D. 1989, Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology, *MIS Quarterly*, vol. 13, № 3, p. 319—340, <https://doi.org/10.2307/249008>
18. van Dijk, J. 2006, Digital divide research, achievements and shortcomings, *Poetics*, № 34, p. 4—5, <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004>
19. van Dijk, J. 2017, Digital divide: impact of access, in: Rössler, P., Hoffner, C. A., van Zoonen, L. (eds.), *The International Encyclopedia of Media Effects*, John Wiley & Sons, p. 24—49, <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0043>
20. Bourdieu, P. 2005, *The Social Structures of the Economy*, Wiley, 406 p.
21. Tikhonova, N. 2006, Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research, *Sociological Studies*, № 9, p. 28—41. EDN: OYOAUH (in Russ.).
22. Meņšikovs, V. 2009, Kopkapitāls un jaunatnes dzīves stratēģijas: sociologiskais aspekts, *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, № 2, p. 7—37, https://du.lv/wp-content/uploads/2022/11/SZV_2009_2.pdf (in Latv.).
23. Mensikovs, V., Kokina, I., Komarova, V., Ruza, O., Danilevica, A. 2020, Measuring multidimensional poverty within the resource-based approach: a case study of Latgale region, Latvia, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 8, № 2, p. 1211—1227, [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2\(72\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2(72))
24. Komarova, V., Mietule, I., Arbidane, I., Tumulavičius, V., Kokarevica, A. 2022, Resources and capital of different social classes in modern Latvia, *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, vol. 9, № 3, p. 500—512, <http://dx.doi.org/10.15549/jecar.v9i3.861>
25. Seda, F., Setyawati, L., Pera, Y., Damm, M., Nobel, K. 2020, Social exclusion, religious capital, and the quality of life: multiple case studies of Indonesia and Thailand, *Economics and Sociology*, vol. 13, № 4, p. 107—124, <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2020/13-4/7>
26. Meņšikovs, V., Lavrinoviča, I. 2011, Sociālās diferenciācijas tendences mūdienu Latvijā, *Daugavpils Universitātes 53. starptautiskās zinātniskās konferences rakstu krājums*, Daugavpils, Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, p. 121—134 (in Latv.).
27. Barro, R. J., Sala-i-Martin, X. 1991, Convergence across states and regions, *Brooking Papers on Economic Activity*, № 1, p. 107—182.

28. Barro, R. J., Sala-i-Martin, X. 1992, Convergence, *Journal of Political Economy*, vol. 100, № 2, p. 223—251.
29. Barro, R. J., Sala-i-Martin, X. 1997, Technological diffusion, convergence, and growth, *Journal of Economic Growth*, vol. 2, № 1, p. 1—26.
30. Boronenko, V., Mensikovs, V., Lavrinenko, O. 2014, The impact of EU accession on the economic performance of the countries' internal (NUTS 3) regions, *Proceedings of Rijeka Faculty of Economics*, vol. 32, № 2, p. 313—341.
31. Lavrinenko, O. 2015, *Living Standard of Central and Eastern Europe*, Germany, GlobeEdit, 116 p.
32. Lavrinenko, O., Lavrinovica, I., Jefimovs, N. 2012, Sustainable development, economic growth and differentiation of incomes of Latvian population, *Journal of Security and Sustainability Issues*, vol. 2, № 1, p. 33—39, [https://doi.org/10.9770/jssi/2012.2.1\(3\)](https://doi.org/10.9770/jssi/2012.2.1(3))
33. Krastiņš, O., Ciemiņa, I. 2003, *Statistika: mācību grāmata augstskolām*, Rīga, Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (in Latv.).
34. Boronenko, V. 2014, *The Role of Clusters in Regional Competitiveness*, LAMBERT Academic Publishing, 80 p.
35. Seļivanova-Fjodorova, N. 2020, Economic differentiation of Latvia's regions at the beginning of the 21st century, *Social Sciences Bulletin*, № 1, p. 108—135, <https://doi.org/10.9770/szv.2020.1>
36. Olson, M. 1965, *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Harvard University Press, 319 p.

Об авторах

Эдмунд Чижо, доктор наук в экономике и предпринимательстве, доцент, Даугавпилсский университет, Латвия.

E-mail: edmunds.cizo@du.lv

<https://orcid.org/0000-0003-0654-2962>

Нелли Богданова, доктор педагогики, ассоциированный профессор, Даугавпилсский университет, Латвия.

E-mail: nelly.bogdanova@du.lv

<https://orcid.org/0009-0003-5955-0218>

Ивета Миетугле, доктор экономики, профессор, Резекненская академия технологий, Латвия.

E-mail: iveta.mietule@rta.lv

<https://orcid.org/0000-0001-7662-9866>

Анита Кокаревича, доктор наук в экономике и предпринимательстве, доцент, Рижский университет имени Страдыня, Латвия.

E-mail: anita.kokarevica@rsu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-6173-0910>

Янис Кудиньш, доктор социальных наук, доцент, Даугавпилсский университет, Латвия.

E-mail: janis.kudins@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-5870-8023>

INEQUALITY AMONG RESIDENTS AND ENTERPRISES IN THE LATVIAN ONLINE MARKET OF DIGITAL MARKETING

E. Čižo¹

N. Bogdanova¹

I. Mieteule²

A. Kokarevica³

J. Kudins¹

¹ Daugavpils University,
13 Vienības St., LV-5401, Daugavpils, Latvia

² Rezekne Academy of Technologies,
90 Atbrīvības St., LV-4601, Rezekne, Latvia

³ Rīga Stradiņš University,
16 Dzirnieku St., LV-1007, Rīga, Latvia

Received 22 March 2023

Accepted 29 July 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-7

© Čižo, E., Bogdanova, N., Mieteule, I.,
Kokarevica, A., Kudins, J. 2024

Despite the widespread adoption of digital technologies and their potential to break down traditional barriers in business and communication, many Latvian residents and enterprises still lack access to digital marketing tools and the advantages they offer. This article aims to analyze inequality among residents and enterprises in the Latvian online market of digital marketing. The conceptual basis of the study is the technology acceptance model (TAM), the theory of digital divide and the resource approach based on the theory of social fields. For dynamic analysis of statistical data, the convergence of indicators of the involvement of various socio-demographic and geographical groups of Latvian residents and enterprises in the online market of digital marketing is assessed. The empirical study is based on Latvian statistics for 2013–2022 (for some indicators — 2023). The results of the study show that the development of digital marketing in Latvia is happening very quickly, but the potential for development still remains very large, since with 90 % of Latvian residents regularly (at least once a week) using the internet, more than 30 % of Latvians have not yet made a purchase or order on the internet. The development of digital marketing in Latvia reduces socio-demographic and geographical inequalities among residents and enterprises in the online market in relation to the ‘digital inequality of input’ (access to the online market), but in relation to the ‘digital inequality of output’ (returns from this access) the equalizing opportunities of digital marketing in Latvia (especially in its regions) are limited by the specifics of the functioning of the economy based on social capital. In this economy, models and theories developed for the economy based on innovation practically do not work. The novelty of this study is a comprehensive analysis of the general background and dynamics of the development of the Latvian online market of digital marketing in the context of digital inequality among residents and enterprises.

Keywords:

digital marketing, online market, digital inequality, digital divide, convergence, coefficient of variation, Latvia

The authors

Dr Edmunds Čižo, Assistant Professor, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: edmunds.cizo@du.lv

<https://orcid.org/0000-0003-0654-2962>

To cite this article: Čižo, E., Bogdanova, N., Mieteule, I., Kokarevica, A., Kudins, J. 2024, Inequality among residents and enterprises in the Latvian online market of digital marketing, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 136–162. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-7

Dr Nelly Bogdanova, Dr.paed., Associate Professor, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: nelly.bogdanova@du.lv

<https://orcid.org/0009-0003-5955-0218>

Prof. Iveta Mietule, Rezekne Academy of Technologies, Latvia.

E-mail: iveta.mietule@rta.lv

<https://orcid.org/0000-0001-7662-9866>

Dr Anita Kokarevica, Assistant Professor, Riga Stradins University, Latvia.

E-mail: anita.kokarevica@rsu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-6173-0910>

Dr Janis Kudins, Assistant Professor, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: janis.kudins@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-5870-8023>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE
CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Д. В. Житин

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 13.02.2024 г.
Принята к публикации 08.05.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-8
© Житин Д. В., 2024

В результате продолжающихся процессов глобализации крупные города становятся все более притягательными для мигрантов и, как следствие, более полиэтничными по составу населения. Это делает все более актуальным изучение вопросов межнациональных отношений в условиях мегаполисов. Целью работы является рассмотрение особенностей пространственной локализации десяти национальных групп населения Санкт-Петербурга: украинцев, белорусов, татар, евреев, грузин, армян, азербайджанцев, узбеков, таджиков, молдаван. Посредством коэффициента этнической концентрации рассматривается территориальная неоднородность расселения крупнейших этнических диаспор города на предмет наличия избирательности в выборе места жительства. Главным источником сведений о национальном составе являются данные Всероссийских переписей населения. Для большинства национальных меньшинств присуще в целом равномерное расселение по территории города, но для еврейской и грузинской общин характерна повышенная концентрация в центральных районах Санкт-Петербурга. При этом миграционные ограничения, введенные в связи с пандемией COVID-19, не только снизили численность узбекской и таджикской диаспор, в значительной степени нормализовав их половозрастную структуру, но и способствовали более равномерному расселению представителей данных этнических групп по территории города. В настоящее время для большинства рассматриваемых этнических групп населения Санкт-Петербурга отсутствует пространственная зависимость между этнической концентрацией и уровнем социального благополучия.

Ключевые слова:

этническая группа, концентрация, пространственные особенности, социальное благополучие, муниципальное образование, Санкт-Петербург

Введение и постановка проблемы

Несмотря на продолжающиеся и набирающие силу процессы глобализации, вопросы межатнических отношений не только не теряют своей актуальности, но, наоборот, приобретают все большую значимость. На первый план выходят проблемы взаимодействия представителей различных национальностей в больших городах, по определению являющихся местом встречи разных культурных традиций и отличающихся пестрым этническим составом населения. Для России, являющейся многонациональным государством, вопрос совместного бесконфликтного прожи-

Для цитирования: Житин Д. В. Пространственные особенности локализации этнических групп в Санкт-Петербурге // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 163—186. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-8

вания представителей различных этнических групп исторически представляется важнейшим элементом внутренней политики, основой успешного государственного строительства.

Как и в большинстве других стран мира, крупнейшие города России сегодня полиэтнические по составу населения, и эта полиэтничность увеличивается за счет активно идущих миграционных процессов. Диверсифицированный рынок труда, высокие стандарты жизни, более «быстрые социальные лифты» делают крупные города привлекательными как для внутренних, так и для внешних мигрантов. Но эта же привлекательность крупных городских агломераций для мигрантов является одной из причин неизбежной пространственной сегрегации, в том числе и на этноконфессиональной и расовой основе, наиболее ярко проявившейся в процессе «геттоизации» крупнейших мегаполисов Европы и Северной Америки.

Несмотря на то что взаимодействие различных этносов на нашей планете известно на протяжении уже, как минимум, нескольких тысячелетий, исследований особенностей их совместного проживания в городской среде не столь много, как это может показаться на первый взгляд. Причин такого «невнимания» к данной проблематике несколько.

Во-первых, это различия в подходах к определению самих понятий «этнос» и «этничность». Господствующие в западной (да и в российской) науке конструктивистские подходы к пониманию феномена этноса либо подменяют сущность данного явления географическими этнонимами, либо рассматривают его в качестве симулякра.

Во-вторых, во многих странах мира этническая самоидентификация не фиксируется при учете населения. Причем в большинстве европейских стран она не фиксируется намеренно. Ни в Германии, ни в Италии, ни в Великобритании, ни в других крупнейших странах Европы этнический состав населения официально не учитывается, так как это считается нетолерантным и рассматривается как признак ксенофобии. Более того, во Франции, в соответствии с Законом об информации и гражданских свободах от 6 января 1978 г., прямо запрещены сбор и обработка данных о расовой и этнической принадлежности граждан. Поэтому большинство публикаций по этнической проблематике в западноевропейских странах касается исключительно иммигрантов с разделением последних по странам исхода. Следует отметить диссертацию А. В. Капралова, посвященную расселению иммигрантов в крупнейших городских агломерациях зарубежной Европы. В своем исследовании автор рассматривает факторы и модели пространственного поведения иммигрантов, а также последствия и социально-экономические проблемы иммиграции в Парижской, Лондонской, Мадридской и Римской агломерациях [1]. Но, как и большинство других работ, посвященных этнической проблематике в европейских странах [2; 3], данное исследование рассматривает именно иммигрантские сообщества, далеко не всегда тождественные этническим группам населения.

В-третьих, даже в странах признающих этническую самоидентификацию граждан как объективную реальность, такой учет проводится, как правило, только в ходе переписей населения, то есть в среднем один раз в 10 лет. Многонациональная Российская Федерация относится именно к этой категории государств. Но фиксация национальной принадлежности при записи актов гражданского состояния (браки, рождение, смерть) и учете населения по месту жительства отменена в нашей стране в середине 1990-х гг.

Данные обстоятельства препятствуют изучению вопросов межэтнического взаимодействия, сводя большинство исследований в данной области к интерпретации данных, полученных в ходе выборочных опросов.

Обзор предшествующих исследований

Сегодня большинство зарубежных исследований по этнической проблематике основано на изучении материалов, собираемых статистическими ведомствами стран, уделяющих большое внимание иммиграционному генезису своего населения. Здесь прежде всего следует отметить работы профессора Мичиганского университета Джо Дардена, посвященные вопросам пространственной сегрегации различных этнических и расовых групп населения в городских агломерациях США и Канады [4—6].

Этногеографическим методам городских исследований посвящена работа Стивена Мэтьюза, Чада Фаррелла и их коллег [7]. Использование картографических и статистических методов изучения взаимодействия различных расовых групп рассматривается в публикациях Джоанны Пинто-Коэльо, Тукуфу Цубери [8] Майкла Рабела и Мойры Регельсон [9]. Сравнительный анализ иммигрантских этнических кварталов Нью-Йорка и Лос-Анджелеса является предметом исследования работы группы ученых из Университета Олбани [10].

Среди работ российских авторов по этнической тематике в США можно отметить диссертацию Ю. Ф. Кельман, посвященную изучению этнокультурного многообразия населения американских городов [11]. В фокусе исследований находятся также вопросы ассимиляции различных этногеографических групп на территории США [12] и их социально-пространственного неравенства [13].

Североамериканский подход к изучению этнического разнообразия населения характерен и для других стран с «мягкой» миграционной политикой. Так, в совместной статье австралийских и британских ученых рассматривается расселение «азиатов и мусульман» в 11 крупнейших городах Австралии с точки зрения их пространственной сегрегации [14]. Но, как и в исследованиях американских ученых, авторы подменяют этнический признак этногеографическим и конфессиональным, а ассимиляцию потомков иммигрантов понимают как смену ими страны происхождения [15]. Похожие исследования, связанные с изучением процессов этнической сегрегации, проводились и в крупнейшем новозеландском городе Окленде [16; 17].

Среди российских исследований расселения различных национальностей следует отметить работы А. Г. Манакова, А. Ю. Орлова, С. Я. Суцего, посвященные трансформации этнического пространства России, ее отдельных регионов и сопредельных стран в исторической ретроспективе [18—21]. Работы же, рассматривающие взаимодействие различных национальных групп в городах России, имеют, как правило, характер локальных социологических исследований и не затрагивают пространственные закономерности этнической сегрегации. Из географических исследований, затрагивающих тему межэтнических контактов в крупных городах, необходимо отметить работу О. И. Вендиной, А. Н. Панина, В. С. Тикунова, посвященную анализу социального пространства Москвы [22]. Опираясь на данные переписи населения, авторы рассматривают в том числе и этнические аспекты социальной сегрегации, используя в частности индекс этнической мозаичности.

Большинство же современных работ по этнической проблематике имеет характер социологических исследований и в лучшем случае основано на анализе результатов локальных опросов и экспертных интервью [23—25]. Авторы подобных исследований, как правило, не используют статистические данные, тем более в территориальном разрезе. Исключением является работа О. И. Вендиной, посвященная концентрации отдельных этнических групп в различных отдельных районах (муниципальных образованиях) Москвы и на основе данных ЗАГС и опроса более 3,5 тыс. респондентов рассматривающая «вписанность» этнических диаспор в контекст московской жизни начала первого десятилетия XXI в. [26]. Однако можно

констатировать, что актуальных работ по этнической географии России на региональном и федеральном уровне публикуется явно недостаточно, как и работ по проблематике межнациональных отношений в городских условиях.

При этом в условиях нарастающей в последние десятилетия миграции населения в крупнейшие города России происходит трансформация их этносоциальной структуры, изменения в характере расселения. Подобные процессы в городских агломерациях Европы и Северной Америки в недавнем историческом прошлом привели к формированию обособленных этнических территорий, как правило, неблагоприятных в социальном отношении и являющихся негативным результатом произошедшей сегрегации.

Являются ли процессы внутригородского обособления национальных общин неизбежным следствием происходящих миграционных и ассимиляционных процессов и в какой мере они присущи российским городам? В рамках данной работы на примере Санкт-Петербурга представлена попытка найти ответ и выявить пространственные особенности расселения представителей различных национальностей в городе в начале XXI в. Анализ этих особенностей на предмет наличия или отсутствия избирательности в выборе места жительства крупнейших этнических диаспор Санкт-Петербурга и является целью данного исследования.

Материалы и методы

К сожалению, как и большинство исследований в области этнической географии в нашей стране, пространственный анализ рассматриваемого явления осложняется рядом факторов. Во-первых, это недостаточная полнота и пространственная дискретность имеющейся статистической информации, особенно на низовом территориальном уровне. Как уже отмечалось, данные об этническом составе, фиксируемые на основе самоидентификации опрашиваемых, собираются в нашей стране только во время проведения Всероссийских переписей населения. Самый низший территориальный таксон, сведения об этническом составе населения которого имеются в открытом доступе, — муниципальное образование 1-го уровня — сельские поселения и городские округа. И проблемой здесь является не только то, что численность населения этих муниципальных образований в пределах одной территории может изменяться в сотни раз — от нескольких сот человек до десятков тысяч. Историческая недолговечность существующих муниципальных образований 1-го уровня, сформированных только в начале 2000-х гг., не позволяет рассматривать динамику изменений этнического состава их населения за сколько-нибудь длительный период.

Вторым важным фактором, осложняющим анализ данных об этническом составе населения отдельных территориальных образований, является неполнота сведений о населении, собираемых в ходе переписей. Так, если в ходе переписи 2010 г. на вопрос об этнической принадлежности не ответили 3,9 % россиян, то в 2021 г. не указали свою национальность уже 11,6 % жителей Российской Федерации¹. Тот факт, что примерно такая же доля россиян не ответила в 2021 г. и на вопросы об уровне образования, характере занятости, месте рождения, источнике средств существования, свидетельствует о том, что они не принимали участия в последней

¹ Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, *Всероссийская перепись населения 2010*, URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 21.12.2023) ; Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками, *Росстат*, URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 21.12.2023).

переписи. Для Санкт-Петербурга этот «переписной абсентеизм» имеет еще бóльшие размеры — в 2021 г. свою национальную принадлежность не указали 15,8 % горожан¹.

В настоящее время нет никаких достоверных данных, свидетельствующих о том, что в ходе последних переписей населения Российской Федерации какие-то этнические группы были учтены в большей, а какие-то в меньшей степени. Есть предположение, что мигранты менее охвачены такими общегосударственными мероприятиями, как перепись населения, и потому доля не участвовавших в ней значительно выше, чем среди «коренного» российского населения. В то же время необходимо отметить, что значительная часть трудовых мигрантов является гражданами других государств, имеющих постоянное место жительства за пределами России, и потому они по определению не учитываются в общей численности населения Российской Федерации. При этом есть мнение, что те из иммигрантов, кто получил российское гражданство или оформил разрешение на постоянное проживание, не имеют оснований уклоняться от таких процедур, как перепись населения, рассматривая последнюю как некий элемент социализации, к которой они стремятся. Поэтому однозначной оценки того, в какой мере представители той или иной этнической группы населения России в целом и населения Санкт-Петербурга в частности участвуют в переписях населения, в настоящее время не существует. Впрочем, для целей данного исследования большее значение имеют не столько сведения об общей численности населения различных национальностей, сколько особенности их пространственной локализации. В этом случае допустимо предположить, что полнота учета в результате переписи представителей той или иной этнической группы не влияет на их распределение по территории города.

С момента своего основания в начале XVIII в. Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом при абсолютном численном доминировании русского этноса. Несмотря на приток мигрантов, в том числе из-за пределов Российской Федерации, за последние десятилетия удельный вес русских в населении города не только не снизился, но даже несколько вырос. При этом численность и удельный вес представителей крупнейших этнических меньшинств в Санкт-Петербурге за постсоветский период претерпели существенные изменения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности и удельного веса наиболее многочисленных этнических групп населения Санкт-Петербурга (1897—2021)

Этнос	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
	Численность населения, тыс. чел.									
<i>Всего</i>	1264,9	1609,8	3191,3	3321,2	3949,5	4568,5	4990,7	4661,2	4879,6	5601,9
в том числе указавшие национальность, из них:										
русские	1264,8	1609,8	3190,6	3321,2	3947,6	4568,5	4986,9	4293,2	4226,7	4717,2
украинцы	1094,0	1386,9	2776,0	2951,3	3514,3	4097,6	4448,9	3949,6	3908,8	4275,1
белорусы	5,2	10,8	54,7	68,3	97,1	117,4	151,0	87,1	64,4	29,4
татары	2,9	14,6	32,4	47,0	63,8	81,6	93,6	54,5	38,1	15,5
евреи	4,9	9,8	31,5	27,2	32,9	39,4	44,0	35,6	30,9	20,3
молдаване	16,9	84,5	201,5	168,6	162,5	142,7	106,1	36,6	24,1	9,2
	0,1	0,2	0,6	1,0	2,5	2,9	5,4	3,4	7,2	2,9

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

Окончание табл. 1

Этнос	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
<i>Численность населения, тыс. чел.</i>										
грузины	0,2	0,6	1,6	1,9	3,8	4,4	7,8	10,1	8,3	6,5
армяне	0,8	1,7	4,6	4,9	6,6	8,0	12,1	19,2	20,0	14,7
азербайджанцы	0,1	0,1	0,4	0,9	1,6	3,2	11,8	16,6	17,7	16,4
узбеки	—	0,1	0,2	—	1,7	1,9	7,9	3,0	20,3	12,2
таджики	—	0,0	0,1	—	0,4	0,5	1,9	2,4	12,1	9,6
<i>Доля в населении города, %</i>										
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе указавшие национальность, из них:										
русские	86,5	86,2	87,0	88,9	89,0	89,7	89,2	92,0	92,5	90,6
украинцы	0,4	0,7	1,7	2,1	2,5	2,6	3,0	2,0	1,5	0,6
белорусы	0,2	0,9	1,0	1,4	1,6	1,8	1,9	1,3	0,9	0,3
татары	0,4	0,6	1,0	0,8	0,8	0,9	0,9	0,8	0,7	0,4
евреи	1,3	5,3	6,3	5,1	4,1	3,1	2,1	0,9	0,6	0,2
молдаване	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1
грузины	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1
армяне	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5	0,5	0,3
азербайджанцы	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,4	0,4	0,4
узбеки	—	0,0	0,0	—	0,0	0,0	0,2	0,1	0,5	0,3
таджики	—	0,0	0,0	—	0,0	0,0	0,0	0,1	0,3	0,2

Источник: составлено на основе данных «Демоскопа»¹ и Росстата².

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1293 (дата обращения: 21.12.2023); Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=66 (дата обращения: 21.12.2023); Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=36 (дата обращения: 21.12.2023); Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=40 (дата обращения: 21.12.2023); Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=9 (дата обращения: 21.12.2023); Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=9 (дата обращения: 21.12.2023); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=8 (дата обращения: 21.12.2023); Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=29 (дата обращения: 21.12.2023); Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=30 (дата обращения: 21.12.2023).

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

Рассмотрим пространственные особенности расселения национальных меньшинств в Санкт-Петербурге. В качестве территориальной единицы исследования взяты муниципальные образования (МО) города. Из 111 муниципалитетов три расположенные в Курортном районе — «Поселок Серово», «Поселок Ушково», «Поселок Смолячково», — имеют численность населения менее одной тысячи человек и потому исключены из рассмотрения.

В настоящее время кроме русских к крупнейшим этническим группам населения Санкт-Петербурга относятся украинцы, татары, азербайджанцы, белорусы, армяне, узбеки, таджики, евреи, грузины. Пространственные особенности расселения представителей этих национальностей являются предметом данного исследования. Также будет рассмотрено расселение молдавской диаспоры, замыкавшей по данным предыдущей переписи 2010 г. десятку наиболее многочисленных национальных общин города.

Для оценки территориальной неоднородности расселения той или иной национальности будет использован уже применявшийся ранее в подобных исследованиях [27] коэффициент этнической концентрации (КЭК), рассчитываемый как отношение удельного веса рассматриваемого этноса в численности населения территориальной единицы к удельному весу данного этноса в численности населения города:

$$КЭК_i = (P_i/N_i)/(P/N),$$

где P_i — численность рассматриваемой национальности на территории i -го муниципального образования; N_i — численность всех жителей населения i -го муниципального образования, указавших в ходе переписи населения свою национальную принадлежность; P — общая численность представителей рассматриваемой национальности в Санкт-Петербурге; N — численность жителей города, указавших в ходе переписи свою национальность.

Когда значение коэффициента этнической концентрации равняется единице, это свидетельствует о том, что удельный вес представителей рассматриваемой национальности в данном муниципальном образовании не отличается от среднего значения по городу. При значении $КЭК = 0$ — представители указанного этноса на данной территории не проживают. Случай, когда $КЭК$ больше единицы обозначает, что концентрация этнической группы на рассматриваемой территории больше среднего значения по городу в то количество раз, какое значение имеет данный показатель.

Учитывая возможность случайных комбинаций расселения этнических групп, будем считать, что при $КЭК$, находящемся в диапазоне от 0,5 до 2,0 территориальных предпочтений в расселении представителей рассматриваемого этноса не наблюдается. Значение коэффициента этнической концентрации за пределами рассматриваемого интервала — более чем двух кратное отклонение от среднего значения по городу — позволяет говорить об избирательности при выборе места жительства. Исходя из этого допущения, рассмотрим, как изменяется по территории Санкт-Петербурга концентрация наиболее многочисленных национальных диаспор города, и что изменилось в их расселении за последний межпереписной период (2010—2021).

Результаты исследования и их обсуждение

Украинцы. С конца 1930-х гг. украинцы занимают третье место среди этнических групп населения Санкт-Петербурга, уступая по численности только русским и евреям. К 1989 г. численность украинской диаспоры достигает максимального зна-

чения — 151 тыс. чел., и диаспора становится самой многочисленной среди национальных меньшинств города, составляя 3,0 % его населения. Как и для большинства этнических групп населения северной столицы причиной роста численности украинцев в советский период был миграционный приток, интенсивность которого превышала скорость ассимиляционных процессов. Однако в постсоветский период численность и удельный вес украинцев в населении Санкт-Петербурга стали быстро сокращаться, и перепись 2021 г. зафиксировала уже менее 30 тыс. украинцев, что составило лишь немногим более 0,6 % общей численности горожан. Из 108 рассматриваемых муниципальных образований только в 7 удельный вес украинцев более чем в два раза отличается от среднего значения по городу (табл. 2). Из них только в одном МО — «Поселок Шушары» — концентрация украинцев в 2 раза превышает среднее значение по Санкт-Петербургу. То обстоятельство, что значение среднего квадратичного отклонения Кэк украинцев по муниципалитетам города в 2021 г. (0,39) — самое малое среди аналогичных показателей для рассматриваемых этнических групп (табл. 2), наглядно иллюстрирует отсутствие избирательности в их расселении по территории Санкт-Петербурга.

Белорусы. История формирования белорусской диаспоры Санкт-Петербурга очень похожа на ситуацию с украинской: быстрый численный рост в советский период и еще более быстрое сокращение в постсоветский. За период с 1989 по 2021 г. численность белорусов в городе сократилась в 6 раз (украинцев — в 5 раз). Как и украинцы, белорусы расселены в Санкт-Петербурге очень равномерно: только в 4 МО коэффициент их этнической концентрации выходит за пределы центрального диапазона ($2 \geq \text{Кэк} \geq 0,5$) и во всех этих муниципалитетах значение Кэк составляет менее 0,5. Степень пространственной концентрации белорусов в северной столице в последний межпереписной период (2010—2021) изменилась незначительно: среднее квадратичное отклонение значений Кэк увеличилось с 0,36 до 0,48.

Татары. Татарскую общину Санкт-Петербурга принято считать «старой», так как она сформировалась еще XVIII в., в начальный период строительства города. На протяжении первых двух столетий она была малочисленной и замкнутой в силу своей конфессиональной обособленности: большая часть петербургских татар являлась мусульманами. Компактным местом проживания татар в городе в этот период была Петроградская сторона, а основными отраслями деятельности — гужевого транспорт (кучера и конюхи), торговля коврами, кожей и хлебом, дешевый общепит. После 1917 г. начинается быстрая интеграция татарской общины в общегородской социум, сопровождавшаяся притоком соплеменников из регионов Поволжья. Почти весь советский период татары были одной из наиболее многочисленных этнических групп населения Санкт-Петербурга, уступая в численности только русским, украинцам, белорусам и евреям. С конца 1980-х гг. начинается постепенное сокращение численности татарского населения — с 44 тыс. чел. в 1989 г. до 20,3 тыс. в 2021 г. Тем не менее сегодня среди национальных меньшинств города татары составляют вторую по численности группу постоянного населения, уступая только украинцам. Как украинцы и белорусы, татары расселены по территории Санкт-Петербурга равномерно: лишь в 5 из 108 МО их Кэк более чем в 2 раза отклоняется от среднего значения по городу. За последний межпереписной период среднее квадратичное отклонение Кэк татар немного выросло (с 0,33 до 0,43), но до сих пор остается незначительным.

Таблица 2

**Концентрация расселения этнических групп по территории Санкт-Петербурга,
2010—2021 гг.**

Национальность	Год	Количество муниципальных образований Санкт-Петербурга с уровнем концентрации этноса относительно среднего значения по городу (среднее значение по Санкт-Петербургу = 1)					Среднее квадратичное отклонение коэффициента этнической концентрации (Кэк)
		Менее 0,2	0,2—0,5	0,5—2,0	2,0—5,0	Более 5,0	
Украинцы	2010	0	2	103	3	0	0,42
	2021	1	5	101	1	0	0,39
Белорусы	2010	0	2	105	1	0	0,36
	2021	0	4	104	0	0	0,48
Татары	2010	0	1	104	3	0	0,33
	2021	0	2	103	3	0	0,43
Евреи	2010	10	19	70	9	0	1,74
	2021	6	14	75	12	1	1,24
Узбеки	2010	6	26	61	9	6	3,01
	2021	2	14	88	4	0	0,74
Таджики	2010	12	35	49	7	5	2,72
	2021	6	15	81	5	1	1,13
Армяне	2010	0	4	97	6	1	0,75
	2021	1	3	100	1	3	1,19
Азербайджанцы	2010	3	10	92	3	0	0,98
	2021	5	21	75	7	0	1,35
Грузины	2010	2	15	77	14	0	0,64
	2021	8	11	78	11	0	1,45
Молдаване	2010	2	22	70	9	5	1,39
	2021	7	9	87	4	1	1,31

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹.

Необходимо отметить, что за редким исключением для всех рассмотренных выше этнических групп территории со значительными отклонениями Кэк от 1 характеризуются малой численностью населения. Обычно это муниципалитеты, расположенные на окраинах Санкт-Петербурга и представляющие собой рабочие или дачные поселки, такие как Петро-Славянка, Саперный, Усть-Ижора (Колпинский район), Левашово (Выборгский район), Солнечное, Комарово (Курортный район), Лисий Нос (Приморский район), Тярлево (Пушкинский район). В целом отмечается зависимость роста отклонений Кэк от центрального диапазона по мере снижения численности населения муниципалитета.

Евреи. Еврейская община возникла в Санкт-Петербурге в конце XVIII в., но до середины XIX в. из-за существования в Российской империи «черты оседлости» ее численность в столице страны не превышала нескольких сот человек. Только после реформ Александра II численность евреев в Санкт-Петербурге стала быстро расти: в 1869 г. — 6,6 тыс. чел., в 1881 г. — 14,2 тыс. чел., в 1897 г. — 16,9 тыс. чел. Еще более быстрый рост численности еврейской общины города произошел после 1917 г., когда приток переселенцев с территорий современной Белоруссии и Украины заменил изрядно поредевшее в ходе революционных репрессий дворянско-чи-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

новниче население центральных районов Петрограда. Большую часть XX в. евреи были наиболее многочисленной (после русских) этнической группой населения Ленинграда. Максимального значения численность еврейского населения в городе достигла перед Великой Отечественной войной — 202 тыс. чел. по переписи 1939 г. (6,3 % населения Ленинграда). В послевоенный период происходило постепенное сокращение численности и удельного веса евреев в населении города, которое ускорилося с конца 1980-х гг. С 1989 по 2021 г. численность еврейского населения города сократилась почти в 12 раз, и сегодня в Санкт-Петербурге проживает всего 9,2 тыс. представителей данной национальности. Необходимо отметить, что возрастная структура еврейской общины города сильно деформирована: удельный вес лиц старше 65 лет составляет более 42 % от общей численности данной этнической группы, тогда как доля детей в возрасте 0—14 лет — всего 5,6 %. Медианный возраст еврейской общины Санкт-Петербурга — самый высокий среди этнических групп города и превышает 60 лет¹.

В отличие от расселения представителей восточнославянских этносов и татар расселение евреев в Санкт-Петербурге отличается высокой пространственной неоднородностью: в 13 муниципалитетах Кэк превышает двукратную среднюю концентрацию, а в пос. Солнечном (Курортный район) его значение составляет 8,4. Большинство муниципальных образований с повышенной концентрацией еврейского населения, как и ранее, расположено в центральной части города — Адмиралтейском, Петроградском и Центральном районах (рис. 1).

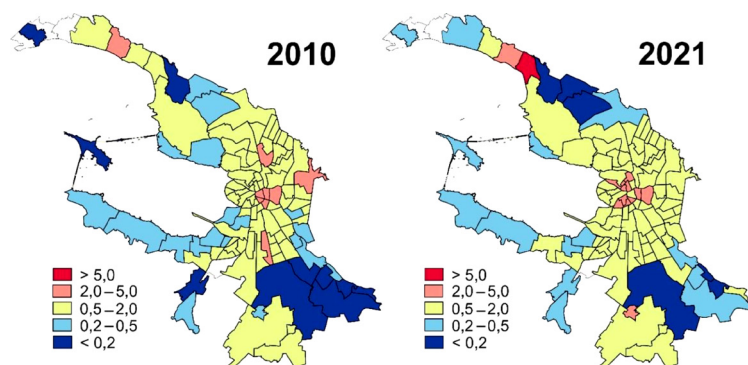

Рис. 1. Коэффициент этнической концентрации (Кэк) евреев в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг.

Источник: составлено на основе данных Росстата².

Еще в 20 МО Санкт-Петербурга в 2021 г. Кэк евреев была меньше 0,5, в том числе в 6 — меньше 0,2. Наименьшая концентрация евреев в общей численности населения присуща муниципалитетам, расположенным в периферийных районах южной части города — Колпинском, Красносельском, Петродворцовом, Пушкин-

¹ По переписи населения 2021 г. доля лиц 65 лет и старше в населении Санкт-Петербурга составила 15,1 %, а в возрастной группе 0—14 лет — 11,3 %, медианный возраст населения города — 41,8 лет.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

ском, а также в Кронштадте. Среднее квадратичное отклонение значения Кэк евреев в муниципалитетах Санкт-Петербурга значительно выше, чем у рассмотренных ранее этнических групп, и составило в 2021 г. 1,24. По сравнению с 2010 г. уровень пространственной неравномерности расселения представителей еврейской общины «северной столицы» несколько снизился. Можно предположить, что основная территория расселения евреев в Санкт-Петербурге (Ленинграде) сформировалась еще до начала массового жилищного строительства в городе, пришедшегося на 1960—1980-е гг. Этим объясняется повышенная концентрация еврейского населения в центральных районах города, а не в спальных районах позднесоветского периода.

Грузины. Грузинская диаспора Санкт-Петербурга исторически не отличалась своей многочисленностью, и ее формирование приходится в основном на 1960—1980-е гг. Максимальная численность грузин в северной столице была зафиксирована в ходе переписи 2002 г. — 10,1 тыс. чел., что было связано с миграционным притоком представителей данной этнической группы в 1990-е гг. в результате экономического кризиса в Грузии и вооруженных конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Как и в случае еврейской общины Санкт-Петербурга, расселение грузин по территории города отличается высокой неравномерностью. В 30 муниципалитетах из 108 Кэк грузинского населения выходит за рамки центрального диапазона, в 11 из них данный показатель более чем в 2 раза превышает среднее значение по городу (рис. 2). Все муниципалитеты с высоким уровнем этнической концентрации грузин расположены в историческом центре Санкт-Петербурга, в значительной степени повторяя расселение еврейской общины города. В части отрицательной избирательности расселение грузинской и еврейской общины имеет меньше совпадений: среди 19 МО с минимальными значениями Кэк грузин только в 9 наблюдаются низкие результаты Кэк евреев. При этом необходимо отметить устойчивость пространственной структуры расселения грузинской общины города: коэффициент корреляции между значениями Кэк грузин в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и в 2021 гг. составил 0,65, несмотря на то, что численность представителей данной этнической группы в межпереписной период сократилась на 22 %.

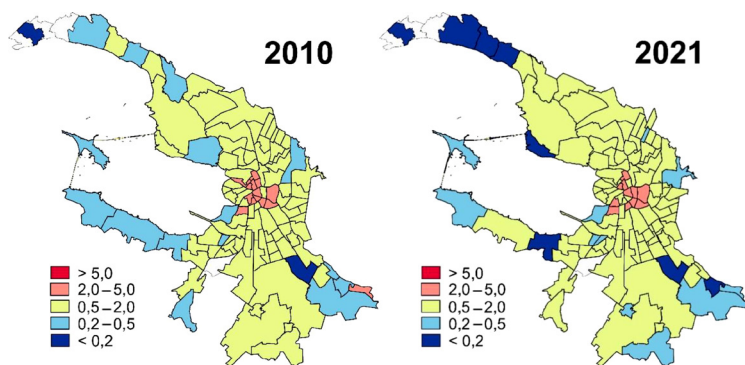

Рис. 2. Коэффициент этнической концентрации (Кэк) грузин в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг.

Источник: составлено на основе данных Росстата¹.

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

Армяне. Армянская община является наиболее «укорененной» и до недавнего времени самой многочисленной среди диаспор народов Кавказа в Санкт-Петербурге. К 2010 г. численность армян, постоянно проживающих в городе, достигла максимального значения за всю историю города — 20 тыс. чел., сократившись к настоящему времени до 14,7 тыс. чел. В отличие от грузин армяне Санкт-Петербурга расселены по территории города достаточно равномерно: только в 8 периферийных муниципалитетах Кэк выходит за пределы центрального диапазона. (В четырех небольших (по численности населения) МО значение Кэк армян превышает 2, также в 4 МО значение данного показателя меньше 0,5.) Обращает внимание то обстоятельство, что все муниципальные образования города, в которых наблюдается как положительная, так и отрицательная избирательность при расселении армянской общины, расположены на окраинах Санкт-Петербурга. Среди всех рассматриваемых этнических групп Санкт-Петербурга территориальные особенности расселения армян за последнее десятилетие претерпели наименьшие изменения: коэффициент корреляции значений Кэк по муниципалитетам города в 2010 и 2021 гг. составил 0,88 (рис. 3).

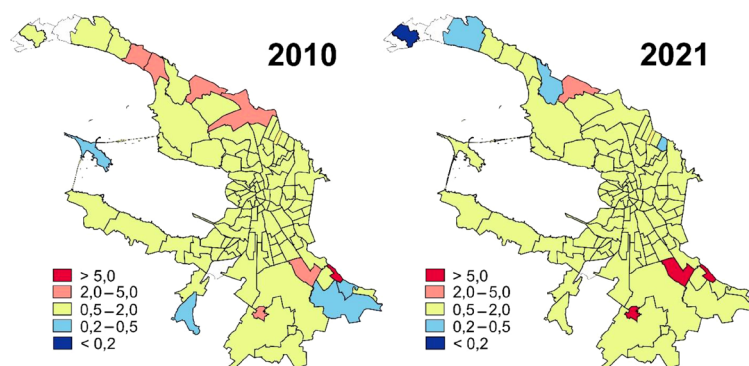

Рис. 3. Коэффициент этнической концентрации (Кэк) армян в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг.

Источник: составлено на основе данных Росстата¹.

Азербайджанцы. До 1980-х гг. азербайджанская община Санкт-Петербурга была немногочисленной и стала быстро увеличиваться только в самом конце советского периода. Последние 20 лет численность данной этнической группы остается практически неизменной, составляя 16—18 тыс. чел. Сегодня азербайджанцы расселены по территории Санкт-Петербурга очень неравномерно: в 1/3 всех муниципалитетов города их Кэк выходит за границы центрального диапазона. В 7 МО наблюдается положительная избирательность ($K_{\text{эк}} \geq 2$) расселения азербайджанцев, в 26 МО — отрицательная ($K_{\text{эк}} \leq 0,5$). Территориями с повышенной концентрацией представителей азербайджанской диаспоры являются в основном кварталы поздней советской жилой застройки в Невском и Фрунзенском районах города, а также на стыке Кировского (МО «Нарвский округ») и Адмиралтейского (МО «Екатерингофский») районов. География отрицательной избирательности в расселении азербайджанцев

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

в Санкт-Петербурге более обширна. Кэк азербайджанцев менее 0,5 наблюдается в большинстве муниципальных Курортного, Приморского, Петродворцового районов, а также в Кронштадте. По сравнению с 2010 г. расселение азербайджанцев в городе стало более поляризованным, что отличает данную диаспору от большинства рассматриваемых в работе этнических групп (рис. 4).

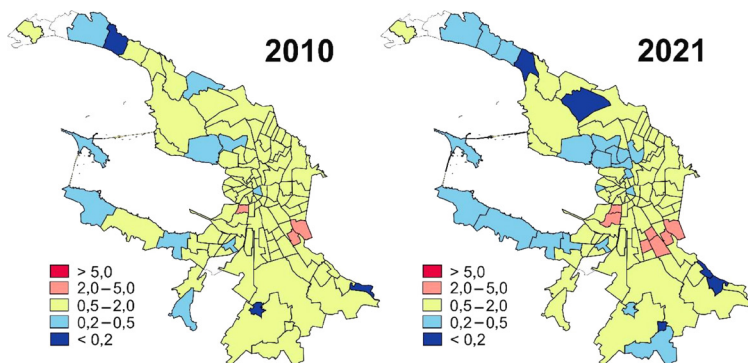

Рис. 4. Коэффициент этнической концентрации (Кэк) азербайджанцев в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг.

Источник: составлено на основе данных Росстата¹.

Узбеки. Наиболее интенсивное увеличение численности узбекской диаспоры Санкт-Петербурга приходится на первое десятилетие 2000-х гг., когда в условиях быстрого экономического роста в крупные города России началась массовая миграция иностранной рабочей силы. Но сотни тысяч трудовых мигрантов из Узбекистана и других республик бывшего СССР не учитываются переписью как постоянное население² в отличие от иностранцев, получивших вид на жительство³. Это объясняет тот факт, что при наличии десятков тысяч «гастарбайтеров» из Узбекистана общая численность представителей узбекской диаспоры в 2021 г. составила в Санкт-Петербурге всего 12,2 тыс. чел. (К последним относятся как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане, получившие вид на жительство⁴.) Необходимо отметить, что по сравнению с 2010 г. к настоящему времени не только численность узбеков, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге, сократилась на 40 % (см. табл. 1), но и их расселение по территории города стало более равномерным. Если в начале прошлого десятилетия в почти половине всех МО Санкт-Петербурга (47) Кэк узбеков выходил за пределы центрального диапазона, то в 2021 г. количество таких муниципалитетов сократилось до 20 (см. табл. 2). Сегодня наибольшее значение Кэк узбеков в Санкт-Петербурге наблюдается в 4 МО, рас-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростам*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростам*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

² По российскому законодательству иностранные трудовые мигранты считаются лицами, временно пребывающими на территории Российской Федерации, и не учитываются в переписи населения как постоянные жители.

³ Кроме бессрочно выдаваемого вида на жительство иностранцы первоначально могут получить разрешение на временное проживание сроком на 3 года (то есть временный вид на жительство). Такие иностранцы также учитываются переписью как постоянное население.

⁴ Перепись 2021 г. зафиксировала в Санкт-Петербурге 3,1 тыс. граждан Узбекистана, имевших вид на жительство.

положенных в разных районах города, и только в 1 — МО «Народный» (Невский район) — его значение превышает 3. Муниципалитеты с низкой концентрацией узбеков находятся практически во всех районах города, без какой-либо выраженной пространственной зависимости. Это резко контрастирует с ситуацией 2010 г., когда наблюдалась ярко выраженная концентрация узбекского населения в северо-западных районах Санкт-Петербурга и его отрицательная избирательность применительно к южным районам города (рис. 5). Снижение уровня концентрации узбекского населения преимущественно в северо-западной части города, вероятно, связано не только с сокращением общего количества «гастарбайтеров» из Центральной Азии во время «ковидных» ограничений внешней миграции в России (2020—2021), но и с тем обстоятельством, что строительный бум, имевший в начале 2000-х гг. выраженную пространственную локализацию в последующий период, в значительной степени сместился на территорию пригородных районов Ленинградской области, за пределы административных границ Санкт-Петербурга.

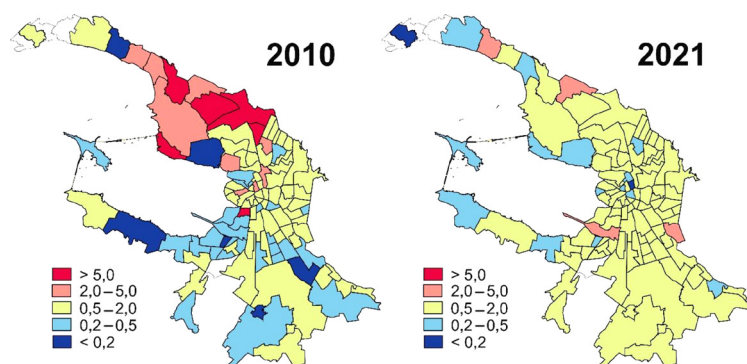

Рис. 5. Коэффициент этнической концентрации (Кэ) узбеков в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг.

Источник: составлено на основе данных Росстата¹.

Необходимо отметить, что за последний межпереписной период (2010—2021) демографический портрет узбекской диаспоры города существенно изменился. Так, если в 2010 г. доля детей до 15 лет среди узбеков Санкт-Петербурга составляла всего 6,6 %, а лиц старше 65 лет всего 1,1 %, то в 2021 г. эти возрастные группы составили соответственно 13,9 и 5,5 %. Удельный вес женщин в узбекской диаспоре города вырос в рассматриваемый период с 26 до 40 %. Конечно, эти показатели очень сильно отличаются от средних значений для населения Санкт-Петербурга: доля детей до 15 лет — 13,1 %, лиц старше 65 лет — 17,1 %, женщин — 55 %, но то, что одновременно с пространственной деконцентрацией происходит «нормализация» половозрастной структуры населения узбекской общины города, — несомненный факт.

Таджики. Динамика численности и пространственной структуры расселения таджикской диаспоры Санкт-Петербурга во многом повторяет ситуацию с узбекской общиной города. Как и узбеки, таджики стали заметной этнической группой в населении северной столицы только в начале 2000-х гг. Как и в случае с узбекским населением, численность таджиков, постоянно проживающих в городе, на поря-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

док меньше количества временных трудовых мигрантов данной национальности. «Ковидные» ограничения на миграцию из-за пределов Российской Федерации, действовавшие в 2020—2021 гг., привели к сокращению численности всех категорий иностранных граждан, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Если в 2010 г. переписью населения было учтено 69,6 тыс. иностранных граждан, из которых 15,2 тыс. чел. составляли граждане Узбекистана и 8,3 тыс. — граждане Таджикистана, то в октябре 2021 г. численность постоянно проживающих в городе иностранцев снизилась до 25,5 тыс. чел. Из них граждане Узбекистана и Таджикистана составили соответственно 3,1 и 1,8 тыс. чел. В результате численность учтенной переписями таджикской диаспоры в городе за 2010—2021 гг. сократилась на 20 % — с 12,1 до 9,6 тыс. чел. Как и в случае с узбеками, это привело к частичной нормализации половозрастной структуры таджикской диаспоры, отличавшейся ранее крайне низким (по сравнению с населением города в целом) удельным весом детей и лиц пожилого возраста. В результате, количество муниципалитетов с Кэк таджиков за пределами центрального диапазона ($2 \geq \text{Кэк} \geq 0,5$) по сравнению с 2010 г. сократилось более чем в 2 раза — с 59 до 27 (рис. 6). Сегодня более чем двукратное превышение средней концентрации таджикского населения наблюдается только в 6 МО Санкт-Петербурга, из которых только в одном муниципалитете (МО «Поселок Саперный» Колпинского района) оно превышает пятикратный уровень. Территории с повышенной концентрацией таджикского населения не образуют сегодня единого ареала расселения и относятся к различным районам города. Интересно, что Кэк таджиков более 2 наблюдается в двух из пяти муниципальных образований одного из исторических районов города — Адмиралтейского (МО «Семёновский» и МО «Сенной округ»). При этом другой исторический район города — Петроградский, как и расположенный на побережье Финского залива Курортный район, отличаются наименьшей концентрацией таджикского населения.

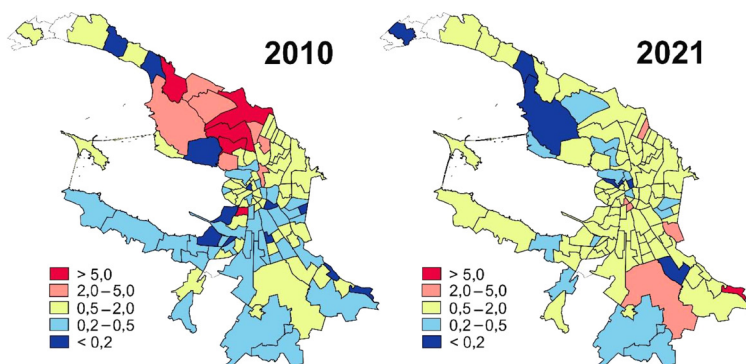

Рис. 6. Коэффициент этнической концентрации (Кэк) таджиков в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг.

Источник: составлено на основе данных Росстата¹.

В отличие от 2010 г. муниципалитетов с похожими уровнями этнической концентрации узбеков и таджиков сегодня в городе стало значительно меньше. Если полтора десятилетия назад коэффициент корреляции между расселением узбеков и

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

таджиков по территории Санкт-Петербурга составлял 0,89, то в 2021 г. он равнялся 0,44. Исходя из пространственного анализа расселения и особенностей половозрастной структуры, можно сказать, что таджикская диаспора интегрирована в городской социум в меньшей степени, чем узбекская.

Молдаване. Сегодня молдавская община Санкт-Петербурга является самой малочисленной среди рассматриваемых в данной работе этнических групп населения. Ее формирование приходится на 1950—1970-е гг., когда миграционные перемещения в пределах одного государства приводили к активному смешению населения, особенно в крупнейших городах страны. Однако наиболее быстро численность молдавской общины Санкт-Петербурга росла в начале первого десятилетия XXI в. — в период наиболее массовой трудовой миграции населения Молдавии в Российскую Федерацию. Перепись 2010 г. зафиксировала 7,2 тыс. молдаван, проживающих на территории северной столицы, большинство из которых имели гражданство Молдавии. Сокращение количества иностранных граждан в Российской Федерации в период пандемии COVID-19 привело к тому, что в 2021 г. в Санкт-Петербурге численность постоянно проживающих граждан Республики Молдова сократилась до 500 чел. (в 2010 г. — 4,5 тыс.), а численность представителей молдавской диаспоры снизилась до 2,9 тыс. чел. Сегодня расселение молдаван в Санкт-Петербурге характеризуется высокой пространственной неравномерностью, которая хотя и снизилась по сравнению с 2010 г., но остается одной из самых высоких среди этнических групп, рассматриваемых в данной работе. Так, в 21 муниципалитете города Кэк молдаван выходит за пределы центрального диапазона (в 2010 г. — 38 МО), а его среднее квадратичное отклонение составляет 1,31, уступая по значению только аналогичному показателю Кэк грузин и азербайджанцев.

Сравнивая пространственную концентрацию представителей национальных диаспор в Санкт-Петербурге с рейтингом муниципалитетов города по уровню социального благополучия [28], можно отметить, что в настоящее время связь между этими показателями не просматривается. Проведенный корреляционный анализ показал, что для большинства рассматриваемых этнических групп зависимость между коэффициентом этнической концентрации и такими показателями, как стоимость жилья, размер уплаченного налога на имущество физических лиц, образовательный уровень, удельный вес предпринимателей и рантье, очень слабая и не превышает 0,3 (табл. 3). Только у еврейской и отчасти грузинской общины Санкт-Петербурга наблюдается заметная корреляция между концентрацией их представителей в населении муниципалитета и показателями социального благополучия.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции показателей социального благополучия и коэффициентов этнической концентрации (Кэк) по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга

Показатель	Коэффициент этнической концентрации (Кэк), 2021 г.									
	Украинцы	Белорусы	Татары	Евреи	Узбеки	Таджики	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Молдаване
Стоимость жилья, апрель 2020 г., ЦИАН, м ²	-0,10	-0,27	-0,04	0,59	-0,15	-0,24	-0,02	-0,05	0,56	-0,03
Доля лиц с учеными степенями (среди жителей старше 25 лет), 2021 г., %	0,02	-0,23	0,04	0,42	-0,08	-0,13	0,09	-0,19	0,24	0,29

Окончание табл. 3

Показатель	Коэффициент этнической концентрации (Кэк), 2021 г.									
	Украинцы	Белорусы	Татары	Евреи	Узбеки	Таджики	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Молдаване
Доля лиц, имеющих основной доход от предпринимательства (среди жителей старше 20 лет), 2021 г., %	0,05	-0,18	0,18	0,44	0,00	-0,06	0,52	-0,14	0,15	0,70
Средний размер уплаченного налога на имущество физических лиц, 2016 г.	-0,12	-0,04	0,36	0,56	-0,23	-0,26	0,00	-0,15	0,31	0,00
Индекс социального благополучия территории, 2020 г.	-0,08	-0,30	0,19	0,55	-0,16	-0,28	0,03	-0,27	0,47	0,02

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹ и [28].

В то же время для узбекской и таджикской диаспор, чье формирование на территории города обусловлено прежде всего миграционными процессами постсоветского периода, в настоящее время отсутствуют признаки социальной сегрегации на пространственном уровне: как высокое, так и низкое значение Кэк у этих общин наблюдаются преимущественно не в самых «богатых», и не в самых «бедных» районах города. Объяснением данного явления может быть то, что рассмотрение пространственных особенностей расселения проводилось на уровне муниципальных образований в целом, тогда как многие муниципалитеты Санкт-Петербурга представляют собой внутренне сильно поляризованные территории, где богатство и бедность могут соседствовать в пределах одних и тех же жилых кварталов. Данная ситуация особенно характерна для центральных районов города, таких как Адмиралтейский, Петроградский и Центральный, где до сих пор от 20 до 30 % домохозяйств проживают в коммунальных квартирах². При этом незначительная численность официально учтенных в городе в ходе переписи 2021 г. узбеков и таджиков свидетельствует о том, что в своих расчетах мы имеем дело с наиболее интегрированной и, соответственно, социально обустроенной частью этих этнических общин.

Для других рассмотренных в работе национальных диаспор, за редким исключением, также характерна низкая зависимость пространственной концентрации от уровня социального благополучия территорий их проживания. К имеющимся исключениям можно отнести высокий коэффициент корреляции между Кэк молдаван и армян в муниципалитетах Санкт-Петербурга и долей лиц, имеющих в качестве основного источника средств существования доход от предпринимательской де-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 8: Число и состав домохозяйств, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 24.12.2023).

тельности и дивиденды от финансовых вложений, включая доход от патентов и авторских прав, проценты от финансовых вкладов и пр.¹. Последнее объясняется более высоким удельным весом индивидуальных предпринимателей среди армянского и молдавского населения города. Так, по данным переписи 2021 г. среди армянского населения доля лиц, имеющих доход от предпринимательской деятельности, в 4 раза выше, чем в среднем по Санкт-Петербургу.

Рассматривая устойчивость пространственной концентрации представителей национальных диаспор Санкт-Петербурга в последний межпереписной период (2010—2021), необходимо отметить, что только для некоторых этнических общин характерно постоянство значений Кэк. Так, коэффициент корреляции между значениями Кэк по муниципальным образованиям города в 2010 и 2021 гг. составил у азербайджанцев 0,59, у грузин — 0,65, у армян — 0,88 (табл. 4). В то же время территории максимальной и минимальной концентрации представителей узбекской и таджикской диаспор в городе за последний межпереписной период почти полностью изменились.

Таблица 4

Корреляция коэффициентов этнической концентрации (Кэк) некоторых этнических групп по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга, 2021 г.

Этническая группа	Украинцы	Белорусы	Татары	Евреи	Узбеки	Таджики	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Молдаване	Коэффициент корреляции расселения этнической группы в 2010 и 2021 гг.
Украинцы		0,57	-0,12	-0,21	0,11	0,32	-0,12	0,16	0,20	0,27	0,32
Белорусы			-0,07	-0,35	0,00	0,30	-0,21	0,05	-0,16	0,03	0,27
Татары				0,55	0,05	0,15	0,13	-0,06	0,09	0,06	0,43
Евреи					-0,07	-0,11	0,14	-0,04	0,40	0,23	0,38
Узбеки						0,44	0,15	0,30	0,08	0,10	0,03
Таджики							0,00	0,25	0,02	0,14	0,01
Армяне								-0,10	-0,05	0,47	0,88
Азербайджанцы									0,22	0,07	0,59
Грузины										-0,07	0,65
Молдаване											0,43

Источник: рассчитано на основе данных Росстата².

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. При сохранении абсолютного доминирования представителей русского этноса этнический состав населения Санкт-Петербурга за последние десятилетия претерпел существенные изменения. Так, с 1989 по 2021 г. численность молдаван,

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 7: Источники средств к существованию, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 24.12.2023).

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

татар и некоторых других народов Поволжья сократилась в 2—4 раза, украинцев — в 5 раз, белорусов — в 6 раз, евреев — в 11 раз¹. В то же время представительство ряда народов Кавказа и Центральной Азии увеличилось в 1,5—2 раза, а таджиков — в 5 раз. В результате, несмотря на то, что индекс этнической мозаичности (Иэм) Эккеля в Санкт-Петербурге по сравнению с концом 1980-х гг. несколько снизился (в 1989 г. — 0,202, в 2021 г. — 0,179), культурно-историческая дистанция между основным населением города и его крупнейшими национальными диаспорами заметно увеличилась.

2. Этническая концентрация представителей наиболее многочисленных национальных общин в Санкт-Петербурге имеет пока довольно ограниченный характер, и говорить о формировании на территории города этнических районов представляется преждевременным. Если в начале прошлого десятилетия на фоне масштабной трудовой миграции в Россию жителей Узбекистана, Таджикистана, Молдовы в ряде муниципальных образований Санкт-Петербурга наблюдалась повышенная концентрация выходцев из этих государств, то изменение направленности и интенсивности миграционных потоков в период ковидных ограничений привело не только к сокращению абсолютной численности узбеков, таджиков, армян, молдаван среди постоянных жителей города, но и увеличило пространственную равномерность их расселения.

3. Среди десяти рассмотренных этнических общин наблюдается наличие для некоторых из них положительной комплиментарности в расселении по территории Санкт-Петербурга. Так, коэффициент корреляции между значениями Кэк по муниципальным образованиям города у грузин и евреев составляет 0,40, у узбеков и таджиков — 0,44, у армян и молдаван — 0,47, у татар и евреев — 0,55, у украинцев и белорусов — 0,57 (табл. 4). При этом избегание совместного расселения у рассмотренных этнических групп (отрицательная комплиментарность) отсутствует: отрицательные значения коэффициента корреляции Пирсона рассматриваемых показателей описываются по шкале Чеддока как очень слабые.

4. Для большинства рассматриваемых этнических групп населения Санкт-Петербурга характерно отсутствие пространственной зависимости между этнической

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1293 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=66 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=36 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=40 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=9 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=9 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=8 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=29 (дата обращения: 21.12.2023) ; Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации, *Демоскоп*, URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=30 (дата обращения: 21.12.2023) ; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга, Ч. 1, *Петростат*, СПб., 2013 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Санкт-Петербург. Т. 5: Национальный состав и владение языками, Санкт-Петербург, *Петростат*, URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787> (дата обращения: 21.12.2023).

концентрацией и уровнем социального благополучия территории. На муниципальном уровне в настоящее время не происходит концентрации общин мигрантов из Центральной Азии и Закавказья на условно «социально неблагополучных» территориях. В то же время для ряда «старых» городских диаспор, прежде всего еврейской и грузинской, характерна зависимость пространственной локализации от социальных характеристик территории: наибольшая концентрация представителей данных этнических групп отмечается в социально благополучных, центральных районах Санкт-Петербурга.

Анализ расселения по территории Санкт-Петербурга представителей наиболее многочисленных национальных диаспор не исчерпывается данным исследованием. В условиях продолжающихся миграционных процессов вопросы межнациональных отношений будут приобретать все большую значимость и актуальность их изучения будет только возрастать.

Список литературы

1. Капралов, А. В. 2007, Иммиграция в Западной Европе во второй половине 20 в. — начале 21 в.: основные направления и тенденции, *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 17, Смоленск, Ойкумена, с. 185—204.
2. Catney, G., Wright, R., Ellis, M. 2020, The evolution and stability of multi-ethnic residential neighbourhoods in England, *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 46, № 2, <https://doi.org/10.1111/tran.12416>
3. Catney, G., Lloyd, C. D., Ellis, M., Wright, R., Finney, N., Jivraj, S., Manley, D. 2023, Ethnic diversification and neighbourhood mixing: A rapid response analysis of the 2021 Census of England and Wales, *The Geographical Journal*, vol. 189, № 1, p. 63—77, <https://doi.org/10.1111/geoj.12507>
4. Darden, D. T., Kamel, S. M. 2002, The Spatial and Socioeconomic Analysis of First Nation People in Toronto CMA, *The Canadian Journal of Native Studies*, XXII, № 2, p. 239—267.
5. Darden, D., Rahbar, M., Jezierski, L., Li, M. 2010, The Measurement of Neighborhood Socioeconomic Characteristics and Black and White Residential Segregation in Metropolitan Detroit: Implications for the Study of Social Disparities in Health, *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 100, № 1, p. 137—158, <https://doi.org/10.1080/00045600903379042>
6. Darden, D., Malega, R., Stallings, R. 2019, Social and economic consequences of black residential segregation by neighbourhood socioeconomic characteristics: The case of Metropolitan Detroit, *Urban Studies*, vol. 56, № 1, <https://doi.org/10.1177/0042098018779493>
7. Matthews, S. A., Chad, R. Farrell, Reardon, S. F., O'Sullivan, D., Lee, B. A., Firebaugh, G., Bischoff, K. 2008, The Geographic Scale of Metropolitan Racial Segregation, *Demography*, vol. 45, № 3, p. 489—514, <https://doi.org/10.1353/dem.0.0019>
8. Pinto-Coelho, J. M., Zuberi, T. 2015, Segregated Diversity, *Sociology of Race and Ethnicity*, vol. 1, № 4, p. 475—489, <https://doi.org/10.1177/2332649215581057>
9. Reibel, M., Regelson, M. 2011, Neighborhood Racial and Ethnic Change: The Time Dimension in Segregation, *Urban Geography*, vol. 32, № 3, p. 360—382, <https://doi.org/10.2747/0272-3638.32.3.360>
10. Logan, J. R., Alba, R. D., Zhang, W. 2002, Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles, *American Sociological Review*, vol. 67, № 2, p. 299—322, <https://doi.org/10.2307/3088897>
11. Кельман, Ю. Ф. 2014, Географический анализ этнокультурного разнообразия населения США, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 5, с. 22—30. EDN: TFLQDF
12. Житин, Д. В., Прокофьев, А. Д. 2019, Пространственные особенности смены этнической самоидентификации жителей США европейского происхождения, *Известия Русского географического общества*, № 151, № 3, с. 18—40, <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151318-40>
13. Житин, Д. В., Прокофьев, А. Д. 2022, Этнотерриториальные особенности социального неравенства в США, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 67, № 2, с. 333—359, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.207>

14. Forrest, J., Johnston, R., Siciliano, F., Manley, D., Jones, K. 2017, Are Australia's suburbs swamped by Asians and Muslims? Countering political claims with data, *Australian Geographer*, vol. 48, № 4, p. 457—472, <https://doi.org/10.1080/00049182.2017.1329383>
15. Forrest, J., Johnston, R., Siciliano, F. 2022, Australian Ethnic residential segregation and identificational assimilation: An intergenerational analysis of those claiming single (heritage) and dual (with Australian) ancestries, *Ethnicities*, vol. 20, № 6, <https://doi.org/10.1177/1468796819877572>
16. Manley, D., Johnston, R., Jones, K., Owen, D. 2015, Macro-, Meso- and Microscale Segregation: Modeling Changing Ethnic Residential Patterns in Auckland, New Zealand, 2001—2013, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 105, № 5, p. 951—967, <https://doi.org/10.1080/00045608.2015.1066739>
17. Manley, D., Johnston, R., Jones, K. 2018, Decomposing Multi-Level Ethnic Segregation in Auckland, New Zealand, 2001—2013: Segregation Intensity for Multiple Groups at Multiple Scales, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 10, № 3, p. 319—338, <https://doi.org/10.1111/tesg.12314>
18. Манаков, А. Г. 2020, Основные тренды в трансформации этнического пространства Центрально-Азиатского макрорегиона с 1897 по 2017 г., *Региональные исследования*, № 1, с. 53—64. EDN: XAAXCB
19. Манаков, А. Г., Григорьева, О. А. 2023, Изменение этнической структуры населения республик Урало-Поволжья: выявление трендов с 1926 по 2010 гг., *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*, т. 16, № 1, с. 13—30. EDN: RBSHYL
20. Орлов, А. Ю. 2013, Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации, *Региональные исследования*, № 2, с. 120—124. EDN: RBQMB
21. Суций, С. Я. 2020, Расселенческие стратегии кавказских общин в Волгоградской области: последняя треть XX — начало XXI века, *Региональная экономика. Юг России*, т. 8, № 2, с. 131—147. EDN: PQVYCY
22. Вендина, О. И., Панин, А. Н., Тикунов, В. С. 2019, Социальное пространство Москвы: особенности и структура, *Известия РАН. Серия географическая*, № 6, с. 3—17, <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>
23. Албакова, Ф. Ю. 2015, Культурно-антропологические аспекты национальной политики мегаполиса, *Вестник Российской нации*, № 6, с. 126—136. EDN: VVSTBJ
24. Бедрина, Е. Б. 2019, Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах, *Экономика региона*, т. 15, № 2, с. 451—464, <https://doi.org/10.17059/2019-2-11>
25. Добыкина, А. А. 2015, Новые гетто на старый лад. Проблемы адаптации и сегрегации мигрантов в современном городе, *Научное мнение*, № 12-2, с. 69—76. EDN: VJXWVD
26. Вендина, О. И. 2004, Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы?, *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, № 3, с. 52—64. EDN: HTLRGJ
27. Житин, Д. В., Краснов, А. И. 2015, Территориальная концентрация этнических групп населения в Санкт-Петербурге, *Известия Русского географического общества*, т. 147, № 2, с. 56—72. EDN: TNZIVN
28. Zhitin, D. V., Sechi, G., Krisjane, Z., Berzins, M. 2020, Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga, *Baltic Region*, vol. 12, № 1, p. 85—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-6>

Об авторе

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: zhitin_dv@mail.ru; d.zhitin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3810-9138>

SPATIAL CHARACTERISTICS OF ETHNIC GROUP LOCALISATION IN ST. PETERSBURG

D. V. Zhitin

Saint Petersburg University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Received 13 February 2024

Accepted 08 May 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-8

© Zhitin, D. V. 2024,

Amid ongoing globalisation, large cities are becoming increasingly attractive to migrants, resulting in a more multiethnic population composition, which underscores the growing importance of studying interethnic relations in metropolises. This work aims to explore the spatial localisation of ten ethnic groups residing in St. Petersburg: Ukrainians, Belarusians, Tatars, Jews, Georgians, Armenians, Azerbaijanis, Uzbeks, Tajiks and Moldovans. Using the ethnic concentration coefficient, the study examines the territorial heterogeneity of settlement among the city's largest ethnic diasporas to identify patterns in residential choice. The data on national composition are derived from all-Russian population censuses. Most national minorities are distributed rather evenly across the city, but the Jewish and Georgian communities are notably concentrated in the central district of St. Petersburg. At the same time, the migration restrictions imposed due to the COVID-19 pandemic not only decreased the size of the Uzbek and Tajik diasporas, thereby normalising their gender and age distribution but also led to a more even dispersion of these ethnic groups across the city. Currently, there is no evident correlation between the spatial concentration of most ethnic groups in St. Petersburg and their level of social well-being.

Keywords:

ethnic group, concentration, spatial features, social well-being, municipality, St. Petersburg

References

1. Kapralov, A. V. 2007, Immigration in Western Europe in the second half of the 20th century — the beginning of the 21st century: the main directions and trends, *Issues of economic and political geography of foreign countries*, iss. 17, Smolensk, Oikumena, p. 185—204 (in Russ.).
2. Catney, G., Wright, R., Ellis, M. 2020, The evolution and stability of multi-ethnic residential neighbourhoods in England, *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 46, № 2, <https://doi.org/10.1111/tran.12416>
3. Catney, G., Lloyd, C. D., Ellis, M., Wright, R., Finney, N., Jivraj, S., Manley, D. 2023, Ethnic diversification and neighbourhood mixing: A rapid response analysis of the 2021 Census of England and Wales, *The Geographical Journal*, vol. 189, № 1, p. 63—77, <https://doi.org/10.1111/geoj.12507>
4. Darden, D. T., Kamel, S. M. 2002, The Spatial and Socioeconomic Analysis of First Nation People in Toronto CMA, *The Canadian Journal of Native Studies*, XXII, № 2, p. 239—267.
5. Darden, D., Rahbar, M., Jezierski, L., Li, M. 2010, The Measurement of Neighborhood Socioeconomic Characteristics and Black and White Residential Segregation in Metropolitan Detroit: Implications for the Study of Social Disparities in Health, *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 100, № 1, p. 137—158, <https://doi.org/10.1080/00045600903379042>

6. Darden, D., Malega, R., Stallings, R. 2019, Social and economic consequences of black residential segregation by neighbourhood socioeconomic characteristics: The case of Metropolitan Detroit, *Urban Studies*, vol. 56, № 1, <https://doi.org/10.1177/0042098018779493>
7. Matthews, S. A., Chad, R. Farrell, Reardon, S. F., O'Sullivan, D., Lee, B. A., Firebaugh, G., Bischoff, K. 2008, The Geographic Scale of Metropolitan Racial Segregation, *Demography*, vol. 45, № 3, p. 489—514, <https://doi.org/10.1353/dem.0.0019>
8. Pinto-Coelho, J. M., Zuberi, T. 2015, Segregated Diversity, *Sociology of Race and Ethnicity*, vol. 1, № 4, p. 475—489, <https://doi.org/10.1177/2332649215581057>
9. Reibel, M., Regelson, M. 2011, Neighborhood Racial and Ethnic Change: The Time Dimension in Segregation, *Urban Geography*, vol. 32, № 3, p. 360—382, <https://doi.org/10.2747/0272-3638.32.3.360>
10. Logan, J. R., Alba, R. D., Zhang, W. 2002, Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles, *American Sociological Review*, vol. 67, № 2, p. 299—322, <https://doi.org/10.2307/3088897>
11. Kelman, Yu. F. 2014, Geographical analysis of the ethno-cultural diversity of the US population, *Bulletin of the Moscow University, Series 5: Geography*, № 5, p. 22—30. EDN: TFLQDF (in Russ.).
12. Zhitin, D. V., Prokofiev, A. D. 2019, Spatial features of changing ethnic self-identification of US residents of European origin, *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 151, № 3, p. 18—40, <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151318-40> (in Russ.).
13. Zhitin, D. V., Prokofiev, A. D. 2021, Ethno-territorial features of social inequality in the USA, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, № 2, p. 333—359, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.207> (in Russ.).
14. Forrest, J., Johnston, R., Siciliano, F., Manley, D., Jones, K. 2017, Are Australia's suburbs swamped by Asians and Muslims? Countering political claims with data, *Australian Geographer*, vol. 48, № 4, p. 457—472, <https://doi.org/10.1080/00049182.2017.1329383>
15. Forrest, J., Johnston, R., Siciliano, F. 2022, Australian Ethnic residential segregation and identificational assimilation: An intergenerational analysis of those claiming single (heritage) and dual (with Australian) ancestries, *Ethnicities*, vol. 20, № 6, <https://doi.org/10.1177/1468796819877572>
16. Manley, D., Johnston, R., Jones, K., Owen, D. 2015, Macro-, Meso- and Microscale Segregation: Modeling Changing Ethnic Residential Patterns in Auckland, New Zealand, 2001—2013, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 105, № 5, p. 951—967, <https://doi.org/10.1080/00045608.2015.1066739>
17. Manley, D., Johnston, R., Jones, K. 2018, Decomposing Multi-Level Ethnic Segregation in Auckland, New Zealand, 2001—2013: Segregation Intensity for Multiple Groups at Multiple Scales, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 10, № 3, p. 319—338, <https://doi.org/10.1111/tesg.12314>
18. Manakov, A. G. 2020, Main trends in transformation of Central Asian macroregion ethnic space from 1897 to 2017, *Regional Studies*, № 1, p. 53—64. EDN: XAAXCB (in Russ.).
19. Manakov, A. G., Grigorieva, O. A. 2023, Changing the ethnic structure of the population of the republics of the Ural-Volga region: identifying trends from 1926 to 2010, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki*, vol. 16, № 1, p. 13—30. EDN: RBSHYL (in Russ.).
20. Orlov, A. Y. 2013, Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the Russian Federation's population, *Regional Studies*, № 2, p. 120—124. EDN: RBQHMB (in Russ.).
21. Suschiy, S. Ya. 2020, Settlement strategies of Caucasian expatriate communities in Volgograd region: final third of the 20th century — early 21st century, *Regional Studies*, vol. 8, № 2, p. 131—147. EDN: PQVYCY (in Russ.).
22. Vendina, O. I., Panin, A. N., Tikunov, V. S. 2019, Social space of Moscow: peculiarities and patterns, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, № 6, p. 3—17, <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17> (in Russ.).
23. Albakova, F. Y. 2015, Cultural-anthropological aspects of national policy of the metropolis, *Bulletin of Russian nation*, № 6, p. 126—136. EDN: VVSTBJ (in Russ.).

24. Bedrina, Ye. B. 2019, The features of resettlement of labour migrants from foreign countries in Russian metropolises, *Economy of region*, vol. 15, № 2, p. 451—464, <https://doi.org/10.17059/2019-2-11> (in Russ.).

25. Dobykina, A. A. 2015, New ghettos in the old way. Issues of adaptation and segregation of migrants in a modern city, *The Scientific Opinion*, № 12-2, p. 69—76. EDN: VJXWVD (in Russ.).

26. Vendina, O. I. 2004, Can ethnic neighborhoods arise in Moscow?, *Vestnik obshchestvenno-go mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, № 3, p. 52—64 (in Russ.).

27. Zhitin, D. V., Krasnov, A. I. 2015, Territorial concentration of ethnic groups in Saint Petersburg, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 147, № 2, p. 56—72. EDN: TNZIVN (in Russ.).

28. Zhitin, D. V., Sechi, G., Krisjane, Z., Berzins, M. 2020, Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga, *Baltic Region*, vol. 12, № 1, p. 85—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-6>

The author

Dr. Dmitrii V. Zhitin, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: zhitin_dv@mail.ru; d.zhitin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3810-9138>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2024
Volume 16
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2024.
190 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236041

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Russia's Spatial Development Strategy: The Baltic Vector

<i>Leksin, V.N.</i> Development as a key evaluative concept of spatial system transformation	4
<i>Kolosov, V.A., Sebensov, A.B., Morachevskaya, K.A.</i> Formal borders and cross-border interactions: country – region – municipality	21
<i>Nefedova, T.G.</i> Trajectories and problems of the current spatial development of Russia's European Near North regions	42
<i>Gres, R.A., Zhikharevich, B.S.</i> The Baltic agenda in the strategies of Russia's Baltic regions and municipalities	62

Politics and economics

<i>Khudoley, K.K., Kolotaev, Y.Y.</i> Dividing lines in the EU's common foreign policy: Russia as a polarising factor	87
<i>Smorodinskaya, N.V., Katukov, D.D.</i> Moving towards technological sovereignty: a new global trend and the Russian specifics	108

Society

<i>Čižo, E., Bogdanova, N., Mietule, I., Kokarevica, A., Kudins, J.</i> Inequality among residents and enterprises in the Latvian online market of digital marketing	136
<i>Zhitin, D.V.</i> Spatial characteristics of ethnic group localisation in St. Petersburg	163

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2024

Том 16

№ 3

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 18.09.2024 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,7
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 96
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14